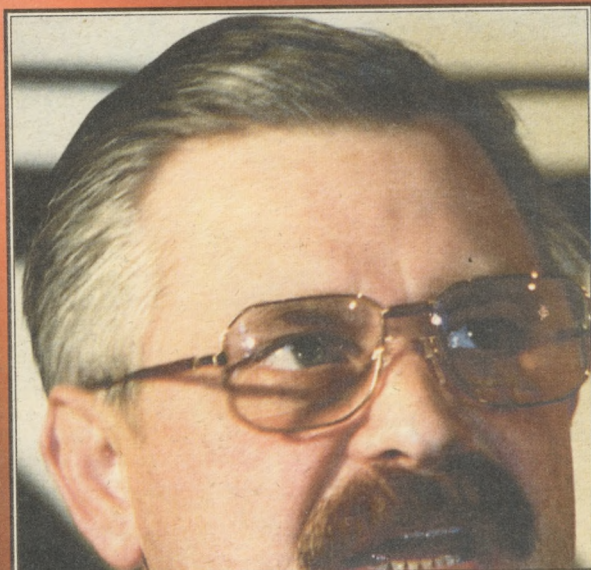

СТОЛИЦА

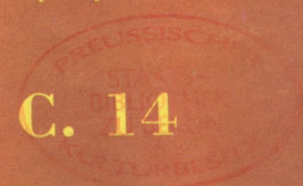
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 27 (189) 1994 г.

Пускай они победят.
Им же хуже. С. 14

7sn 76878

Российский фаянс - продолжение традиций

Стр. 29

Контактный телефон А/О
«Полигран»: 261-29-89
Адрес: Москва, ул.
Радио, д. 10, стр. 4

В НОМЕРЕ

4 Владимир ВОРОНОВ:

Перезревшей грушей падает Кавказ в объятия «миротворцев» в погонах. Мир входит в Абхазию так же, как и война — на танковой броне и в пятнистом камуфляже. Только мир ли это?

14 Дмитрий БЫКОВ:

Первые успехи оппозиции спровоцировали раскол в ее рядах. Этот раскол нарастает с катастрофической быстротой и выглядит репетицией тотального размежевания, которое постигнет красно-коричнево-серо-буро-малиновых в ближайшем будущем.

30 Анна ИНОЗЕМЦЕВА:

Школа... неужели позади эти долгие годы? Где еще услышишь неповторимую тишину школьных контрольных на всеми любимом предмете, когда гораздо приятнее думать самому, а не списывать из учебников?.. Где, в конце концов, все создано для того, чтобы смеяться до слез, хамить и ругаться, протестовать и дарить подарки?..

Политика

Камуфлированный мир Владимир Воронов, С.Мамонтов, Р.Горелов (фото)	4
Нас пугают, а нам не страшно Николай Троицкий	7
Борис Пастухов: «На каждую улицу танк не введешь»	8
Раздеваться лучше постепенно... Интервью с Владимиром Лукиным	10
«Знайте, суки, мы не с вами!» Круглый стол «Столицы»	11
Последнее искушение России Дмитрий Быков	14
Выбор телезрителей и песни политиков Владимир Грибанов	18

Экономика

Интервью с Кемером Норкиным	20
Индексация или компенсация? Константин Витальев	23
Пустите русских в Европу! Дмитрий Куни, Сергей Панов	26

Жизнь

Соленый дождь для вчерашних школяров Анна Иноземцева	30
Как я эмигрировал в Канаду Алексей Портанский	33
Грязь Светлана Стороженко	36
Со стаканом по жизни Алексей Беляков	38
Черно-белые «мультики» Алексей Баташев	39
Мы не вчера родились Алексей Баташев	41
«Центральный пересадочный» Алексей Митрофанов	44

Культура

Человек в папахе Интервью с Махмудом Эсамбаевым	46
Имея все, ходим с протянутой рукой Интервью с Андреем Разумовским	52
Писали, и будем писать! Николай Малинин	55
Дикие животные сказки Людмила Петрушевская	59
Собрание сочинений Игорь Иртеньев	60
Короткая история Михаил Смоляницкий	60
Сцены из домашней Библии Александр Соколянский	63

Письма	2
Цитатник	17
Дневник И.	50

На 1-й странице обложки
фото ИТАР—ТАСС, дизайн
С.Стыриковича

39 Алексей БЕЛЯКОВ:

Палата для тяжело-больных на медицинском сленге называется «мультики». Как ни пытался автор, он не смог выяснить этимологию этого «термина».

46 Махмуд ЭСАМБАЕВ:

...А искусство — это не всегда цветы и аплодисменты. Я когда на эстраде стал работать, танцевал часто босиком. Порой за кулисы уходил со стертymi в кровь ногами — такие сцены у нас. Но ничего — кровь стирал и снова выходил на сцену, и снова танцевал.

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 аур

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора: Консуэло Сегура, Петр Смирнов, Владислав Старчевский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Отдел общественно-политической жизни:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Николай Бахрошин

Международный отдел: Андрей Голубов

Отдел искусства: Татьяна Савицкая

Отдел литературы: Дмитрий Быков

Отдел репортажа: Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 01.07.1994 г.
Тираж 37 000
Цена договорная

Над номером работали: К.Сегура, С.Панов, И.Мельникова

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71
По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г. д. 7.
Зак. 1836

«Через две весны...»

Прочитала в «Столице» № 22 рассказ Дениса Горелова «Убий» и информацию Владимира Воронова «Хлев на палубе». Эта тема, мне кажется, не сойдет со страниц наших журналов и газет, пока не решится вопрос о полном переходе армии на контрактную систему.

Чего мы еще ждем? Более трагичной и страшной ситуации, чем в армии, у нас сейчас, пожалуй, нет нигде. Даже в экономике.

По роду работы мне пришлось познакомиться с деятельностью Комитета солдатских матерей. Это женщины, которым нужно ставить памятник при жизни. Сейчас им, конечно, стало немного легче, вроде миновали времена, когда и не пускали, и вытаскивали, и увозили в милицию. А они продолжали бороться за наших с вами сыновей.

Я бывала на пресс-конференциях Комитета, на его встречах с представителями Минобороны. Нет ничего страшнее! Вы никогда не видели, как бесшумно рыдает огромный зал, подобный залу кинотеатра «Россия»? Весь, целиком! Поднимешь голову, оглянешься — по всем лицам тихо бегут слезы, и по лицам выступающих, и по лицам сидящих в президиуме. А встреча с матерями воинов-афганцев! Я сама уходила оттуда в слезах.

Мать — это всегда синоним страдания и боли. Мать солдата — это невысшая мука на Земле.

...А контрактную систему все обсуждают.

О.КАРАВАЕВА

Санкт-Петербург

Цифры и реальность

В последнее время телевидение, радио, газеты ведут немало разговоров о безработице в нашей стране, о грустных перспективах ее роста. Как правило, все это с нотками паники и отчаяния, что, естественно, порождает ответное со-

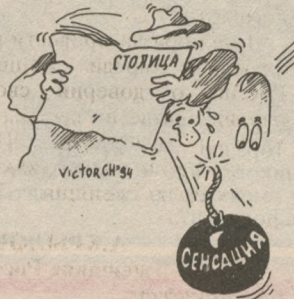
стояние паники у зрителя, слушателя и читателя.

Однако я сомневаюсь в точности и правильности этих цифр. Не могла бы «Столица» провести какое-либо аналитическое расследование или «круглый стол» с участием работников Бюро занятости? Думаю, что цифры явно завышены, потому что на учет могут встать и те, кто хочет просто подыскать себе место получше, хотя их материальное положение далеко от трагедийного, и уволенные за прогулы и пьянки...

Например, я встала на учет в «ТРИЗе», имея работу, и стою там до сих пор, продолжая работать. А сколько нас таких? Не стоит излишне страшать наш и без того измученный и запуганный народ — стоит давать достоверные и выверенные данные.

Москва

И.ГУСАРОВА

Ребенок родился больным...

Очень понравилась мне в 22-м номере «Столицы» статья Ксении Климовой «Помойная яма медицины». Да и вообще целиком вся подборка под рубрикой «Душа и тело». Захотелось написать.

Когда-то много лет назад лежала я в отделении невынашиваемости Института акушерства и гинекологии, тогда союзного. Я там лежала единожды, ребенка мне сохранили, но вместе со мной в отделении были женщины, которым врачи пытались сохранить детей по четвертому, пятому и даже... девятому разу. У кого-то наконец получалось — ребенок появлялся на свет, кто-то опять плакал в подушку, а через год-два приходил сюда снова...

Причины невынашиваемости у всех разные, но если природа что-то отменяет сама, не лучше ли ее послушаться?

Конечно, послушаться ее — трагедия, но значительно худшей трагедией практически для всех оборачивалось рождение столь тяжело доставшегося драгоценного ребенка. Практически все эти дети оказывались больными, чаще страдала психика, бывало — плохие кости (искривление позвоночника, стираются зубы), слабый желудок, просто бесконечные простуды, анемия, слабость и многое другое. Играл свою роль и возраст матери — ведь родить ребенка ей удавалось часто только под сорок, а то и позже.

Повторюсь: природа отменяет слабое, больное. В естественном отборе, как это ни страшно сегодня звучит, есть своя логика и свой смысл, учитывать которые необходимо. Проблема тяжелая. Как ее решать, признаюсь, не представляю. И то плохо, и это. Но сохранять заведомо больных детей...

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Орел

И.Г.

Золотая таблетка

Говорить сейчас о ценах уже просто бессмысленно: еда, растут и, конечно, будут расти. Но все же давайте зайдём в аптеку. Или вы абсолютно здоровы и в семье никто не болеет? Тогда ваше счастье. А если у близких диабет, астма, стенокардия, пневмония, аллергия? Да мало ли что может случиться...

Можно ограничить себя в еде, в одежде, не ходить в театр, не покупать книг... Но как вы поступите, если родному вам человеку жизненно необходим таривид (45 тысяч — 10 таблеток) или постоянно теофедрин (1800 руб. — 10 таблеток), при регулярной потребности хватает где-то в среднем на 3—4 недели? Лоринден — 5 тысяч, тавегил — 4 тысячи, валокордин — 2400, аллохол — 3600... Список каждый может продолжить сам.

И выхода нет: или медленно продавать то, что еще можно продать, или... Ну, уж об этом даже писать рука не поднимается.

Г. ЛЕБЕДЕВСКИЙ

Оренбург

Желаем выжить

Приветствую появление в № 22 «Столицы» материала Юрия Устищенко «Кольт не желаете?». Это просто замечательно, что журнал столь быстро и живо отреагировал на появившуюся у нас не так давно проблему свободного приобретения огнестрельного оружия.

Автор пишет в конце: «Видимо, нам не дано учиться на чужих ошибках. Мы явно предпочитаем делать свои». Юрий Устищенко тысячу раз прав. У нас так в каждом деле. Но здесь — стреляют. Пускай?

Недавно открываю рекламную газету «Экстра М» — и что же вижу? Рекламу оружия, которое продают даже без лицензии где-то на Сходненской. И думаю, не только там.

Стало быть, захочу я купить себе стреляющую иг-

рушечку, возьму деньги и поеду за ней. Без проблем. К обеду привезу домой, а вечером пойду попугаю соседа, который раз семь заливал мне квартиру и без конца включает на полную громкость телевизор далеко за полночь. А у другого соседа недавно был инфаркт. Он увидит на лестнице меня с наганчиком в руке — и вызывая реаниматоров.

Вот ведь как может разгуляться фантазия даже от одного небольшого рекламного объявления! Конечно, реклама — это деньги, кто же не знает. Но все знают и то, что оружие стреляет. Или еще не все?

К. ИЗВЕКОВ

Москва

«Есть женщины...»

Появление партии «Женщины России» заинтересовало и привлекло, думаю, не только мое внимание. Попыталась обобщить имеющиеся о ней данные и сведения и обнаружила, что знаю мало, а хотелось бы больше.

Может быть, «Столица» напечатает об этой партии статью, расскажет об инициаторах ее создания, социальном и возрастном составе, программе, целях и задачах, о госпоже Федуловой...

Почему, например, столь откровенно эта партия, взявшая на себя право и смелость выступать от лица всех российских женщин, явно и очевидно смыкается с партией господина Зюганова? Или в ее составе только коммунистки, не знакомые с цифрами погибших по вине все той же компартии?

И не пора ли провести референдум среди женщин России о доверии своей партии? Разве не все мы ее должны выбирать? Или это касается только каких-то особых женщин? Каких?

А. КРЫЛОВА,
женщина России

Екатеринбург

Поздравляем подписчиков — победителей нашей лотереи!

Ф. И. О.

Приз

Артемьева С.В.	хрустальная ваза
Барковский Ю.Г.	магнитофон
Бобкова Е.И.	видеоплейер
Богорова Ф.В.	подписка на 1-е полугодие 1995 г.
Вожегонова Р.Ф.	тостер
Волович А.В.	утюг
Галкина П.П.	чайный сервиз
Домбровский Л.А.	кофемолка
Захарова Н.Н.	утюг
Злобина О.В.	тостер
Кабальнова М.Н.	кофемолка
Казарян Р.К.	кухонный комбайн
Коробко В.Г.	кофемолка
Кравченко Р.Н.	кофеварка
Малышева М.М.	хрустальная ваза
Мудрова И.И.	утюг
Первушин П.Н.	чайный сервиз
Пожарский Д.В.	подписка на 1-е полугодие 1995 г.
Позднев Ю.Д.	утюг
Прибылова Е.Д.	тостер
Резник В.И.	кофемолка
Розанов С.А.	набор сковородок
Соколова Н.Р.	самовар
Станкевич И.Л.	чайный сервиз
Староверов С.С.	видеоплейер
Суховольская Л.А.	магнитофон
Хренков В.И.	подписка на 1-е полугодие 1995 г.
Чистякова Т.А.	чайный сервиз
Шаламова Н.К.	кофемолка
Шмаин М.Н.	чайный сервиз
Щербаков А.И.	утюг
Юрлова Т.Н.	утюг
Ярков В.А.	набор сковородок

Призы можно получить в редакции «Столицы» (ул. Петровка, 22). При получении приза иметь при себе подписную квитанцию.

Справки по телефону:
923-07-04

Камуфлированный мир

АБХАЗИЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

Владимир ВОРОНОВ
С. МАМОНТОВ, Р. ГОРЕЛОВ (фото)

Перезревшей грушей падает Кавказ в объятия «миротворцев» в погонах. Мир входит в Абхазию так же, как и война — на танковой броне и в пятнистом камуфляже. Только мир ли это?

Голубые береты солдат 345-го парашютно-десантного полка российской армии должны разделить абхазские и грузинские позиции. Как долго шли сюда десантники! А разве они не были здесь всю войну — от первого до последнего дня?! Сидели в Гудауте, Верхних Эшерах, Сухуми — стерегли боевой аэродром, за военно-санаторным имуществом присматривали. Есть крылатая фраза: двое дерутся — третий радуется. Разве не радовались люди в лампадах, глядя на схватку двух кавказских народов?

А ведь российские военные давно уже проводят своеобразные «миротворческие» операции на этой земле. Помогли уголовникам из «Мхедриони» выкурить Гамсахурдиа из Тбилиси — несговорчивым был. Всемирно известному своим миролюбием товарищу Шеварднадзе подарили едва ли не все оружие, оставшееся в Закавказье от бывшей Советской Армии — лишь бы поближе к Москве держался. Ан нет, заупрямился капризный «президент» и бывший

партийный руководитель суверенной Грузинской Советской Социалистической Республики: не хочу в СНГ — в Европу хочу... Тогда-то «неизвестные» самолеты-штурмовики быстро и доходчиво разъяснили непонятливым, чья сабелька поострее и чья дубинушка побольше. А заодно и пол-Сухуми в порошок стерли. Захотелось Шеварднадзе обратно, в СНГ, — вывезли из осажденного абхазскими войсками Сухуми застрявшего там «батона Эдуарда». На российском военном вертолете. А заодно и от отрядов Звиада оборонили Кутаиси.

«Дуэлянты» надубасили друг друга до потери пульса — чуть ли не все патроны расстреляли, все мины по кустам рассовали. Вот теперь-то их можно и «мирить» — дело сделано.

Грузия обессилена и унижена. Абхазия обескровлена и разорена. В обнищавшем Тбилиси правят бал «крестные отцы». В полуразрушенном Сухуми — мародеры. Шеварднадзе остается лишь беспомощно стучать кулаками в парламенте — куда де-

нешья от Москвы? Абхазы же сами рвутся в лоно «матери России».

В августе 1992 года, во время грузинского вторжения в Абхазию, тем же десанникам было бы достаточно приказа из Москвы, чтобы быстро прекратить войну. Но приказ не прозвучал — бывший член политбюро ЦК КПСС оказался для Кремля милей «чужака» Ардзинбы.

Кто будет расплачиваться за сложные расчеты (или просчеты) генералов и политиков? Сколько из этих парней вернется домой в цинковых гробах — тысячи миловушек подстерегают их...

И все это во имя долгожданного мира между абхазами и грузинами? Господь с вами, да московским генштабистам наплевать и на тех, и на других! Как адская машина замедленного действия, военные ждали своего часа. Вы думали, что они стерегли санатории в ожидании курортного сезона? Им нужно было сохранить базы и военное присутствие на Кавказе... А мир — зачем он человеку с ружьем?

Нас пугают, а нам не страшно

Нас опять пугают катаклизмами. Одни высокопоставленные пророки устрашают забастовками, массовыми акциями протеста, сменой правительства, новым витком противостояния властей. Другие запугивают коммунофашистской угрозой. Третьи, в ответ, рисуют ужасы «американской колонизации», торжества мафии и гибели державы. А самые главные руководители благодушно утешают: после принятия новой Конституции и подписания договора об общественном согласии гражданская война исключена.

Известно, что в России ни договоры, ни соглашения, ни законы никогда не мешают ни заговорам, ни путчам, ни восстаниям. Так что впору бы испугаться. Но почему-то не страшно.

Нет у нас революционной ситуации. Знаменитая ленинская формула поставлена вверх дном: низы восстать не могут, верхи не хотят. Катаклизмы им без надобности.

Конечно, может уйти в отставку правительство, может быть распушен парламент и объявлены досрочные выборы. Но никаких заметных потрясений эти пертурбации уже не вызовут. Ни власть, ни жизнь не переменится. Похоже, посттоталитарная Россия уже достигла высот европейской стабильности, при которой кабинеты министров меняются хоть ежемесячно, а гражданам-обывателям — все нипочем.

Незыблемость власти и строя смущает радикалов. И правых, и левых. Демократы первого поколения, помогавшие установлению нынешнего режима, спонтанно разочаровались и чураются дела своих рук: опять правит номенклатура! властители страшно далеки от народа! где же демократия, парламент, разделение властей?! Ну, не с неба же все это упадет на наших политических теоретиков... Внепарламентская, внесистемная экстремистская оппозиция тоже недовольна: тужится устроить всенародную забастовку, манифестацию, поднять гнев народных масс, мозолистую руку рабочего класса. И у них все кончается конфузом. Не идет народ за своими «героями», даже голосовать ни за кого не хочет.

Тем спокойнее для власть имущих. Они управляют, как хотят и как могут. В отсутствие Конституционного суда, полноценного Генерального прокурора и дееспособного парламента исполнительная власть не обременена ни Основным, ни прочими законами, ни законодательным контролем. Бюджет текущего года утверждается чуть ли не по его истечении, за исполнение бюджетов предыдущих лет некому и не перед кем отчитываться.

Тем временем в Думе идет призрачная

Николай ТРОИЦКИЙ

Нет у нас революционной ситуации. Знаменитая ленинская формула поставлена вверх дном: низы восстать не могут, верхи не хотят. Катаклизмы им без надобности.

борьба между демократами, коммунистами и либерал-демократами. Рождаются разнообразные экономические программы, которые никогда никто не будет выполнять. Все это не имеет никакого отношения к реальности. Впрочем, так же как и клятвы правительства не сходить с проложенного курса и неустанно углублять реформы.

Исполнительной власти удобно без парламента и без мятежников. Но до полной безмятежности далеко. В верхах идет непрерывная борьба. Не потусторонняя схватка между мифическими партиями, а реальная, содержательная борьба за передел власти, собственности и сфер влияния.

В суровом бою сошлись высшие федеральные чиновники, республиканские, краевые, областные и городские лидеры. У каждого есть свой частный интерес. Но они действуют не поодиночке, а объединяются в группы давления. Можно поразному сформулировать принципы их объединения. Одни политики считают, что власть поделена между тремя отраслевыми лобби: топливно-энергетическим, аграрным и военно-промышленным. По таким же отраслевым признакам они делят и субъектов федерации, а залог стабильности видят в том, чтобы власть распределялась равномерно и пропорционально влиянию сырьевых, аграрных и промышленных регионов.

Но при такой раскладке теряется роль финансового капитала. Поэтому существует и другая концепция: власть поделена между ставленниками так называемого торгово-посреднического, спекулятивного капитала и радетелями капитала национального. Впрочем, в данном случае деление на аграрников, промышленников и сырьевиков все равно неизбежно.

Как бы то ни было, некоторые выводы очевидны. Созданный в России суррогат плюрализма и многопартийности никакого отношения к нормальной демократии не имеет. Можно пускаться в бесконечные терминологические споры, называть этот тип государственного строя номенклатурным, бюрократическим, авторитарным, каким угодно — но он оказался весьма устойчивым. И кто бы ни возобладали, победил, взял верх в высших эшелонах власти — большинству населения безразлично. Конечно, власть отчуждена от народа. Но система сама обеспечивает свою стабильность. Ей не страшны ни правительственные кризисы, ни забастовки, ни прочие катаклизмы.

Борис Пастухов: «На каждую улицу танк не введешь»

Нужны цивилизованные способы защиты прав русских вне России

На одном из совещаний в МИДе замминистра Борис ПАСТУХОВ призвал работников российских консульств в «ближнем зарубежье» жестче, активнее и даже «злее» защищать права этнических русских в странах их сегодняшнего проживания...

Вот что имел в виду замминистра Пастухов:

— Если говорить о судьбе наших соотечественников, то мы, МИД России, пытаемся строить свои взаимоотношения со странами «ближнего зарубежья» на общепринятой международной правовой базе, которая оправдала себя и проверена жизнью. Ничего особенного мы здесь не придумываем. А развивая с каждым из этих государств, бывших советских республик, двусторонние отношения, считаем — да и сама жизнь это подтверждает, — что одним из самых чувствительных и важных моментов является проблема так называемого русскоязычного населения.

Это проблема, стоявшая многие десятилетия между нами и всем остальным миром: нас, Советский Союз, очень долго упрекали в том, что он не идет в ногу со всем цивилизованным миром в отношении к проблеме прав человека. И нас действительно было за что упрекать. Хотя, может быть, некоторые упреки были и незаслуженными... Но это ведь была другая страна, было другое время, это была эпоха «холодной войны»! Разумеется, существовавшее у нас в то время отношение к правам человека может вызывать сейчас только разочарование и даже осуждение. Но печально во всем этом другое: некоторые бывшие республики СССР, к сожалению, повторяют сегодня азы той самой политики бывшего Союза в соблюдении законных прав человека, против которой еще совсем недавно выступали демократи-

чески настроенные политики в этих республиках.

Я, конечно, прежде всего имею в виду Прибалтику: там мы, к сожалению, имеем серьезные основания говорить, что нарушаются права человека и нарушения эти — особенно по отношению к «русскоязычному» населению — носят массовый характер. Правда, не во всех трех республиках Балтии ситуация столь удручающая: о положении русских в Литве так категорично, конечно, не скажешь. У литовских политиков, как видно, хватило разума и такта более взвешенно подойти к этой очень деликатной проблеме, что заставило их искать и находить решения, которые бы не раздражали, не унижали определенную — и немалую — часть населения.

Некоторые говорят: мол, в Литве просто приняты более цивилизованные законы — в том числе о гражданстве, о языке и проч. Но ведь хорошие и цивилизованные законы везде принято очень много, но... надо еще сделать так, чтобы законы эти исполнялись. А для этого надо вложить человеческую душу, тепло, да и

просто элементарную порядочность!

Русским неуютно не только в Балтии...

— В среднеазиатских республиках бывшего Союза никогда раньше вроде не было оснований для упреков русского человека в том, что он поселился там, чтобы что-то «оккупировать» или «завоевать»... Поэтому для всех нас стало неожиданным, когда мы столкнулись в этих ныне суверенных государствах СНГ с проявлением жуткого, просто-таки пещерного национализма, хотя вроде бы официальная политика здесь не дает оснований для этого. Но факт остается фактом: практически действия некоторых местных руководителей, а также национализм на бытовом уровне приводят к тому, что сегодня русский человек, который родился там, как говорится, пустил корни, во-первых, поставлен в неравные условия с людьми «титულიной» национальности, а во-вторых, целой системой действий он просто выдавливается из той жизни, которая уж стала его... Убежден, что нынешние руководители этих государств скоро осознают, что они совершают вопиющую ошибку! Потому что такой вот своей политикой по отношению к «русскоязычным» они, желая того или нет, делают все, чтобы вернуть свои страны в состояние слаборазвитых, аграрных образований...

Из среднеазиатских республик, по моему, наиболее острое положение с русскими в Киргизии. Мне пришлось там бывать много раз. И каждый раз я не перестаю удивляться тому массовому исходу русскоговорящего населения, который сейчас происходит... Причем покидают Киргизию самые нужные республике люди! Не какие-то там должностные лица, нет: уезжают в огромном количестве врачи, медсестры, высококвалифицированные рабочие, мастера, начальники цехов. Уезжают люди, быструю замену которым найти просто будет невозможно! Конечно, многие из них не говорят по-киргизски. Ну и что из этого? Что плохого республике, ее населению сделали эти русские люди, десятками лет добровольно трудившиеся на республику в машиностроении, в здравоохранении, на ниве культуры?! Они-то чем провинились перед Киргизией? Знаете, я под сильным впечатлением от моей последней встречи с нашими консульскими работниками: они ведь буквально каждый день принимают даже не десятки, а сотни людей, которые вынуждены уезжать навсегда из Киргизии!..

Есть ли рычаги влияния у России?

— А никаких особых рычагов не требуется! Существуют общие цивилизованные правила, которые просто должны исполняться и в России, и в Киргизии, и в Узбекистане, и в Молдове — везде. Что касается нас, МИДа, то перед лицом тех процессов, каковые сегодня происходят в бывших союзных республиках, мы вынуждены прежде всего усилить нашу работу над двусторонними консульскими конвенциями, соглашениями. Мы прикладываем сейчас немало усилий, добиваясь принятия на взаимной основе документов, касающихся защиты прав людей, проживающих в одной стране, но являющихся гражданами другой...

Многие политики одним из таких рычагов воздействия на ситуацию с «русскоязычными» считают принятие в странах СНГ законов о двойном гражданстве. Наверное, в какой-то мере это и рычаг, но в целом проблему такой закон, конечно, не решит. Ведь что такое закон о двойном гражданстве? Например, в Узбекистане? Он должен касаться не только людей русской национальности, а всех проживающих в Узбекистане. А там ведь сегодня много и корейцев, и представителей других национальностей. Которые говорят и на русском, и на своем родном языке... Словом, закон о двойном гражданстве — не универсальный выход. Главный выход, на мой взгляд, состоит в том, чтобы были разработаны — и как можно скорее — четкие принципы (закрепленные, естественно, вы-

сокими подписями сторон) по поводу условий жизни и труда наших соотечественников в государствах СНГ и Балтии.

А вообще, когда говорят об «иных рычагах», чаще всего имеют в виду силовые. Так вот, скажу совершенно определенно: ничего подобного принимать мы не намерены. Мы вообще далеки от мысли, что надо каким-то особым образом охранять «русскоязычное» население, скажем, в Молдове, в Казахстане или в той же Киргизии. Ведь перед каждой квартирой русской семьи автоматчика не поставишь и на каждую улицу танк не введешь.

Сейчас часто раздаются голоса об экономических методах воздействия на «ближнезарубежные» государства. Но экономические санкции — дело тоже очень тонкое... Я вообще не знаю примера, когда они действовали бы эффективно. Скорее, это палка о двух концах, которая вызовет наверняка еще большее раздражение, острую реакцию со стороны местного населения. Оно поймет для себя одно: «Вот из-за этих русских русские же, российские власти, вводят какие-то санкции против нас»... Как правило, это ударяет по тем, чьи права мы пытаемся защитить, острым бытовым национализмом, настоящим прессингом.

Но ведь, согласитесь, экономические меры — это не только санкции. Это еще и совместные договоренности о каких-то выплатах русским, компенсациях и прочее. Скажем, много есть в этих бывших республиках СССР пенсионеров, инва-

лидов войны, которые остро нуждаются в поддержке государства. Они отдавали свое здоровье не только за Россию, но и за ту республику, в которой сейчас живут: Советский Союз-то был един в войне с фашизмом. Вот тут надо и договариваться о том, кто эти пенсии будет платить, какие они будут.

Но главное и скорейшее, что мы, по-моему, должны предпринимать, — это укреплять сотрудничество. Работать над созданием атмосферы дружбы, доброжелательства. Рано или поздно все больше людей начнет понимать, что как мы жили много лет одной семьей, так и должны снова жить. А мы разошлись по комнатам коммунальной квартиры, громоздим искусственные перегородки, пытаемся в каждую комнату провести отдельный телефон, поставить отдельную телевизионную антенну... Это смешно и неразумно!

Словом, главный рычаг в наших взаимоотношениях — создание климата доверия, сотрудничества...

Я вот, кстати, думаю: а как бы, интересно, сложилась судьба такого большого писателя, как Чингиз Айтматов, если бы ему предстояло сегодня начинать свое творчество в условиях вытеснения русского языка из киргизской жизни?.. Ведь он же, мы помним, сначала все свои вещи писал на русском, а потом уже сам переводил их на родной, киргизский, язык, чтобы с ними могли познакомиться и люди в Киргизии, не владевшие русским... Но написано-то им все самое значительное — на русском!

Записал Григорий КРОШИН

Подарки дядюшки Сэма

В газете «Индепендент» опубликована статья Аники Сэвилл, которую мы перепечатаем с сокращениями.

Ваучеры от дяди Сэма — это последняя хитрость, придуманная для того, чтобы добиться вывода российских войск из Балтии. В Эстонии до сих пор находятся примерно 2400 военнослужащих действительной службы, с выводом которых у Москвы, как она дала понять, явно существуют трудности. Кроме того, там живет около 10 000 — никто не знает точной цифры — военнослужащих «отставников». Поскольку некоторым из них нет и 40 и у них давние связи с бывшим КГБ в Москве, эстонцы вообще не считают их «отставниками». Эстонцы хотя и пытаются уехать из страны. Попытки оказать на Россию нажим до сих пор были бесплодными. Эстония — это их дом, утверждает Москва, и нельзя рассчитывать на то, что их удастся мгновенно выслать из страны. Но в то же время последние российские войска должны быть выведены из Латвии и Германии к 31 августа этого года.

Стало ясно, что придется заплатить России за расселение ее военнослужащих на российской земле. Поэтому

эстонцы заручились поддержкой администрации Клинтона, которая вначале предлагала заплатить наличными за программу расселения. Эстонскому правительству такая идея не понравилась, потому что она не давала никакой гарантии, что войска будут действительно выведены из страны после того, как они получат деньги.

Поэтому дипломаты Таллина и Вашингтона выдвинули новый план. Соединенные Штаты выдадут 1000 ваучеров на расселение по меньшей мере имеющих самое высокое зва-

ние российских военнослужащих, которые могут доставить неприятности. Они смогут получить деньги по этому ваучеру только тогда, когда вернутся в Россию. Учитывая, что каждый ваучер стоит 10 000 — 30 000 долларов, есть надежда, что это будет достаточным стимулом.

Дипломатам стран Балтии ясно, что Россия не хочет откалываться от своих интересов в Балтии. В Эстонии, аннексированной Советским Союзом в 1940 году, проживают 475 тысяч русских, в то время как ее население, по переписи 1989 года, составляет 1,5 млн человек. Когда какой-нибудь эстонский дипломат говорит: «Нам хотелось бы, чтобы мир понял наше желание очистить Эстонию от России», — русские в ответ говорят о том, что их подвергают расовой дискриминации. И они не собираются уходить.

(ИТАР—ТАСС)

Раздеваться лучше постепенно...

Владимир Петрович, «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве Российской Федерации и Европейского союза» как бы официально закрепляет за Россией статус страны с экономикой переходного периода». По-вашему, каково значение для нас этого «Соглашения»? Нужно ли оно России? И если да, то не опоздали ли мы, как всегда: все же Украина, член СНГ, сделала это раньше России?

Председатель Комитета Госдумы по международным делам

Владимир ЛУКИН:

«Мы должны быть в порядке, тогда с нами будут считаться»

— Проблема не в том, какими по счету мы подписали соглашение с Евросоюзом. Ну подписали первыми украинцы — и слава богу. Пусть этот механизм у них работает эффективно. А это может произойти только в том случае, если идет рыночная реформа... Для нас проблема в другом: «Соглашение» должно действительно учитывать то, что Россия — страна с переходной экономикой. А ведь признание Западом «переходности» нашей экономики предполагает понимание того, что Россия при переходе к рынку нуждается в сочетании постепенного открывания своих рынков — и промышленных, и финансово-валютных, и других — с определенной степенью протекционизма. Сейчас, скажем, горячо обсуждается вопрос о судьбе наших банков. Вопрос стоит так: быть отечественной банковской системе (в том числе кредитной, пенсионной и т.д.) или сразу же допустить мощные иностранные банки на наш рынок? Правительство и президент после некоторых колебаний вроде бы склонились ко второму варианту...

— Вы, кажется, с этим не согласны?

— Я вовсе не против открытости нашей экономики. Но я против догматизма и революционного нетерпения в этом деле. Ведь одно дело — банки, которым четыре-пять лет, а совсем иное — которым по четыреста — пятьсот...

— Но, вероятно, эти наши особенности можно учесть в отношениях с Евросоюзом?

— Я об этом и говорю: должно быть, с одной стороны, постепенное открывание российского рынка, в том числе и для иностранных банков, но с другой — предусмотрен такой ритм этого открывания, который способствовал бы тому, чтобы наши банки, вступая во все более открытую конкуренцию, сами усиливались, а не ликвидировались или становились банками второго сорта, занимающимися «мелочевкой». А в этом случае наша страна превратится в этакое кентавра: какие-то винтики что-то производят, а вся голова — финансовая система — находится вовсе

не у нас... А это опасно, в том числе и по соображениям безопасности. В этих вопросах надо внимательно разбираться, сопротивляясь лоббистским группам и с той и с другой стороны, т.е. исходить из государственных интересов на длительную перспективу.

— Известно, что ряд стран — членов Евросоюза возражал против присоединения к Европейскому сообществу такого гиганта, как евроазиатская Россия, опасаясь, что мы нарушим существующий сегодня баланс в экономических взаимоотношениях внутри Западной Европы...

— Я отношусь к этому по поговорке моей молодости: «Чем больше хорошего человека, тем лучше»... Если большая Россия идет в цивилизованном направлении, то будет только лучше для Европейского сообщества: это обстоятельство создаст новый мощный рынок, расширит сферы притяжения, включит в оборот Европы огромные физические ресурсы, в том числе и натуральные, и т.д. Поэтому лично я не вижу ничего плохого в том, что Россия движется к нормальному рынку, к смешанной рыночной экономике. Конечно, если у России появятся намерения снова стать неким супергосударством с экономикой, на самом деле являющейся политикой, то это, естественно, будет вредно для Сообщества. Но это же не так: мы действительно сегодня пытаемся перейти из одного состояния в другое!

— Не считаете ли вы, что разумнее было бы предварительно согласовывать странам СНГ свои действия, касающиеся, например, вступления в международные организации типа Европейского союза?

— Это было бы хорошо, но, думаю, на данном этапе не совсем реально: вот когда мы, Россия, улучшим свою собственную экономику, тогда на нас больше будут равняться партнеры по СНГ, с нами больше станут считаться. А пока у нас кризис, никто с нами ничего согласовывать не будет.

— Не может ли подобная несогласованность нарушить в конечном итоге целостность Содружества?

— Может, безусловно. Но... никого же не заставишь любить друг друга, верно? Мы видим, что именно так происходит в политике — в отношении к программе НАТО «Партнерство во имя мира», так же будет и в экономике — в случае с соглашением между Евросоюзом и странами бывшего СССР. Главная наша задача — мы должны быть в порядке, тогда к нам будут прислушиваться. Прежде всего успешно решить свои внутренние проблемы. А что это значит? Это значит, сделать более работоспособной нашу экономику, увеличить экспорт того, что мы можем экспортировать в страны СНГ, создать больше «межэсэньговских» совместных предприятий, доля России в которых будет значительной, — и тогда мы станем взаимозависимыми: и они, страны СНГ, от России, и мы, Россия, от них. В этом случае все серьезные вопросы, в том числе и вступление в международные организации, будут наверняка решаться в координации с нами.

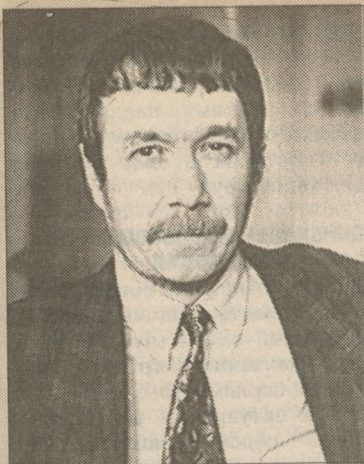
— Вы считаете правильным и своевременным шагом наше вступление в Европейский союз?

— Да, но только на условиях «страны с переходным периодом». На иных условиях, при которых мы можем превратиться в колониальную страну, односторонне, лишь в сырьевом плане привязанную к другим странам, такое соглашение было бы нецелесообразно. Ведь что получится, если мы не выставим определенных условий для работы, скажем банковской системы? Сразу же наши главные экспортеры (а это, как мы знаем, сырьевики) заключат сделки с иностранными банками, что для экспортеров будет, конечно, исключительно выгодно, и тут же включают их в международный обмен, но... Мы-то, Россия, останемся без наших национальных ресурсов! Российское государство уже не будет в таком случае контролировать этот процесс — как государство, как страна, как нация!.. Вот на это нам идти не надо. Образно говоря, нам надо идти на постепенное раздевание...

— Спасибо, Владимир Петрович.

Григорий КРОШИН

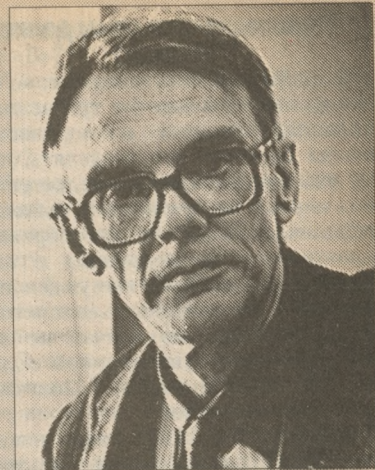

Денис ДРАГУНСКИЙ: Я на стороне нынешнего режима, потому что сейчас не вижу этому режиму существенной политической альтернативы. Политической, а не моральной.

Сегодня отдельные представители интеллигенции продолжают, несмотря ни на что, обдумывать судьбы России. Сложилось уже группы, ориентированные на известных политических деятелей настоящего и совсем недавнего прошлого, есть и такие, кто работает, как им кажется, на будущее.

Есть, однако, люди и группы, для которых стало профессией стоять в стороне, быть ни с кем. Люди там неглупые, с воображением. Позиция их, прямо скажем, хоть и гордая, но малоприбыльная.

О некоторых причинах таких воззрений, действующих лицах, тенденциях ведут разговор Дмитрий ФУРМАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН, Денис ДРАГУНСКИЙ, политолог, обозреватель «Столицы», и Сергей ШАПОВАЛ, наш корреспондент.

Дмитрий ФУРМАН: Идея объединения очень разных людей с целью построения правового общества небезнадежна.

«Знайте, суки, мы не с вами!»

Мы живем в эпоху, когда сильные идеологии умерли

Вонючая демократия и вонючая альтернатива

С.Ш.: Вы, Дмитрий Ефимович, один из организаторов Движения в защиту демократии и прав человека в России, выступившего с резкой критикой властей за их действия в сентябре—октябре прошлого года. На какой платформе возникло это движение и каков был спектр входящих в него политических сил?

Д.Ф.: Движение возникло стихийно, как проявление протеста. Люди собрались для того, чтобы сказать (эту формулу предложил Глеб Павловский): «Знайте, суки, мы не с вами!» Спектр был предельно широкий: от русского патриотизма до крайнего космополитизма или интернационализма. Так сложилось, что в Движении оказалось много людей с социалистической ориентацией: одним из инициаторов был Александр Бузгалин, который и привел с собой целую когорту людей типа Бориса Кагарлицкого, Андрея Калганова и др. В этом плюрализме слабость и, очевидно, безнадежность этого дела.

С.Ш.: Получается, что движение

возникло на волне определенной эмоции?

Д.Ф.: Да. Но надо учитывать, что в тот период было не ясно, во всяком случае нам, какой будет степень репрессивности возникающего режима. Нам виделся вариант еще более худший, поэтому объединились самые разные люди, остро реагирующие на сложившуюся ситуацию.

Д.Д.: Меня как человека, не примкнувшего к этому движению, интересует прежде всего такая вещь: если «знайте, суки, мы не с вами», то возникает вопрос — с кем же? Эмоциональный протест обычно кончается минут через 15 после того, как начался. Подлинная причина слабости такого рода движений, возможно, именно в этом, а не только в их разношерстности.

Д.Ф.: Я согласен. Когда дело переходит от негативного к позитивному, сразу обнаруживается, что оно у многих совершенно разное. Но, тем не менее, идея объединения очень разных людей с целью построения правового общества небезнадежна. Люди борются за создание легитимных демократических институтов, и

в этом случае не так уж важно — кто за что: за социализм ли, капитализм или за что-то другое. Предстоит еще искать общие ценности и способы существования для людей достаточно широкого спектра.

С.Ш.: Александр Янов высказал такую точку зрения: после октября в среде либеральной интеллигенции произошел раскол, что достаточно опасно, поскольку Россия еще очень далека от демократии, и, если эта тонкая пленка либерализма порвется, это отбросит страну назад.

Д.Ф.: Да, раскол произошел, но в этом, по-моему, нет никакой опасности. Лично я просто не встречаюсь с некоторыми приятелями, которые выступили тогда в поддержку Ельцина. Было бы ужасно, если бы раскол был такой: с одной стороны, демократия, но все более грязная и вонючая, а с другой — альтернатива этой вони, которая тут же становится и альтернативой демократии.

Если бы среди защитников «Белого дома» было больше людей некоммунистических и ненационалистических взглядов, и ситуации нынешней не было бы.

Революционная пена: долива не будет

Д.Д.: Во мне, как, наверное, во многих из нас, есть как бы три человека: политик, аналитик и моралист. Я всегда пытаюсь это разделять, потому что как моралисту мне, естественно, многое не нравится в нынешнем режиме: начиная от пренебрежения законностью до коррупции и т.д., и т.д. Но как политик вынужден признаться: я на стороне нынешнего режима, потому что сейчас не вижу этому режиму существенной политической альтернативы. Политической, а не моральной!

Д.Ф.: В 1979—1981 годах никакой реальной политической альтернативы не было, и сейчас, естественно, нет. Все достаточно жестко схвачено. В том-то и суть движения вроде нашего — создавать новые возможности. Надо спокойно относиться к вопросу о реальности того или иного пути: то, что невозможно представить сейчас, может стать явью через месяц.

Для того чтобы разобраться, что с нами происходит сегодня, я предлагаю пойти по линии, начавшейся в 1985 году. Тогда не было никакой альтернативы советскому режиму. При этом ни по какой формальной раскладке социальных сил Горбачев «не выводим», его просто не должно было быть, потому что никакая реальная сила его к реформе не принуждала. Спокойно можно было жить неограниченное время.

В чем отличие горбачевской «революции» от ликвидации царизма? Тогда были революционеры, они стреляли, происходили всякие бунты и т.д. — была борьба с определенной силой. При Горбачеве такой силы не было. Происходили куда более сложные явления, но внутри самого режима. Основной процесс тогда (да и сейчас) — это практически полное исчезновение господствующей идеологии.

При отсутствии какой-либо идеологической и политической альтернативы возникает совершенно особый способ гибели такого рода режимов. Горбачев ткнул это здание, и оно разрушилось. И никто не встал на защиту. Не было живой веры! Что же это за империя, что же это за государство, в котором ни один генерал даже танки не вывел, а ведь мог бы это сделать! Нашелся единственный честный политик — маршал Ахромеев, который повесился. А элита начисто ни во что не верила, все, кто хоть как-то с ней соприкасался, об этом знают. Между идеологией членов политбюро и идеологией Сахарова никакой разли-

цы не было. Была лишь разница между Сахаровым-человеком и человеком — членом политбюро: один был честным, другой — не очень.

Чем определялся статус нашей коммунистической элиты? Сколько раз и в какой западной стране побывал. Чего хотела элита, если она полностью потеряла чувство легитимности, которое может дать только живая идеология, но при этом не оставила надежды на красивую жизнь? Ей захотелось статусно легализовать свое положение: был секретарем райкома — а вот бы стать мэром, и чтобы еще вдобавок демократически выбрали. Тут уж даже никакой американец ничего не скажет. Горбачев был выразителем устремлений именно этого слоя.

Но, будучи идеалистом, он создал образ «приличной» страны и начал всю эту «перестройку». И вот здесь интересно: начав, он встречает довольно сильное сопротивление, кульминацией которого становится август 1991 года. Вроде бы вот тут-то и должна была начаться серьезная борьба за сохранение остатков коммунистических идеалов. Но ничего подобного.

Ельцин помог номенклатуре больше, чем Горбачев. Ситуация плавного перехода была хороша для страны, для демократии. А для элиты — значительно хуже, потому что ее задачей было быстрее переодеться: надеть смокинг. Как это ни парадоксально звучит, чем медленнее переход, тем больше риска для элиты: появляются демократические процедуры, возникает демократическое движение, нужно участвовать в выборах. А они говорить не умеют, участвовать в митингах — абсурд, выступать в печати — абсурд.

В этой ситуации нужно все время соображать: то ли встать на сторону республик, то ли на сторону центра, то ли к демократам перебежать, то ли в партии остаться. Нервная ситуация. И потом, в тех условиях бесконтрольного воровства было невозможно или, по крайней мере, сильно затруднено. Ельцин, одним махом все уничтожив, произвел релегитимацию номенклатуры, которая вытеснила на горбачевской волне затесавшуюся «пену». Это и Гамсахурдиа, и Эльчибей, и Старовойтова, и, скажем, Шелов-Коведяев, и пр., даже Гайдар. Именно скорость и радикализм ельцинских преобразований создавали опасность чисто формальных изменений, простой перемены знаков при сохранении сущности: тех же людей, того же типа политических отношений, — и именно эта скорость привела к событиям октября. Парламент

стал мертворожденной альтернативой в безальтернативном обществе, и с ним произошло то же, что происходило со всякими парламентами при движении по революционным кругам. 4 октября и был завершен еще один такой круг.

Маниакально-депрессивная революция

Д.Д.: Тут возникает вопрос: если разгон парламента был исторически предопределен, зачем нужно было создавать движение, кричать, выступая в его, парламента, защиту?

Д.Ф.: Эта ситуация и роль протестовавших людей приблизительно сравнима с маниакально-депрессивным психозом у человека, и как раз в маниакальный период. Что в этой ситуации должен делать врач, друг, он сам, наконец? Принимать успокоительное, сбивать маниакальность, чтобы потом, когда наступит следующий цикл, депрессия не достигла пика (в Литве пришел к власти Бразаускас, но ведь он не разрушил Конституцию, не отбросил страну назад. Это тоже цикл, но он ни к чему страшному не привел). Так вот, когда ты видишь обострение состояния, твоей задачей является каждый раз бросаться под колеса: в маниакальном цикле пытаться остановить маниакальность, в депрессивном — выводить из депрессии. Видящий это человек должен все время идти против, это его задача.

Д.Д.: С идеей, что честный человек всегда должен, как вы выразились, бросаться под колеса с точки зрения морали я согласен. Но меня задело сравнение с маниакально-депрессивным психозом, потому что я располагаю другими медицинскими сведениями. Ведь это не просто чередование маниакального периода с депрессией, между ними есть долгая ремиссия. Искусственно укорачивая любой приступ болезни, мы тем самым укорачиваем промежуток между приступами. Таким образом, помогая, в данном случае обществу, резко выйти из приступа болезни, мы приближаем следующий всплеск.

Но у меня есть и позиция моралиста: плохо, когда бьют из пушек по парламенту, но, с другой стороны, так же плохо, когда штурмуют мэрию и там все крушат.

Д.Ф.: Только давайте не будем вступать на почву фактов, потому что она очень скользкая. Я в большой степени оправдываю защитников «Белого дома», потому что, когда отключают свет, воду и ты не можешь нормально сходить в туалет, когда ты в осаде и думаешь, что защищаешь народное дело и весь народ

вот-вот выйдет, «крыша едет». Я не могу в данной ситуации поставить на одну доску противоборствующие силы.

Д.Д.: Я не хочу оправдывать ни одну из сторон. Когда люди говорят, что они защищают Конституцию, причем так зверски, мне хочется задать вопрос, но не тем, кто сидел у костра, — они вызывают человеческое сочувствие, а тем, у кого образование чуть выше пяти классов и политический опыт чуть больше, чем регулярное посещение анпиловских митингов: вы защищаете Конституцию, но почему же вы в недавнем прошлом не штурмовали ЦК КПСС, хотя этот институт ни в какой конституции ни разу не упомянут. Почему же вам, борцам за конституционный правопорядок, не пришло в голову, что существует абсолютно антиконституционный орган, который правит всей страной?

Д.Ф.: Идет революция. Люди, которые во Франции в 1791 году с ума сходили от того, что им необходимы права человека, а кругом аристократия, еще в 1788 кричали «ура» монархии.

Д.Д.: Верно. Значит, никакого общечеловеческого смысла, кроме ситуативного, у таких событий нет. Сегодня мне нравится монарх, завтра понравился Марат — идем свергать короля.

Д.Ф.: Но через все это: нравится король, потом нравится Марат, потом снова нравится король — и шло превращение той Франции в современную. Так что смысл в этом был. И кроме исторического смысла превращения страны в другую есть еще и чисто моральный смысл.

В октябре была совершена целая серия, с моей точки зрения, преступных актов. Во-первых, клятвопреступление (можно крутить как хочешь, но ведь клялся). Во-вторых, как я думаю до сих пор, хотя это очень темная история, разыгранное взятие «Останкино». Впрочем, достаточно одного клятвопреступления.

Д.Д.: Тут мы впадаем в архаику. Красивое, немного мистическое слово — «клятвопреступление». А разве коллективизация — это не нарушение клятвы, данной в «Декрете о земле»? Вы сказали совершенно правильную вещь: идет революция. Кто-то за большевиков, кто-то за коммунистов, есть проельцинские и антиельцинские элиты. В рамках этой революции происходит то же, что делали большевики: то снимают лозунг «Вся власть Советам!», то снова принимают его. И при этом говорить о клятвопреступлении? Такие слова я могу воспринимать как ло-

зунг на митинге, но не более того.

И потом, есть еще одна деталь. Большевиков можно называть как угодно: малым народом, немецкими шпионами, но тот факт, что они заковали в колодки страну и страна пришла к ним на поклон, обеспечив бескровное «триумфальное шествие» советской власти, свидетельствует о том, что это было (таковым оно остается и сейчас) народное государство, легитимизированное на самом верном референдуме в Отечественную войну. Поэтому мы можем сколько угодно критиковать Ельцина за клятвопреступление, его окружение за воровство, это будет отражать лишь наше неприятие всего этого и полное приятие этого народом.

С.Ш.: Мне кажется, что нынешняя политическая ситуация в известном смысле сравнима с литературной, где восторжествовал постмодернизм с его безумным смешением стилей, цитатностью, издевательством над предшествующей культурой и идеалами. Многие моменты возможно осмыслить только в постмодернистской системе координат: люди, гуляющие с колясками во время обстрела «Белого дома», секретарь обкома, сидящий под двуглавым орлом, и пр.

Постмодернизм. Хоть имя дико...

С.Ш.: Некоторые аналитики считают, что, пока интеллигенция выясняла отношения, на политическую сцену вышел Жириновский. Его появление, кстати, вписывается в концепцию Янова, сравнивающего сегодняшнюю Россию с Веймарской республикой в Германии, после чего с неизбежностью должен возникнуть фашистский режим.

Д.Ф.: Жириновский, думаю, не мог не появиться. Он, по-моему, логическое продолжение ельцинских тенденций. Быстрая трансформация режима в авторитарном и националистическом направлении подразумевает, что вслед за «А» кто-то должен сказать и «Б». Жириновский как раз это и делает: он ведь не возвращается к коммунизму, и вообще он либерал-демократ.

Д.Д.: Мне понравилось замечание председателя белорусского Народного фронта Зенона Позняка: Жириновский кричит, брызжет слюной, стучит кулаками, а Козырев говорит тихо, медленно, кажется, сейчас заснет, а если вслушаться, то он высказывается гораздо жестче, чем Жириновский.

Д.Ф.: Проблема здесь заключается в том, до каких пределов дойдет такая трансформация: будет ли

действительно сказано это пресловутое «Б»?

У меня есть оптимистическое ощущение, что серьезного фашистского режима у нас создать не удастся. Почему?

Первое — это постмодернизм. Мы живем в историческую эпоху, когда сильные идеологии умерли. Это, кстати, одна из причин того, почему у нас был застой. Нельзя же назвать идеологией сахаровский комплекс ценностей — «хорошо, это когда как на Западе» и «хорошо, когда есть свобода». Поэтому я не думаю, что Жириновский сможет вывести тысячи честных людей с горящими глазами, готовых на активные действия — мы наш, мы новый мир построим. Жириновский — это постмодернистский Гитлер.

И второе. Правящий слой от коммунизма уже избавился, еще, правда, не все дохалал, но процесс идет интенсивно, порядок ему нужен, чтобы довести хапок до конца, но серьезная диктатура ему не нужна, и он не позволит ей возникнуть. И потом, региональные и московские элиты представляют собой достаточно вязкое образование, чтобы не дать построить жесткое государство тоталитарного типа.

Д.Д.: Янов говорил не раз, что мы переживаем период Веймарской республики. Но мне кажется, он ошибается в одном моменте: в тот период активно маргинализировалась молодежь, люди самого цветущего рабочего возраста, они-то и стали питательной средой для фашизма. А у нас сейчас маргинализация идет среди людей, прошедших трудоспособный возраст и стоящих ближе к пенсии. Эти люди вызывают огромное сочувствие. Но как политическая сила или политическая база они не так опасны.

Д.Ф.: Я думаю, важнее здесь другой момент: Гитлер сейчас действительно может быть только постмодернистский. Так же как и наша теперешняя революция постмодернистская: вялая, имитирующая революционную диктатуру и деятельность революционеров. Сравним две эпохи: после Ленина шел Сталин, после Ельцина идет Жириновский или кто-то в этом роде. Становится понятно, что Жириновский — шутовской Сталин, как и Ельцин — шутовской Ленин, а младшие научные сотрудники, устраивавшие демонстрации в 1989 году, — шутовские балтийские матросы.

ЮРИЙ ШТУКИН

Последнее искушение России

Записки неискоренимого оптимиста

Дмитрий БЫКОВ

Если оппозиция победит в 1995 году (блеф Рудко-го) или на президентских выборах годом позже (прогноз большинства пессимистов) — это не значит, что Бог не любит Россию.

Это значит только, что Бог любит троицу.

Искушения августа и октября не привели к победе демократии. Они лишь усилили оппозицию перед последним боем и скомпрометировали власть. Даже страус устает прятать голову в песок. Пора просчитывать варианты...

Первые успехи оппозиции спровоцировали раскол в ее рядах. Этот раскол нарастает с катастрофической быстротой и выглядит лишь репетицией тотального размежевания, которое постигнет красно-коричнево-серо-буро-малиновых в ближайшем будущем. Безошибочный интуит Юрий Шевчук недавно предсказал оппозиции скорую, но недолгую победу. Говорят, Наполеона пустили в Москву только затем, чтобы его войско в разброде и разорении само покинуло столицу несколько недель спустя.

Мы — страна недоверчивая в том смысле, что чужой опыт нас не убеждает. По всей видимости, России необходима последняя, причем в лошадиных дозах, прививка русской идеи — только для того, чтобы убедиться, что русской идеи больше не существует, а в шприц вместо вакцины набрали грязную воду.

По каким линиям пойдет предполагаемый раскол? Решим сначала, был ли монолит. Под общим прессом лег-

ко объединяются представители любых взаимоисключающих течений и движений. Эмиграция некогда тоже была едина в антикоммунизме (кроме совсем уж фанатичных слепцов), но евразийцы не лобзались с кадетами даже в пору густопсового сталинизма. Нет лучшего испытания для коалиции, чем победа. Этой проверки оппозиция, условно называемая патриотической, не выдерживает уже сейчас.

Новая книга Эдуарда Лимонова «Лимонов против Жириновского» расставила кое-какие точки над особенно визгливыми «и». Когда-то Лимонов пророс к нам из харьковских и нью-йоркских низов, чтобы поведать о быте и нравах городского дна. Новая книга могла бы называться уже не «На дне», но — «В «Дне». Мы, конечно, и так догадывались, что в стане оппозиции идет борьба не на жизнь, а на смерть. Сам Лимонов, думается, разделся с Жири не столько по идейным соображениям, сколько из личной обиды: сын юриста слишком много трепался сам, оттирая Лимонова от трибуны. Теперь министр внутренних дел теневого кабинета ЛДПР выговорился, приложивши заодно Зюганова, Невзорова и прочих борцов за детство счастливое наше. Ему этого, конечно, не простят, а от нас спасибо. Мы получили подтверждение своих сокровенных надежд.

Всякая оппозиция едина до поры. Сегодня в нишу «правых» (консерваторов, радикалов, националистов, фашистов и пр.) вытеснено немало деятелей культуры, обиженных политиков, обделенных аппаратчиков и прочая. Образовался компот. В этом компоте на равных плавают Розов, Губенко, Невзоров, Бондаренко, Проханов, Кон-

стантинов — те, кого еще пять лет назад нельзя было представить не то что в одном президиуме, но на одном гектаре. Весь спектр от розового до багрового является потрясенному зрителю на вечерах газеты «Завтра». Полное впечатление, что рука миллионопалая схвата в один громящий кулак. На самом деле эта миллионопалая сложилась в одну гигантскую фигу, которую уже не прикрыть никаким фиговым листком под названием «орган духовной оппозиции». На страницах «Завтра» публикуются взаимоисключающие оценки и прогнозы; к примеру, большой портрет Солженицына и большие же ожидания по случаю его приезда соседствуют с сообщением агентства «Дня»: «Аятолла Хомейни приземлился во Владивостоке» (учтем, что аятоллой Хомейни Солженицына чаще всего называли отдельные заигравшиеся либералы). Рак пятится назад, а щука тянет в воду вне зависимости от позиции генерала Лебеда. Проханов напрасно помещает в каждом номере «Завтра» беседу с очередным харизматическим лидером духовной оппозиции: ругать Ельцина все мастера, излагать же позитивную программу никто не рвется, и все швы видны. Чтобы не упоминать кричащих противоречий вокруг и внутри правого лагеря, Александр Андреевич вынужден оживлять свои беседы мемуарной человекинкой. Вспоминает, например, как Макашов при нем в «Белом доме» носки переодевал. Чего не нанюхаетесь в оппозиции! Но, видать, не у одного президента России в экстремальных ситуациях бывают проблемы с носками. Невзоров — тот оказался откровеннее: в интервью Проханову он прямо заявил, что не видит для себя ниши в будущей России, России победивших заединщиков. «Мы с тобой в одиночестве, Андрейч», — «Похоже, что так, Глебыч». Не трудитесь объяснять: Эдуард Вениаминыч нам уже доложил, что в товарищах согласья не больше, чем в господах.

Нет нужды доказывать, что умеренный социалист зюгановского толка никогда не поладит с экстремистом или радикалом вроде Лимонова и Анпилова. На плечах экстремистов въезжают в Кремль, их используют для заваривания каши, но вечно обделяют при распределении трофеев. Анпилов находится в чрезвычайно натянутых отношениях с Зюгановым, и это объяснимо: розовые снимают пенку с варева, которое княтят красные. «Трудовая Россия» всерьез рискует, пикетирует, подставляется — цивилизованные оппозиционеры, умеренные социалисты и прочие аппаратчики пользуются результатами их провокаций. Одна из первых трещин, которую даст и уже дает оппозиция, связана с противоречиями между радикальным крылом (Баркашов, Анпилов, Лимонов) и социалистами (Зюганов, Малайров, большинство деятелей культуры). Тут, правда, еще можно худо-бедно договориться: пообещают Анпилову место в правительстве, сделают Баркашова министром обороны... Гораздо серьезней другой пункт разногласий: не решен вопрос об отношении к коммунистам.

Не открою никаких америк, сказав, что советское — не более чем концентрированное, до нестерпимости сгущенное русское. Еще Бердяев вывел коммунизм из крайностей русской идеи. Но красных роднит с белыми и коричневыми только установка на общину, толпу, массу, на полное подчинение интересов частного человека абстрактному и грозному большинству. На практике это не так просто примирить: казаки маршируют под красными знаменами лишь до поры до времени. Ошибочно было бы думать, что под крылами оппозиции резвится вульгарное бандитье, которому лишь бы киоски пожечь да евреев повешать. Помимо идейных разногласий (а идеям в оппозиции придается немалое значение), существуют амбиции. И сегодня монархисты весьма осторожны в оценках коммунистического прошлого России, даром что Зиновьев или Шиманов дружно полагают, что для русской души коммунизм лучше капитализма. Пока Анпилов обращается к пенсионерам и маргиналам, взывая к их ностальгии по сытому застою, монархи-

сты или русские фашисты отнюдь не склонны видеть свой идеал в дешевой колбасе. Империи бывают разные. Монархическая идея совсем не совмещается с марксизмом — хотя бы потому, что изначально предполагает неравенство, сословные привилегии и наличие национальной элиты. Вот с элитой и происходит главная неразбериха у красно-бурных по всему спектру.

С одной стороны, конечно, либэртэ-эгалитэ-фратэрнитэ. С другой — пообщавшись с Кургияном и нахватавшись от него всяких слов, прохановцы чрезвычайно полюбили термин «элита», который так часто мелькает в речах Александра Дугина и Александра Проханова. Естественно, в сочетании «национальная элита» смысловой акцент делается на первом слове, а все-таки решительно непонятно, по каким принципам эта элита будет формироваться. С какой радости народ будет терпеть очередных избранных и кто их на эту избранность помажет? Идею равенства с идеей избранности не примирил и Маркс, на что был хитрец; надобно бы и оппозиции разобраться, но все руки не доходят. Вот свалим антинародный режим, тогда уж! Но не побуюсь сказать, что более антинародной газеты, чем «Завтра», я на сегодняшний день не знаю: народу отводится в ней сомнительная роль стада, управляемого элитарными пастырями, проводниками космических энергий (ох уж эта мне прохановско-дугинская мистика, игры в заговоры, недоданное детство!). Дворяне войдут в элиту или те, кто их расстреливал в семнадцатом году под рев грузовика? Писатели или военные? Сегодня в оппозицию отнесены все, кто запутался, растерялся или просто обнесен чарою на демократическом пиру; когда ж придет дележки час, их всех калач ржаной поманит. Элита едет, когда-то будет? В конечном итоге сам элитарный Кургиян сбегал из оппозиции, испугавшись (и совершенно справедливо) реабилитации фашизма. Его тут же перестали упоминать. Как бы и нет такого человека, как бы и не его заумью до сих пор питается идеология оппозиции.

Противоречия между коммунистами и монархистами со всей ясностью вскроются в тот день, когда дело дойдет до позитивной экономической программы. Коммунистическая идея — все отнять, да и поделить — совершенно неосуществима. Экспроприация — самая бесспорная часть всякой политической программы, это еще Бендер знал, но о справедливом дележе у Балаганова, Паниковского и даже Козлевича собственные представления. А возвращается все в карман Корейко.

Особый пункт размежевания — отношение к фашизму. Лишь очень немногие из лидеров русской эмиграции первой волны ненавидели большевиков до такой степени, что поддерживали Гитлера. Трудно вообразить более кощунственный абсурд, чем участие баркашовцев в праздновании Дня Победы. Баркашовцы — наиболее боеспособная и вместе с тем наиболее одиозная составляющая «патриотического движения»: на них как на политическую силу никто не ставит. На плечах таких организаций, как правило, въезжают в рай, а дальше их грехи не пускают. Гитлер, кстати, быстро расправился с теми, кто устраивал «хрустальную ночь»: свидетели и организаторы подобных безобразий в большой политике сильно мешают. Баркашов, я думаю, и сам осознает свою политическую обреченность, а уж его боевикам и подавно ничего не светит. Напрасно иные из них надеются стать почетной национальной гвардией: гвардию наберут из новеньких, кто не помнит ничего.

Наибольшие шансы на реальную власть — именно у аппаратчиков, у Зюганова с его кредо «нашим—вашим» и уютным аппаратным обликом. Не исключено, что крайняя правая часть оппозиционного блока окажется в контрах с оппозицией еще до ее прихода к власти. И тут уж демократам не придется проявлять свою врожденную безрелигиозность: надо будет подбирать все, что плохо лежит, и вербовать союзников из тех, кто разочаровался в красно-бурных и отошел от них. Таких наверняка окаже-

тся немало, и среди первых будет Лимонов, затем — амбициозный Невзоров, затем — романтик Проханов или вечный страдалец и стоик Юрий Власов... Кто знает? Важно, что соединяющие их скрепы ослабнут еще до того, как их коалиция победит.

Победит ли?

К сожалению, может.

От этого прятаться не нужно. Важно только осознать, что сейчас эта победа для оппозиции совершенно губительна, поскольку есть химические реакции, которые при дневном свете не идут. В погребе — сколько угодно, на легальном свету — никогда. Победа оппозиции станет ее поражением — на этот раз последним: страна выйдет из состояния вечной беременности и родит двуглавого, многоногого уroda, нежизнеспособного тянитолка. Есть движения, которые компрометируются только от противного. Мы все мастера говорить: «А вот я бы... вот я бы...» Пойди и сделай. С первой частью программы все ясно: ломать и сажать. Опять же всех не пересажаешь, и даже арест Ельцина едва ли целесообразен: Руцкой, признанный лидер оппозиции, обладатель самой размытой политической программы, не настолько уверен в своих тылах. Пересажав наиболее заметных демократов, открыв или перекрыв границы, закрыв пару-тройку (двадцать-тридцать, какая разница?) враждебных изданий, надобно приступить к делу. И здесь мы со всей ясностью увидим, что русская идея, на которую мы так долго списывали успехи оппозиции, давно не существует в природе. Исчезла как таковая. Фантом, жуел, призрак.

Оппозиция победит не за счет своих достоинств. Ее вынесет к власти на волне народного голода, гнева и недоумения. Чужая глупость и неумелость — вот ее сторонники и гаранты в предвыборной борьбе. За ними ничего нет. Ткни — стенка из красно-коричневой кирпича развалится, обнажив свою картонность.

Ни для кого не секрет, что на правом фланге будут бороться Руцкой и Жириновский: с последним оппозиция так и не сумела выстроить отношения. Предполагается, что он оттеняет своей беспринципностью принципиальность Руцкого. Лично я предпочту видеть на посту президента беспринципного врага, нежели принципиального, и потому голосовал бы за Жири, не будь у меня другого выбора. Но сам Жириновский не имеет ни малейшего шанса: оппозиция неоспоримо права, когда утверждает, что он собрал 12 декабря все голоса, предназначавшиеся узникам «Матросской тишины». Когда они, оказавшись на свободе, развернули собственную кампанию, — Жириновский был мгновенно оттеснен даже с первых полос. Руцкой стал негласным, но очевидным фаворитом: он, и только он, будет главным кандидатом от оппозиции на выборах 1996 года. И уже знает, с чего начать. Но после положенных торжеств и репрессий не последует ничего нового: сажать, пугать, высылать — дальше тишина. И боюсь, что опять «Матросская».

Руцкой обречен на кратковременный триумф — ему уже нет пути назад, маятник народного гнева и обывательского страха раскачан до критических отметок. Но обречен он и на немедленное падение, когда последнее искушение России приведет наконец к закономерному и скорому результату. Марина Сергеевна обожжется в очередной раз. «Какому хочешь чародею отдай разбойную красу» — но не все же отдавать, пора и назад получить кое-что! История Руцкого весьма похожа на историю Дмитрия-Самозванца: волна народного негодования, вызванного правлением Годунова, вознесет его в Кремль, откуда Москва — что муравейник, а дальше все по известному сну столь же известного героя.

С русской идеей на самом деле случился довольно занятный парадокс, доселе никем не осмысленный. Русская идея все-таки не тождественна коммунизму при всей общности истоков и электоратов. В республиках давно поприходили к власти бывшие коммунисты: Алиев, Шеварднадзе, Кравчук. Но то-то и оно, что там национальная идея сама находилась в оппозиции с коммунистиче-

ской, и после кратковременного триумфа националистов (Эльчибей, Гамсахурдиа, по первости и Чорновил) власть взяли надежные, проверенные, гибкие аппаратчики. Национальная и коммунистическая идеи не могут вечно идти в одной упряжке: они противоположны по сути, хотя и одинаково губительны. Коммунист может перекраситься, пойти в церковь, разрешить даже рынок в допустимых пределах (после чего рынок диктует свои законы). Националист не способен ни к какому конформизму и компромиссу — именно поэтому радикалы не столкнутся с коммунистами, а сама русская идея выглядит сегодня анахронизмом на все сто. К чему она сводится? К земству? К Новгородскому вече? К введению повсеместной черты оседлости? Все это было, было, было; попытка же провести приватизацию по шариковскому принципу обернется вульгарным сажанием на народную шею одних кровососов (идеологически выдержанных) вместо других (политически амбивалентных). Вся разница. Гайдар против собственной воли обирал население, но при этом хоть не клялся в любви к нему. Легче всего предьявлять разоренные деревни, труднее придумать такое царство всеобщего благоденствия, в котором ради торжества справедливости оказалось бы достаточно расправиться с негодными.

И та русская идея, перед которой мы так преклонялись, которой боялись, которая казалась нам объединяющим знаменем оппозиции, обернется вульгарной борьбой за власть при полном отсутствии позитивной программы. Установка на общину невозможна там, где общины нет. Кроме оппозиционности, оппозиция сегодня уже ничто не плачивает. Она трещит по швам и, победив, погибнет.

Такое развитие событий имеет свои неоспоримые плюсы.

Первое. После этого последнего искушения Россия перестанет верить ура-патриотическому надрыву и поймет наконец, что клятвами и проклятиями дела не делаются. Демагогия никогда больше не будет здесь иметь успеха. Пусть Ельцин пришел к власти на волне деструктивных и не самых радужных тенденций — он имел за душой программу, хоть и не им придуманную. У оппозиции этого нет. Ей остается, подобно Гитлеру, делать ставку на милитаризацию экономики — а в конце такого века, после десяти лет относительной свободы и демократии, никому уже не придет в голову мечтать о русской военной мощи и на полном серьезе омыывать сапоги в Индийском океане. Без внешнего врага оппозиция ни на что не способна, а поиски такого врага после периода бурных репрессий ни к чему толком не приведут. Время не то.

Второе. На ближайшие три года у всех появится смысл жизни. Помню прекрасные строчки Александра Аронова «Когда нас Сталин отвлекал от ужаса существования». Будут отвлекать другие. Новые усы взойдут над страной, отвлекая интеллигенцию от экзистенциальных проблем. Жить, возможно, станет и не лучше, но уж точно веселее. Начнется конспирация, подпольность, все прелести борьбы. И мы, разьединенные рынком и выживанием, наконец объединимся на платформе вождя Общего дела. Мне уже мерещится подпольная типография, явки, расклейка листовок. Ура!

И, наконец, третье. Пусть дорогой ценой, но удастся убедить Кичина и иже с ним, что никакого народа нет, а есть сублимация интеллигентских страхов. Есть амбивалентная масса, которая всегда найдет предлог для недовольства. Ельцина и Руцкого ведет к власти один и тот же электорат. В этом меня не разубедит никто. В конечном итоге все, кто возражал против танков 4 октября, убедятся, что против лома нет приема. Пусть их прекраснородные будут наказаны таким способом, раз они не понимают иначе. Пусть это послужит последним уроком России.

После этого начнется нормальная жизнь. Это я говорю вам как профессиональный утопист и неисправимый оптимист.

Цитатник

Сергей СТЕПАШИН,
директор **Федеральной**
службы контрразведки:

«...Ряд изменений в руководстве страны на первом, втором и третьем уровне — может, вы обратили внимание? — происходит после определенных рекомендаций ФСК...»

(«Литературная газета», № 24, 1994)

Обратить-то, Сергей Владимович, обратили, но вот что это делается с подачи вашей «конторы», как-то не додумались! Спасибо, теперь знаем.

Григорий ЯВЛИНСКИЙ, один из лидеров «Яблока», депутат:

«Власть встала и воспроизводит сама себя. Как это называется? Я не знаю...»

(«Утро России», № 24, 1994)

А все потому, что вы, г-н Явлинский, экономист, образование, так сказать, не совсем профильное... А были бы сексопатологом — сразу бы нашли соответствующее определение!

Эдуард ЛИМОНОВ,
зарубежный писатель:

«Владимир Вольфович первым из наших политиков (...) стал говорить с обывателем, жлобом на обывательском, жлобском языке...»

(«Утро России», № 24, 1994)

Теперь ясно, почему вы, г-н Эдичка, его так хорошо понимаете!..

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Юрий АНДРОПОВ, покойный председатель КГБ и генсек, в пересказе его сына Игоря Юрьевича:

«Миша Горбачев, к сожалению, умеет слушать меньше, чем говорить...»
(«Комсомольская правда», № 107, 1994)

Эх, Юрий Владимирович, Юрий Владимирович! Нет чтобы раньше все это народу-то рассказать, мы бы, может, и сориентировались...

Джаннат АЛИЕВ, профессиональный борец за справедливость:

«...Ишу единомышленника-политика из христианского мира, который согласится принять ислам. И обращаюсь к вам, господин Владимир Жириновский, исходя прежде всего из ваших физических возможностей, бодрости и энергичности: вы легче перенесете обрезание.»

(«Московские новости», № 24, 1994)

На Чемпионате мира по футболу:

— Сроду не видал таких мер безопасности. Ваша полиция вооружилась до зубов!

— Кто вам сказал, что я полицейский? Я тут разношу сахарную вату!..

Рис. из журнала «Ньюсуик», № 25

Жан-Бертран АРИСТИД,
президент Гаити в изгнании:

«Мы будем двигаться от нищеты к бедности с достоинством.»

(«Ньюсуик», № 25)

Збигнев БЖЕЗИНСКИЙ
(США):

«Россия может быть либо империей, либо демократией, но она не может быть одновременно и тем и другим... Без Украины Россия перестает быть империей, но, подчинив Украину, Россия автоматически становится империей.»

(«Нью-Йорк таймс», 14 июня (ИТАР—ТАСС))

«...Когда пришло время собирать камни для строительства посткоммунистической России, Солженицын подготовил свой план, абсолютно отличный от плана Андрея Сахарова и других поборников демократии. Может быть, их план и несовершенен, но это проект современного здания, просторного, полного света и свежего воздуха... Но Солженицын имел в виду монастырь с мрачными кельями для монахов, умертвляющих свою плоть и молящихся денно и нощно.»

(«Вашингтон таймс», 15 июня (ИТАР—ТАСС))

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

Выбор телезрителей и песни политиков

Даже разноцветье «голубого экрана» не может скрыть серость

Спрошлого декабря и по сей день Государственная Дума вызывает самые разноречивые толки. И постоянно возникает вопрос: кого же мы выбрали? Но гораздо реже мы задаемся другим, не менее важным вопросом: кто и почему выбирал? Кроме знаменитого: «Россия, ты одурела!», вразумительного ответа пока не было.

Мы живем в эпоху постоянных вы-

боров — то туда, то сюда, то еще куда-нибудь, но не имеем никакого реального опыта избирательных кампаний конца XX столетия. Поэтому весьма интересными и полезными в ближайшем будущем могут оказаться выводы, которые делает мой собеседник Владимир СОКОЛЬНИКОВ — кандидат психологических наук, коммерческий директор частной телекомпании «Русская тройка»,

одним из подразделений которой является Центр социологических и социально-психологических исследований.

-Вернемся в не очень далекое прошлое. Предпочтения народа на декабрьских выборах в Госдуму были в огромной степени сформированы телевизионной пропагандой избирательных блоков.

Можно даже сказать, что в голосовании участвовали не избиратели, а телезрители. Потом, пораженные итогами выборов, самые разные комментарии делали политологи, социологи, публицисты. Хотя, на мой взгляд, наиболее точно объяснить итоги голосования могли бы телекритики.

Наша телекомпания не участвовала в предвыборной пропаганде, слишком уж беззащитно велась конкурентная борьба за это право. Но мы вели наблюдение за ходом избирательной кампании на телевидении, провели исследование ошибок и неудач политических блоков и партий, участвовавших в выборах. И пришли к однозначному выводу, что для наших телевизионщиков политическая реклама — дело малоизвестное и неудавшееся.

Чего только стоят рекламные видеоролики политических блоков! Стремление апеллировать к отрицательным эмоциям — страху, возмущению, агрессивности — давало стойкий «эффект бумеранга», когда ставились одни цели, а достигались совсем другие. Отрицательные эмоции закреплялись в подсознании зрителя вместе с названием избирательного блока или партии... Так же как случайное знакомство со стоматологом вне больницы все равно вызывает в памяти ощущение зубной боли.

Скажем, в видеоролике «Росписи на стене» среди прочих персонажей возникла вдруг фигура «братишки-матроса», что воспринималось как призыв избирательного блока к новой кровавой революции. Блок «Кедр» настойчиво демонстрировал в своем ролике развалины православного храма... Очень яркий пример «эффекта бумеранга» — ролик с мальчиком и собакой, тяжело переживавшими, что их не взяли голосовать за «Выбор России». Роскошный интерьер квартиры, породистый пес баснословной цены... Кому была адресована эта реклама? Тем 44 процентам населения, которые, по нашим исследованиям, считают, что по вине Гайдара они принадлежат к обнищавшим и не выдержавшим «шоковой терапии»?..

Коммунисты распевали песенку на фоне помоек, драк демонстрантов с милицией, оборванных старух... РДДР представляло песню «Буревестник» на кадрах кинохроники с какими-то взрывами, стрельбой... Вообще, с песенным материалом доходило до смешного. Видимо, использовать песенки всем блокам и партиям рекомендовал один и тот же имиджмейкерский центр. За один

только вечер в декабре по первой программе «Останкино» выступили со специально написанными, «своими» песенками-видеоклипами Г.Зюганов, С.Федоров, В.Жириновский. Но это же — полный просчет! Ведь в политической рекламе, в отличие от торговли, может фигурировать только тот песенный материал, который имеет устойчивые культурно-психологические ассоциации. Например: гимн СССР или «Боже, царя храни!». Новые же песни создают ощущение чего-то несолидного, несерьезного.

Повсеместно практиковалось сочетание документальных и специально поставленных (постановочных) кадров, такое соединение в одной программе всегда создает ощущение фальши. Об этом знают, или должны знать, все мало-мальски профессиональные телевизионщики.

Модераторы (телевизионные ведущие) вели себя в студии абсолютно бесстрастно. Но с нашей стороны экрана их индифферентность выглядела безразличием, заражала скукой телезрителей, чьим представителем, собственно, и является модератор. Ведущая Бэлла Куркова задает в студии вопрос Михаилу Полторанину. Тот отвечает. А в кадре мы видим, как Куркова, совершенно не слушая Полторанина, листает какие-то бумаги.

Предвыборная кампания обнаружила очень низкую компетентность и производителей политической рекламы, и заказчиков. Производители просто-напросто спроецировали на политическую кампанию принципы торговой рекламы. Более виноваты в своих неудачах заказчики — люди из политических блоков, ответственные за телевизионную пропаганду своих кандидатов в Федеральное Собрание.

Жириновский, например, очень удачно апеллировал к конкретным группам избирателей — национальным, профессиональным, социальным, возрастным. «Демократы» же совершенно не ориентировались на широкий социальный контекст, брали за основу западные образцы — без учета национальных стереотипов, ценностей, социальных установок наших избирателей. Теперь кое-кто из «демократов» укоряет народ, что тот неправильно сделал выбор. Сами виноваты, народ не виноват.

Владимир ГРИБАНОВ

А/О КанСтар

**предлагает
свои услуги
по изготовлению
следующей продукции:**

КанСтар

- жесткая маркировка и ярлыки на промышленные товары;
- картонная тара и упаковка;
- фирменные бланки предприятий;
- бутылочные этикетки;
- пригласительные билеты;
- прозрачные папки с эмблемой предприятий и другую полиграфическую продукцию.

Ждем вас по адресу:

Москва, Кутузовский пр-д, 8
Первый Московский
приборостроительный 3-д
им. Казакова
Отдел кадров, 2-й этаж, 2 комн.

Тел. (095) 249-65-65

Столовый пер., 7

Тел. (095) 291-50-14

«Процедура проста, как грабли»

Игра на собственность

Тема «московской приватизации» уже порядком набила оскомину и журналистам, и читателям, но, кажется, конфликт между Госкомимуществом и правительством Москвы наконец себя исчерпал: президент дал указание Чубайсу оставить Москву в покое и не мешать ей проводить свою приватизационную политику. Какова же эта политика?

Сегодня на вопросы корреспондента «Столицы» отвечает генеральный директор департамента мэра Москвы Кемер НОРКИН.

— Кемер Борисович, на ваш взгляд, в чем заключалась суть конфликта между Анатолием Чубайсом и Юрием Лужковым?

— Версий на этот счет много, одна из них говорила о том, что якобы правительство Москвы выступает против приватизации. Но на самом деле конфликт заключался в том, что Госкомимущество рассматривает приватизацию как цель, а правительство Москвы в качестве цели видит повышение уровня производства и улучшение жизни людей. Поэтому мы и возражали против принудительной приватизации и предписывания ее скорости.

— Простите, что вы подразумеваете под «улучшением жизни людей»?

— Давайте посмотрим, что у нас было до начала реформ. Был хозяйственный комплекс, который давал людям какие-то доходы. Часть доходов распределялась в виде заработной платы, часть — и довольно значительная — шла через общественные фонды потребления. Это давало людям возможность нормально существовать. Грубо говоря, миска похлебки и подстилка для ночного отдыха всем были гарантированы. Я согласен с тем, что это очень мало. Такая богатая страна должна обеспечивать своему народу гораздо бо-

ЮРИЙ ШУХИН

лее высокий уровень жизни. Но это возможно только тогда, когда начнут функционировать нормальное частное предпринимательство, свободная экономика, конкуренция. А манипуляциями с формой собственности этого не достичь. Если мы спросим, куда делся прежний доход от собственности, то не найдем ответа. Вот скажите мне, он должен был от приватизации уменьшиться или увеличиться?

— В идеале, я думаю, — увеличить.

— А кому он должен достаться?

— **Большей частью, наверное, собственнику.**

— А что получит народ? Это принципиальный вопрос. Мы считаем, что народ России не должен от приватизации ничего потерять. Новому собственнику принадлежит все увеличение дохода от собственности. А тот, «старый» доход, который прежде она давала, принадлежал населе-

нию России, каждому человеку как совладельцу общенародного достояния. Вы этот доход не видели, но он был. Из него дотировались тепло, водоснабжение, обслуживание жилья и т.д. А сейчас собственность перестала приносить даже этот скромный доход.

Правительство Москвы считает, что надо смотреть не на то, сколько предприятий мы приватизировали и сколько людей работают в частной сфере производства, а на то, какой же доход стала приносить эта приватизированная собственность и куда он девается. Наша позиция в том, чтобы весь этот доход перешел в руки людям и чтобы все затраты, которые раньше централизованно несло государство, скажем на оплату тепла, воды, вывозку мусора и прочие услуги, с государства снять. Если государство передало вам собственность и перестало получать этот доход, то оно должно снять с себя и эти расходы. Правильно? Но сегодня люди, в основной своей массе, доходов от собственности не получают. И государство их тоже лишилось. Кто же должен оплачивать содержание и обеспечение жилья? Может быть, вы получили какой-то доход? Я все ищу человека, который хоть что-нибудь получил.

— Я свой ваучер продала.

— И за сколько?

— Тогда он, кажется, тысячи четыре стоил.

— То есть за всю свою долю собственности вы получили четыре тысячи и лишились на нее права.

— У меня есть приватизированная квартира, которая пока тоже вроде как моя собственность. Мне этого достаточно.

— Вы сейчас не платите за нее. Как только начнете платить столько, сколько она на самом деле стоит, — вы разорены. Вы должны будете оттуда съехать и поселиться в такую квартиру, которую вы, как голытьба, сможете себе позволить.

— Приятная перспектива, ничего не скажешь.

— Так вот против этого мы и возражали. Ведь катастрофа состоит не в том, что собственность в Москве передавалась в частные руки, а в том, что она передавалась на таких условиях, когда нет стимула эффективно производить. Поместив деньги в банк, например, вы получите гораздо больший доход, чем в производстве.

Существуют четыре основных источника обогащения, значительно превышающих доход от производства. Первый и главный — продажа по мировым ценам сырьевых и энерге-

тических ресурсов, приобретенных по внутренним ценам. То, что у нас называется «есть на трубу». Второй — использование в своих целях бесплатного и удешевленного земле- и природопользования в нашей стране. Например, захоронение радиоактивных отходов. Третий — использование разницы цены труда у нас и за рубежом. И, наконец, четвертый — приобретение бывшего государственного имущества за бесценок. Если я, скажем, приобрел завод за 10 или 20 миллионов рублей, то я уже стал богатым человеком, мне даже не нужно на нем что-то производить. Но до тех пор пока сам факт приобретения собственности дает вам только доход и не влечет за собой никакой ответственности за неэффективное использование этой собственности, такая приватизация не просто невыгодна — она опасна. Приватизация должна быть построена так, чтобы неэффективно используемая собственность жгла вам руки. Только при таких условиях она станет действительно взаимовыгодной.

Поэтому мы и говорим, что собственность должен получить только тот, кто заплатит за нее как следует. Но поскольку у людей нет таких денег, они должны торговаться не за собственность, а за ее налоговую стоимость.

— То есть вы предлагаете аукционную систему?

— Мы предлагаем нормальный коммерческий подход — конкурсную продажу. Я видел, как проводилась приватизация в Нижнем Новгороде. Выложили деньги те, у кого они были. С точки зрения обывателя, это большие деньги, а с точки зрения истинной цены предприятия — ничтожные. И люди, совершившие такую сделку, став богатыми, немедленно закрывали предприятие и начинали совершенно другую деятельность или просто ждали лучших времен, чтобы перепродать эту собственность. Но тот, кто приобретает предприятие фактически в рассрочку, вынужден работать. Он заинтересован в том, чтобы производить. Осуществить эту идею — главная задача московского правительства.

— Ладно, если московское правительство это поняло, тогда почему же этого не поняла вся остальная Россия?

— Когда мы обсуждали это с Чубайсом и просили разрешить в Москве такую приватизацию, знаете, что он сказал? «Тогда все остальные захотят». Но приватизация должна быть не манной небесной и не жертвой, а взаимовыгодной сделкой. Вот,

Торговля ваучерами на РТСБ

скажем, есть гостиница, которая ежегодно дает в городской бюджет 30 миллионов долларов дохода. Пожалуйста, пусть ее приватизирует тот, кто сможет получить с нее больше: эти тридцать он отдаст городу, остальной доход — его. Тогда он будет заинтересован в том, чтобы использовать гостиницу эффективно, иначе — какой ему смысл ее приобретать? Как он будет это делать — повышать цены или качество сервиса, — уже не наша забота.

— Кемер Борисович, а вы сами, если не секрет, куда свой ваучер дели?

— Никуда. Я его берегу, а потом предъявлю претензии на принудительный возврат неправильно отчужденной собственности. Та процедура приватизации, за которую ратует Чубайс, меня не устраивает, и я буду бороться за возврат своего дохода от общенародного достояния. Я имею на него право и не давал своего согласия на то, чтобы его у меня отняли.

— И каким путем вы собираетесь за это бороться?

— Я посмотрю, как сложится политическая ситуация, и примкну к тем силам, которые будут осуществлять эту борьбу достаточно разумно. Вы свою собственность отдали за четыре тысячи — это ваше дело, но вы утратили свое право, вы забыты. Я же никому, повторяю, своего права не отдавал. Вот давайте проведем с вами такой эксперимент. Я приду к вам домой и скажу: «У вас есть два часа, вы должны сыграть со мной в японские шашки го на все ваше имущество. В случае вашего проигрыша оно переходит ко мне, в случае моего — остается у вас. Если откажетесь играть — тоже все мое».

— А почему вы уверены, что я вступу вас в квартиру и буду с вами играть?

— И правильно делаете, если не пустите, но почему ко мне пришли люди именно с такой просьбой? Другой пример, если вам не нравится этот. Допустим, я предложу вам купить у вас всю вашу одежду за 200 рублей.

— Ну, за двести я, пожалуй, не соглашусь.

— А если вы не согласны, то после определенного числа ваша одежда перейдет ко мне бесплатно. Вам смешно, но именно это и хотели сделать с моей долей собственности. До тех пор пока я не получу за нее те деньги, которых стоят мне электроэнергия, теплоснабжение, квартира, вывозка мусора, канализация и водопровод, я свою долю никому не уступлю. Я согласен уступить ее только за это. Вот недавно где-то было опубликовано, что в Московской области многие жители до окончания приватизации не успели реализовать свои ваучеры. Я думаю, они бы тоже ко мне примкнули, утратив свое право на долю собственности.

— Зато в Московской области к началу лета уже на 70—80 процентов была проведена первая волна приватизации — парикмахерские, булочные, прачечные.

— Вы мне покажите такую булочную, которая после приватизации улучшила свою работу и подняла доход за счет продажи хлеба! Да, я знаю людей, которые занимаются производством не из экономических, а из моральных соображений. Им это нравится. Ну и что? Таких единицы. А экономика будет толкать людей на увеличение производства товаров и услуг только тогда, когда будут ликвидированы все четыре источника непроизводительного обогащения. Я понимаю, здоровый эгоизм человека — это главный двигатель развития общества. Но дело законодателей — создать такую налогово-правовую среду, чтобы этот эгоизм шел во благо, чтобы мы могли когда-нибудь применить на себе знаменитую американскую фразу: «Выгодно Форду — выгодно Америке».

— В общей сложности, сколько уже приватизировано объектов в Москве?

— Точно я не помню, но примерно столько же, сколько и везде по России. Москва идет чуть впереди.

— Так если Москва, как вы говорите, идет впереди, чем тогда было недовольно Госкомимущество?

— Об этом вы спросите у Госкомимущества.

— Но Чубайс говорил о том, что приватизация в Москве идет слишком медленно и только так, как хочет Лужков.

— То, что приватизация шла мед-

ленно... — не соответствует действительности, а так, как хочет Лужков, она, к сожалению, не шла. Она шла по совершенно нелепым законам. ЗИЛ был продан за четыре миллиарда рублей. Город пытался воспрепятствовать продаже таких объектов, которые жизненно важны для его функционирования. Отдавать их за бесценок мы не согласны.

— **Ладно, польза народа — это понятно. А конкретные-то ваши требования к приватизации каковы?**

— Прежде всего — единая методика. Мы считаем, что приватизация должна производиться в два этапа. На первом этапе образуется частное предприятие — частное юридическое лицо, оно вступает в договорные отношения по поводу использования имущественного комплекса, приватизирует оборотные средства как положено (а не берет бесплатно — по Чубайсу). И образуется это частное предприятие с той скоростью, с какой оно может это сделать. И дальше оно выступает покупателем имущества. Или берет эту собственность в управление — в траст, холдинг. Причем и тот, кто покупает собственность, и тот, кто берет ее в холдинг, — все нагружаются соответственными обязательствами, что-

бы они не могли, скажем, просто выбросить на улицу служащих этого предприятия или закрыть его.

Далее — часть той суммы, которую вы должны заплатить за предприятие, вы можете распределить непосредственно в руки населения. Тогда вы будете меньше вносить в горбюджет. Вот и все. И эта процедура проста, как грабли. Собственность получает тот, кто больше за нее даст, а цель — сохранить доход, который она приносит.

— **А каковы должны быть в этом случае взаимоотношения между городским и федеральным бюджетами? В чей карман пойдет доход?**

— Это зависит от того, чья собственность. На мой взгляд, приватизировать федеральную собственность должен город, а распределение дохода между Москвой и федерацией пойдет пропорционально численности населения.

Кстати, обратите внимание на то, что методика, предлагаемая Чубайсом, рекомендована американцами, но у себя они ее не применяют. В хартии Нью-Йорка, например, запрещается тратить деньги, вырученные от продажи городской собственности. Их можно положить в банк, вложить в какие-то бумаги или в капи-

тальное строительство и пользоваться только доходами от них. А у нас эти ничтожные деньги еще и профуфукиваются. Но если город утратит доходы от собственности, он не сможет обеспечить такой уровень дотирования социальных и коммунальных услуг, который пока еще существует. Москва хочет избежать этого краха. Если хотите, привилегия, которую мы выбрали, состоит в том, чтобы хотя бы в Москве приватизация прошла разумно.

— **А какой доход от нынешней приватизации собственности предполагало получить Госкомимущество?**

— Никакой. Ничтожный.

— **Тогда какой был резон Чубайсу за все это бороться? За что с его стороны, по-вашему, шла борьба — за идею?**

— О том, кто стоит за спиной Чубайса, — вопрос не ко мне. Приватизация по Чубайсу — это приватизация из принципа. Мне вообще не нравится, что этот вопрос все время переводится из сферы экономических расчетов в сферу политических баталий и демагогических трюков. Такие вещи должны решаться только расчетами.

Светлана КАРТАШОВА

Беспрецедентная приватизация

Как сообщает ЮСИА, выступая на двухдневной конференции по проблемам приватизации, организованной в Вашингтоне Всемирным банком, президент Российского приватизационного центра Максим Бойко сказал, что разработанная 19 месяцев назад программа приватизации «войдет в историю как крупнейшая, а возможно, и наиболее успешная из всех когда-либо проводившихся приватизационных кампаний; темпы ее проведения также беспрецедентны».

По его словам, приватизировано более 12 тысяч государственных предприятий, акционерами которых стали 30 миллионов человек, что составляет «более обширную акционерную базу, чем в США и Великобритании, вместе взятых». Это создало пространство для частного предпринимательства.

По его мнению, примечательны и сам масштаб программы. Государственные предприятия приватизировались «во всех регионах России, хотя темпы прогресса были неодинаковы». Программа охватила все отрасли промышленности,

в том числе и сферу услуг; две трети промышленных рабочих сегодня трудятся в частных фирмах.

Он считает, что анализ деятельности приватизированных компаний также дает повод для оптимизма. Чаще всего сотрудники и администрация частной фирмы владеют примерно 60 процентами акций; однако внешние инвесторы также пользуются влиянием и часто состоят в советах директоров, продолжил Бойко. «Значительно активизировалась подготовка менеджеров, вводятся в строй новые производственные мощности», что свидетельствует о начале кампании за повышение производительности.

Что касается главных задач на будущее, то Бойко отметил среди них следующие:

— привлекать больше иностранных инвестиций. «Массированные инвестиции до сих пор не поступали». Рынки капитала необходимо срочно развивать, поскольку акционерный капитал будет главным источником средств для новых предприятий. Главным при этом будет вопрос о

характере и масштабе государственных регуляций;

— «необходимо срочно перейти к следующей стадии приватизации» — к приватизации мелких фирм путем их продажи на аукционах и торгах. 50 процентов доходов государства от приватизации должны возвращаться приватизируемым компаниям;

— «изменить формы владения землей и недвижимостью». На Западе более половины богатств сосредоточено именно в этой сфере. Приватизация земли и частной собственности облегчит фирмам-покупателям привлечение капитала, поскольку расширятся фонды обеспечения кредитов. В рамках этого процесса необходимо создать ипотечные финансовые учреждения.

Уолтер Коулс, эксперт по приватизации в Агентстве по международному развитию (АМР), согласился с оценкой Бойко и назвал четыре фактора, определяющих успех программы приватизации:

— «при решении этого вопроса были мобилированы достаточные ресурсы» — как внутрироссийские, так и внешние;

— подчеркивалась важность

«гибкости и быстроты» в противовес «жестко определенной стратегии»;

— акцент делался на использовании «независимых консультантов со стороны», а не подрядчиков, связанных с конкретными министерствами;

— «в самом начале кампании на арене появились российские менеджеры», что позволило избежать длительной зависимости от иностранных консультантов.

Коулс также согласился с мнением Бойко о том, что следующая фаза приватизации, объектом которой будут мелкие государственные предприятия, «должна быть скорой». На этом этапе, отметил он, будет важно обеспечить коммерческую жизнеспособность приватизируемых мелких фирм.

На вопрос, каковы будут функции государства в том случае, если приватизационная кампания будет продолжаться без помех, Бойко ответил, что «государство будет по-прежнему играть свою роль в оборонной и энергетической промышленности, где оно располагает большими пакетами акций. Однако сейчас очень трудно предсказать, к чему эта роль сведется в конечном счете».

Индексация или компенсация?

Константин ВИТАЛЬЕВ

В последнее время проблема поддержания покупательной способности пенсий не сходит со страниц российской прессы, обсуждается в передачах радио и телевидения. В немалой мере это объясняется тем, что вопреки закону, принятому Верховным Советом Российской Федерации, о поквартальной индексации пенсий у нас стали проводиться компенсации, которые, как хорошо известно, лишь в малой степени покрывают потери пенсионеров, растущие вместе с ростом цен.

О том, как выглядит эта ситуация у нас и в ряде зарубежных стран, рассказывает кандидат исторических наук, эксперт по проблемам социальной защищенности в развитых странах, бывший консультант Международной федерации труда, а ныне пенсионер Константин Витальев.

Проблема индексации постоянно возникает в ходе дискуссий о путях снижения уровня инфляции, которая ежемесячно уменьшает реальный уровень денежных пособий пенсионеров, да и всех граждан России. Некоторые чиновники, в том числе связанные с органами социальной защиты, откровенно высказываются за снижение дефицита госбюджета за счет социальной сферы, т.е. путем дальнейшего уменьшения жизненного уровня наименее защищенной части российского населения. При этом как бы забывают, что реальный уровень пенсий (по сравнению с 1991 годом) понизился в 3—4 раза. И если средняя заработная плата рабочих и служащих увеличилась в 13 раз, то средние размеры пенсии, несмотря на индексацию, повысились только в 8 раз.

По Закону о государственных пенсиях уровень пенсий по старости по отношению к зарплате должен составлять от 55 до 75 процентов. Однако после начала реформы этот показатель снизился до 40—45 процентов, а в настоящее время составляет 20—25 процентов. А пенсионеров в нашей стране свыше 35 миллионов человек. Причем число их будет в ближайшие годы расти. Причины — демографический фактор, растущая безработица, бесцеремонное выталкивание стариков нашими бывшими братьями из ближнего зарубежья.

Как в развитых, так и развивающихся

странах мира уже сложилось определенное отношение к пенсионерам — как к той части населения, которая заработала право на особое внимание со стороны общества. Государства стремятся сохранять определенный уровень доходов своих граждан, находящихся на пенсии, дать им возможность достойно прожить закат своей жизни. И поэтому, наблюдая за тем, что делается в социальной сфере России, хочется сказать: «Господа, ради Бога не изобретайте велосипед, используйте мировой опыт!»

Конечно, наш переход от плановой к рыночной экономике в какой-то мере уникален. Схож с ним лишь опыт стран Центральной и Восточной Европы, значительно дальше нас продвинувшихся по этому пути. Разумеется, слепо копировать чужие методы не стоит, это, как мы порой убеждаемся, может дать негативные результаты. Пример тому — «шоковая терапия», которая в целом успешно сработала в Чехии и Польше, стабилизировала их экономику, но у нас, увы, не дала таких же результатов. Возможно, причины здесь кроются в отсутствии у нас Бальдеровичей и Клаусов, которые сумели бы провести реформы, не подорвав основ экономики, обеспечив рост хозяйственной активности, повышение эффективности промышленности на базе приватизации.

Давайте, однако, посмотрим, как поступают с пенсионерами при капитализме, который мы стремимся возродить в России. Как правило, люди, находящиеся на пенсии, в зависимости от выполняемой ими работы, срока выплаты страховых взносов, получают от 40 до 70—80 процентов дохода, который они имели перед выходом на нее. Недаром пожилые американцы так много путешествуют по миру: у них, если они нормально работали в течение своей жизни, не возникает особых материальных проблем после ухода на пенсию (в возрасте 65 лет).

Конечно, более высокий уровень экономического развития позволяет предоставлять и более высокий уровень социального обеспечения, который зависит от страховых выплат работодателей и работников, составляющих определенный процент заработка или фонда зарплаты. Такая система сейчас действует и у нас, придавая пенсионному обеспечению автономный характер, не связанный пуповиной с состоянием государст-

венного бюджета. О пользе такого подхода свидетельствует более чем двухлетний опыт Пенсионного фонда России. Трудно представить, чтобы правительство индексировало пенсии за счет госбюджета. Ведь у нас постоянный дефицит наличных средств, где уж тут заботиться о пенсионерах, которые не бастуют в отличие от шахтеров, нефтяников и авиадиспетчеров. (Правда, после октябрьских событий 1993 года Пенсионный фонд действует на основе бюджета, одобренного правительством.)

Иностранный опыт дает очень много для понимания того, как следует защищать реальный уровень пенсий. Индексация в других странах осуществляется уже в момент определения размера пенсии. Так, в США заработок работника в течение всей трудовой деятельности индексируется в действующих ценах и на основании полученных данных уточняется величина пенсии — иначе ее реальный уровень будет занижен практически в момент ее назначения.

В подавляющем большинстве государств, за исключением Индии и Замбии, действуют постоянные механизмы пересмотра пенсий. Делается это систематически или автоматически. В ряде стран парламенты каждый раз принимают специальные решения, а в Испании индексация предусмотрена конституцией.

Как правило, пенсии индексируются через определенный период: где-то это делается раз в год (Австрия, Кипр, Финляндия, Франция, Германия, Норвегия, Испания, Швеция, Великобритания), где-то — раз в шесть месяцев (Австралия, Италия, Голландия) или раз в квартал (Канада). В Швейцарии индексация осуществляется, как правило, раз в два года, но при необходимости правительство проводит это чаще (если розничные цены возрастут более чем на 8 процентов). В нашем случае, если руководствоваться швейцарской практикой, индексацию надо проводить раз в два месяца!

Несомненно, что автоматические прибавки к пенсиям могут оказать негативное воздействие на состояние экономики в период сильной инфляции, так как ограничивают возможности правительства в финансовой сфере. Но в российском случае речь не идет о повышении пенсий, а хотя бы о восстановлении их на уровне 1991 года (который, кстати, в десятки раз ниже размера пенсий в развитых государствах).

Ну а как проводится индексация? Методы могут быть разными: или с учетом роста цен (Австралия, Канада, Малайзия, Филиппины, Португалия, Испания, Швеция, Великобритания), или в связи с изменением уровня заработной платы (Австрия, Франция, Германия, Израиль, Норвегия). Иногда это делается на базе других критериев (изменение минимальной зарплаты и т.п.). В США система авто-

Гражданка Швейцарии Анна-Бойл Жену в свои 102 года не потеряла интереса к приключениям

Новый магазин в Йошкар-Оле не для всех пенсионеров, а только для «прикрепленных»

матической индексации пенсий, учитывающая возрастание стоимости жизни, была введена только в 1975 году. До этого соответствующие решения в каждом отдельном случае принимал конгресс.

Еще один существенный момент — уровень индексации для различных категорий пенсионеров. В большинстве стран он является одинаковым для всех категорий. Правда, бывают и исключения, когда в ходе индексации повышение пенсий проводится в разной мере для лиц с высокими и низкими пенсиями. Средние и минимальные пенсии в подобных случаях индексируются больше, чем высокие. Так поступают, например, в Италии и на Кипре. Однако это исключение из общего правила. О случаях же «компенсаций» пенсий мне, к сожалению, слы-

шать не приходилось. Скорее всего, речь идет о выдумке российских государственных чиновников.

Можно было бы подробно остановиться на интересных аспектах работы пенсионных служб Швеции, Финляндии, Франции, Германии и других стран. В каждой из них есть своя специфика, своего рода национальные особенности. Но в чем-то они и схожи. Во-первых, принято иметь народную (национальную) пенсию, которая гарантирует минимальный уровень обеспечения пенсионера. Кроме этого, большинство пенсионеров получают профессиональную пенсию, в основном за счет выплат работодателя. Существуют частные пенсии, которые зависят от сделанных вами в течение жизни платежей. Есть и система принудительно-

го накопления, и другие формы, повышающие доходы пожилого человека.

Однако о будущем работающему приходится думать с самого начала трудовой карьеры, поскольку часть пенсионных выплат напрямую зависит от страховых взносов, выплачиваемых им самим и его работодателем на его имя.

Политика сохранения реального уровня денежных пособий людей старшего поколения проводится правительствами даже в сложных экономических условиях, как, например, в Финляндии, где сейчас каждый четвертый трудоспособный гражданин является безработным. Несмотря на то, что консервация нынешнего уровня пенсий создает проблемы при решении экономических проблем страны, финские власти не поддаются призывам снизить уровень пенсионного обеспечения, справедливо считая социальные гарантии основой политической стабильности общества.

Конечно, можно и далее заявлять, что обстановка у нас специфическая и подходить к социальной сфере надо, основываясь на российской практике. Но никто не вспоминает, что опыт социального обеспечения в царской России был в свое время идентичен практике других стран Европы. Теперь мы просто возвращаемся к истокам.

Ведь наша особенность заключается еще и в том, что пенсии сохраняются на низком уровне, в то время как зарплаты увеличиваются. С введением так называемых компенсаций быстро меняется соотношение минимальных и максимальных выплат. Так если разница в минимальной и максимальной пенсиях составляет 1:3, то компенсации ведут дело к тому, что человек, вкалывавший всю жизнь, будет получать такую же пенсию, как тот, кто просидел ее на завалинке.

Сейчас продолжают дискуссии о будущей Федеральной пенсионной службе. Очень важно преодолеть консерватизм в сфере социальной защиты и объединить в рамках единой системы государственного страхования все функции по назначению и выплате пенсий, сбору страховых взносов.

Важно решить окончательно и бесповоротно вопрос индексации пенсий. При этом надо четко указать, что в случае, если пенсионная служба по финансовым причинам окажется не в состоянии платить пенсионеру его законную пенсию в полном размере (с учетом индекса роста цен), помощь должно оказать государство, как это делается в других посткоммунистических странах Европы. Кстати, и в этих государствах уровень пенсий выше российских, хотя нет там ни наших природных богатств, ни нашей науки и современной технологии, ни много другого, что в нормальных условиях позволило бы России обеспечить своим гражданам достойную старость.

Президенту
Российской Федерации
Б.Н.Ельцину

Председателю
Правительства
Российской Федерации
В.С.Черномырдину

Председателю
Государственной Думы
И.П.Рыбкину

Председателю
Совета Федерации
Федерального Собрания
Российской Федерации
В.Ф.Шумейко

ОТКРЫТОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Совет директоров биотехнологических предприятий и организаций России обращается в Вас с просьбой обратить внимание на состояние отечественной биотехнологии, которая оказалась в критическом положении.

Во всех развитых странах мира биотехнология отнесена к самым приоритетным направлениям научно-технического прогресса. Приняты и реализуются национальные программы.

Россия, располагавшая ранее значительным научным и промышленным потенциалом, фактически его утрачивает.

Отсутствие государственной поддержки ведет к резко негативным результатам. Сократился объем производства биопродукции, крайне необходимой для питания людей и кормопроизводства. Предприятия останавливаются, порождая безработицу и социальную напряженность. Лучшие кадры покидают страну. Отечественный рынок заполняется потоком дорогих импортных, зачастую недоброкачественных препаратов при наличии собственных, более качественных продуктов.

В истории нашей науки известны трагические страницы, когда уничтожались целые научные направления и школы (например, генетика в 1930—1940 гг.), для восстановления которых требовались многие десятилетия. Подобная судьба ожидает и биотехнологию, если не будут приняты срочные меры по ее государственной поддержке.

Ученые российских академий наук, директора заводов и институтов неоднократно обращались к Вам. Но, несмотря на Ваши поручения, наши проблемы не решаются.

От имени специалистов отрасли, стремящихся работать на возрождение сильной и процветающей России, просим Вас срочно решить следующие вопросы:

1. Принять и утвердить федеральную программу «Развитие промышленной биотехнологии на 1994—2000 гг.».
2. Предоставить биотехнологическим предприятиям и

организациям на 3 года 50-процентные льготы по всем видам налогов, тарифам на различные виды энергии и железнодорожные перевозки.

3. Предоставить отечественным и зарубежным банкам на 5 лет 30-процентные льготы в налогообложении, если они инвестируют средства в развитие биотехнологии.

4. Предоставлять биотехнологическим предприятиям долгосрочные льготные кредиты со стороны российских государственных инвестиционных корпораций и фондов.

5. Увеличить таможенные пошлины на ввозимую по импорту биопродукцию и сырье, которые имеются в России, как то: белковые кормовые добавки, соевый шрот и т.д.

6. Исключить спирт гидролизный из постановления Правительства РФ от 22 апреля 1994 г. № 358, поскольку он является побочным продуктом, получаемым гидролизными заводами при решении экологических проблем — утилизации растительных отходов сельского и лесного хозяйства.

Выражаем надежду, что Вами положительно будет воспринято наше стремление помочь России в ее становлении и укреплении путем использования достижений биотехнологии и приняты государственные меры по предотвращению развала этой отрасли народного хозяйства страны.

Отечественная биотехнология при определенной поддержке имеет возможность обеспечить страну новыми лечебно-профилактическими продуктами питания и кормовыми добавками; новыми лечебными и ветеринарными препаратами; биологическими средствами защиты растений и биоудобрениями; препаратами для повышения добычи нефти и редких металлов, для деструкции загрязнений почвы и водоемов, утилизации отходов агрокомплексов и ферм и т.д.

Вашего решения с надеждой ожидают все биотехнологи России.

Обращение подписали:

Директор Красноярского биохимзавода С.М.Воронин
Директор Краснодарского химкомбината В.А.Бухтояров
Директор Ефремовского биохимзавода В.А.Королев
Директор Киришского биохимзавода К.В.Занько
Директор Лотошинского опытного биотехнологического предприятия А.А.Петренко
Директор Георгиевского биохимзавода А.А.Баранник
Директор Канского биохимзавода Л.Е.Петухов
Директор Шебекинского биохимзавода В.Г.Правдин
Директор Кропоткинского химзавода В.Е.Олейников
Директор Серебряно-Прудского опытного завода медполимеров А.З.Данченко
Директор Новополоцкого завода БВК В.Н.Конобрич
Директор Светлоярского завода БВК В.В.Носов
Директор Онежского гидролизного завода А.Л.Назаров
И.о. директора Архангельского гидролизного завода В.В.Севостьянов
Директор Хакасского гидролизного завода В.П.Котельников
Директор Лобвинского гидролизного завода А.С.Сизов
Директор Тулунского гидролизного завода В.А.Хаматаев
Директор Ивдельского гидролизного завода Н.В.Белогурова

Директор Хорского гидролизного завода В.М.Хлуднев
Директор Волгоградского завода пищевых продуктов (АООТ «БИОДЕМ») Растяпин
Ген. директор АО «Биокомплекс» Б.Н.Егоров
Директор института ГосНИИсинтезбелок А.П.Захарычев
Директор института ВНИИ биотехника А.М.Карпов
Директор института биотехнологии М.Р.Мукумов
Директор института ВНИИ гидролиз О.И.Шаповалов
Директор СКНИИ биотеххим В.А.Николаев
Директор филиала Грозненского НИИ биотехника Е.М.Карбанов
Директор Мценского биохимзавода А.И.Дрига
Ученый секретарь НПО «Медбиоэкономика» Т.И.Кривова
Ген. директор РАСП «Биотех» Е.Н.Арзуманов
Директор фирмы «ФИОЛ» С.А.Глухих
Гл. инженер АО «Машинностроительный завод «ИНВИС» В.В.Левонюк
Исполнительный директор фирмы «Константа-Фарма» В.Д.Кривов
Генеральный директор фирмы «Бионит» (АОЗТ) А.В.Найдин
Ген. директор АО «ВИТОС» В.В.Чижков

Публикуется на коммерческой основе

Пустите русских в Европу!

А голландцев пустите на их старый новый российский рынок

Дмитрий КУНИН,
Сергей ПАНОВ

В середине семидесятых, когда благодаря мировому энергетическому кризису в СССР бил нефтедолларовый фонтан, в советском банке сто голландских гульденов стоили всего 28 рублей 50 копеек. Однако доля СССР во внешнеторговом обороте Нидерландов составляла меньше половины одного процента. И неудивительно, что до девяностых мы не только не знали о голландских «сникерсах» и «марсах», но и о самой Голландии-то вспоминали разве что в связи с причудами Петра Великого. Удивительно другое: прошло совсем немного времени и курс гульдена перевалил за тысячу рублей, а в амстердамских супермаркетах теперь трудно отыскать такой подарок, который был бы необычен для рядового москвича. Ведь минувшей зимой и в самых отдаленных московских закоулках — где не тормозят «мерседесы» новых миллионеров — у вездесущих ныне торговцев бойко расходилась даже клубника из голландских теплиц. На православную Пасху голландские супермаркеты в

Москве объявляют о снижении цен, а огромный салон «Филипса» на Новом Арбате быстро становится таким же привычным, как и «Малахитовая шкатулка» напротив.

Нынешний всплеск общественных и деловых связей между двумя странами, вероятно, имеет мощные скрытые пружины. Впрочем, интерес российской стороны к любой из стран Европы, к западным товарам и западным технологиям объясним легко. А вот столь заинтересованное отношение голландцев вряд ли имеет лишь утилитарную основу. После революции 1917 года обиженные утратой своих вложений в российскую экономику голландцы долго отказывались даже от признания Советской России. И только победа над германским фашизмом принесла в Нидерланды первую «волну популярности СССР». Сразу после войны при Амстердамском университете был открыт институт по изучению СССР, который, пережив несколько реорганизаций, теперь называется Институтом российских и восточноевропейских исследований. Об отношении голландцев к нынешней России и к российско-нидерландским контактам мы беседовали с одним из

сотрудников этого института, доктором Арно ЛАНГЕЛЕРОМ. Возможно, его взгляд на некоторые детали субъективен, но в любом случае — перед вами мнение историка, много лет профессионально занимающегося изучением России.

Д-р Лангелер:
ПРАВИТЕЛЬСТВО Нидерландов, конечно, участвует в усилиях Европейского союза, направленных на поддержание рыночных преобразований в странах СНГ. Но какой-либо особой благоприятственной политики по отношению к экономике России оно не проводит. Так что нынешний уровень экономических связей определяется, главным образом, личной активностью крупных и мелких предпринимателей. Насколько она эффективна, вы в Москве можете убедиться сами. Задача Министерства экономики Нидерландов и торговых палат — оказывать бизнесменам консультационную помощь и не чинить неоправданных таможенных и лицензионных препятствий.

Кстати, в нашем институте совсем недавно существовало экономическое отделение, однако обучающиеся

на нем студенты, проходя практику в торговой палате, очень быстро поняли, какие выгоды сулят деловые контакты между Востоком и Западом, и начали заниматься бизнесом, так что отделение пришлось закрыть. Институт теперь сосредоточился на рутинных исследованиях, проведении научных конференций и формировании общественного мнения в отношении России — в самом широком смысле.

КРУПНЫЕ нидерландские фирмы имеют давние связи с Россией, хотя раньше это и не очень бросалось в глаза. Но, например, большинство таможен на границах СССР были оборудованы аппаратурой «Филипса», в советских колхозах хорошо знали пестициды химической компании «Акзо». Эти фирмы благодаря накопленному опыту легко проникают на российский рынок. Мелким предпринимателям сложнее. А многие голландцы психологически боятся масштабов России, они предпочитают иметь дело, например, с маленькими государствами Прибалтики. Хотя последним вряд ли удастся стать посредниками между Западом и Россией — лишние посредники бизнесу не нужны. Очень скоро голландцы научатся контактировать с россиянами свободно. Особенно если в России установится стабильность.

В конце сороковых годов из получившей независимость Индонезии на родину вернулись около 300 тысяч

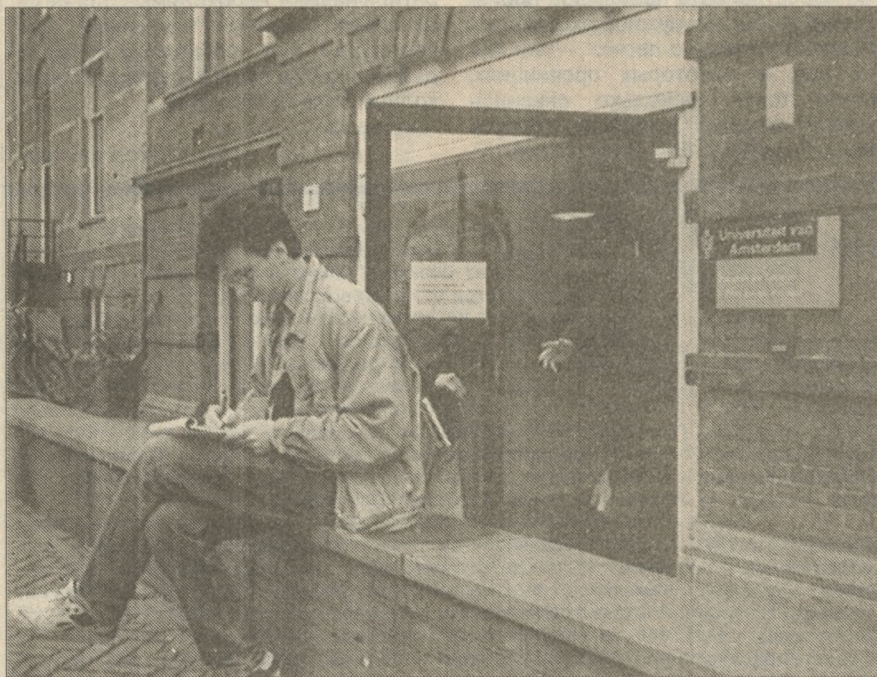
проживавших там голландцев, но на внутреннюю ситуацию в Нидерландах это практически не повлияло. В России сейчас все, конечно, сложнее. В качестве иностранного наблюдателя на выборах мне приходилось бывать в Молдове, в Одессе, в российской провинции. И как историк я убежден, что через некоторое время вполне естественное влияние России приведет к мирному восстановлению, так сказать, Российской империи. Империи, конечно, очень условной, ведь страны ближнего российского зарубежья никак нельзя сравнивать, например, с бывшими колониями Нидерландов в Индонезии или с Суринамом и нидерландскими Антильскими островами. Даже для прибалтийских стран, имеющих больше оснований считать русских колонизаторами, была бы полезнее более гибкая политика в отношении так называемых русскоязычных. Проблемы сохранения национальной культуры и ликвидации гетто национальных меньшинств гораздо эффективнее решаются с помощью рациональной политики в сфере образования, а не методами насильственного выселения. В маленькой Голландии, где проживают сотни тысяч марокканцев, турок, индонезийцев и суринамцев, в этой области накоплен огромный опыт. Кстати, и попавшие за последние годы в Нидерланды несколько тысяч выходцев из бывшего СССР могут эффективно помочь становлению связей между нашими странами. Поэтому политика Нидерлан-

Доктор Арно Лангелер

дов по регулированию въезда иммигрантов не отличается излишней строгостью. У голландцев нет чувства неполноценности и боязни, что их культуру сможет поглотить культура каких бы то ни было иммигрантов.

12 ДЕКАБРЯ прошлого года я присутствовал на нескольких избирательных участках в Иванове. Успех Жириновского меня несколько не удивил, ведь когда жизнь ухудшается, люди во всех странах голосуют за националистов. В России же пока что бурно развивается лишь торговый капитал, позднее он неизбежно

У студентов Института российских и восточноевропейских исследований летняя сессия

Кафе «Сибирь» в центре Амстердама

Магазин русского прикладного искусства на улице Рокин в Амстердаме

но будет вкладываться в производство, и жизнь людей, работающих на небольших частных предприятиях, начнет улучшаться. Крупные государственные производства обычно неэффективны во всем мире. Ведь управлять небольшими предприя-

тиями, перестраивать небольшое производство на выпуск нужной людям продукции значительно легче.

У нас, в некоторых провинциях, сейчас тоже несколько снизился уровень жизни. Огромные корпуса заводов «Филипса» в Эйндовене пу-

сты. Высокая безработица, особенно среди малограмотного населения, в том числе выходцев из Турции и Марокко. На поддержку безработных расходуются большие средства (минимальное пособие по безработице в Нидерландах составляет 1350 гульденов в месяц, кроме того, безработным предоставляются всевозможные льготы, вплоть до бесплатных оздоровительных поездок в дешевые африканские страны для избавления от «зимней депрессии». — Д.К., С.П.), получаемые за счет постоянно возрастающих налогов с работающего населения, которое, конечно, недовольно. Поэтому неудивительно, что и в Нидерландах на последних выборах относительный успех имела, например, партия «СД» («центральных демократов»), требующая ограничить въезд иностранцев, в том числе русских. Но это, конечно, не выход. Политика правительства должна быть более гибкой, полнее учитывать интересы разных слоев населения.

Так что, я уверен, успех националистов в России временный — конечно, при условии сохранения рациональных подходов к решению экономических проблем. Когда ситуация в России стабилизируется, у населения не будет особой потребности в протесте, то есть причины голосовать за партии типа «либерально-демократической».

Два-три года реформ — для России небольшой срок. Ведь за семь десятилетий советской власти люди утратили навыки, необходимые для «нормальных» рыночных отношений. Для перехода к ним необходимо время, и дай Бог, чтобы люди выдержали переходный период спокойно.

Амстердам

Фото авторов

«Блуждающие» доллары из России

Альфред ЦЕНКЕР («Вельт»)

«Русские идут. Кем раньше были американцы, а потом и арабы, вскоре станут нувориши из Москвы и Санкт-Петербурга», — говорят на Вокзальной улице в Цюрихе. Они приезжают с туго набитыми бумажниками и толстыми пачками банкнотов в карманах брюк и покупают только самое лучшее: часы от «Патек Филиппе» за 8 тыс. франков и дорогие меховые полупальто и манто от 5 до 50 тыс. франков за штуку. Они живут в самых дорогих отелях, в цюрихском «Баур о Лак», в женеvском «Резерв», в «Кульме» Сент-Морица.

В одной только Москве, по-видимому, уже больше долларовых миллионеров, чем франковых миллионеров в Швейцарии.

Откуда берутся эти блуждающие деньги русских? Одним из важных источников является экономическая помощь Запада: «Каждый доллар, который поступает в Россию, впоследствии оседает на швейцарских счетах», — предупреждал либеральный реформатор Егор Гайдар. В отличие от него швейцарские эксперты считают, что из этого источника поступает от трети до

половины блуждающих денег. К этому надо прибавить валюту от экспорта нефти и сырья, похищенную за границей, которая оседает на частных счетах, а также выручку российских нуворишей, уклоняющихся от налоговой инспекции.

Размеры утечки капитала невозможно подсчитать. Согласно одной из оценок, с 1990 года за пределы страны незаконно было вывезено до 100 млрд долларов. По мнению швейцарских банков, эта цифра составляет до 50 млрд. При этом велика доля денег российского преступного мира, денег рэкетиров, заприходованных мафиозными бандами, а также денег, полученных от торговли оружием и проституции. Бывший Советский Союз становится также перевалочной базой для наркотиков, поступающих из Афганистана и Пакистана.

Чтобы остановить утечку денег за границу, Москва хочет ввести ограничения на счета в иностранной валюте. Банки планируют установить своего рода самоконтроль против преступных денег. Но до тех пор, пока законы остаются нестабильными, когда в любое время могут вступить в силу новые законы и Россия не предлагает ни надежных возможностей для капиталовложений, ни стабильной валюты, такими мерами едва ли удастся остановить утечку капиталов преступников и нуворишей.

(ИТАР—ТАСС)

Российский фаянс — продолжение традиций

Фаянсовые изделия были известны еще в Древнем Египте. Начало производства фаянса в России связано с именем Михаила Ломоносова и Дмитрия Виноградова. На основе научных изысканий ими был раскрыт многовековой секрет фаянсовой массы и налажен технологический процесс производства.

Во главе придворного Императорского завода всегда стояли лучшие скульпторы и живописцы, соз-

давшие художественные произведения, которые неоднократно отмечались самыми высокими наградами на международных художественно-промышленных выставках.

Сегодня одним из продолжателей вековых традиций российских художников-керамистов стало акционерное общество «Полигран». В цехах этого небольшого предприятия рождаются произведения искусства, дающие человеку радость. Мы беседуем с директором АО Юрием ПОПОВЫМ и художниками Виктором КОЛОСОВЫМ и Николаем ШОЛКИНЫМ.

— Фаянс, фарфор... Многие путают эти понятия. Какое между ними существенное отличие?

— Фаянс — это тонкая керамика. Для его изготовления применяется тот же материал, что и для фарфора, но меняется рецептура. У фаянса шире возможности по цвету, гамме. Можно технологически использовать все оттенки. Он отличается от фарфора большей теплотой, что ли... К тому же он более национален, соотнесен с русскими традициями. Недаром у известного промышленника-керамиста М. Кузнецова одним из ведущих заводов был фаянсовый, который и сегодня работает в Конакове.

— На столе перед нами — ваши изделия. Надо признать, что такой художественной манеры я ранее не встречал.

— Пишем мы в «не модных» тонах — зеленое с коричневым. И этому есть объяснение. В стране и так девять месяцев в году — холод. И если приходишь с мороза домой, наливаешь горячего чая, берешь в руки чашку, а она расписана синими узорами... Эмоционально как-то холоднее становится. А у нас — «теплая» гамма. Летом, сенокосом, прогретой землей веет.

Наш стиль росписи вырабатывался несколько лет. За основу был взят лубок. Потребовались годы, чтобы достаточно органично перевести народный рисунок с бумаги на фаянс и при этом не только не потерять его оригинальности, но и приобрести новую привлекательность и колорит. Сама роспись — эмоциональна, нестатична. Это известная среди специалистов «агашка», не на какие другие виды росписи не похожая. Пишется краем кисти, быстро, порывисто. Причем хочется подчеркнуть, что скорость письма — это манера и на качестве работы ни в коем случае не отражается.

— Я пришел в магазин, где выставлена продукция десятка фирм. Как узнать вашу?

— По стилю росписи, взятому из лубковой живописи и положенному на подглазурный рисунок по фаянсу. Да и по самой достаточно сложной форме исполнения. Мы решаем каждое изделие в своей, присущей только ему, манере. Все они имеют не только просто утилитарное назначение, но являются предметами искусства. Вот, посмотрите, многосложные формы, но не «навороченные», а в добротных и удобных пропорциях, в хороших российских традициях.

Наша продукция несколько не вписывается в сумасшедший ритм сегодняшнего дня. Она камерная, семейная. Мы работаем на небольших заказчиков, у которых нет пресловутого «вала».

В каждом нашем изделии — часть души. С каким настроением пришел художник — такой и предмет вышел.

Мы создаем керамику, которую надо рассматривать. У нас — ручная работа, а она всегда — в одном экземпляре. Тем и уникальна.

— Ассортимент меняете?

— Эволюция, безусловно, есть. Начинали с так называемых чистых чайников и довольно простых светильников. Сегодня делаем большие сервизы с блюдами. Все — с различными формами и сложной росписью. Разнообразие удается создавать и за

счет насыщенности живописи. Можно сказать, что мы создали свою маленькую школу, основанную на лучших российских художественных традициях.

— Ну а стоимость таких изделий?

— Много зависит от фирмы, имени. К примеру, гжельские вещи с клеймом этого предприятия идут по высокой цене, которая раза в два-три больше, чем на наши изделия. Для среднего покупателя наши работы доступны.

— Каким видится ваш завтрашний день?

— Думается, что будущее в нашей отрасли — за маленькими мастерскими и небольшими заводиками. Мы намного отстали от ведущих стран в технологическом плане, поэтому «выплыть» удастся только за счет добротной ручной работы. А «выплыть» нужно. Потому что надо продолжить дело прекрасных российских художественных школ: строгановской, мухинской, абрамцевской...

Для выживания, а в дальнейшем для процветания нужно, чтобы администрация, начиная от местных префектур и кончая правительством России, вела политику поддержки подобных предприятий. Ни в коем случае мы не призываем к иждивенчеству, но предприятие предприятию — рознь. И их продукция — совсем разная. Колбаса, бесспорно, нужна. Но положить ее хочется на красивую тарелку.

Еще одно направление нашей работы — изделия из шамотной глины. Это карнизы, наличники, изразцы для каминов... Возможности здесь велики. Была бы фантазия у заказчика, а выполнить можем все. Сейчас строятся коттеджи, дачи. Рассчитываем, что наша работа привлечет строителей. Мы предлагаем оригинальные, авторские работы. Причем по цене, доступной многим. У каждого коттеджа или хорошей дачи должно быть свое «лицо». И не только снаружи, но и изнутри. Это «лицо» мы сможем сделать.

Александр ТРУТНЕВ

Контактный телефон АО «Полигран» 261-29-89.
Адрес предприятия: Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 4.

РЕКЛАМА

Соленый дождь для вчерашних школяров

Анна ИНОЗЕМЦЕВА

Владимир ШИШОВ, Юрий ШТУКИН (фото)

С середины мая я была атакована многочисленными телефонными звонками, как не очень давно окончившая школу. Обращались друзья и знакомые моей младшей сестры.

— Ань! Ну ты же знаешь, как трудно сдавать экзамены, — начинали они издалека. —

Может, у тебя остались сочинения?.. А билеты по истории?

Обычно после этой фразы следовал подробный перечень жалоб на учителей-монстров, которые, дескать, не только жить — учиться бедным одиннадцатиклассникам спокойно не дают!

— Конечно, все понимаю, —

отвечала я. — Билеты и сочинения — не проблема, но неужели они помогут?

— А как же? — с обидой произнес один из звонивших. — Я же вообще ничего не знаю.

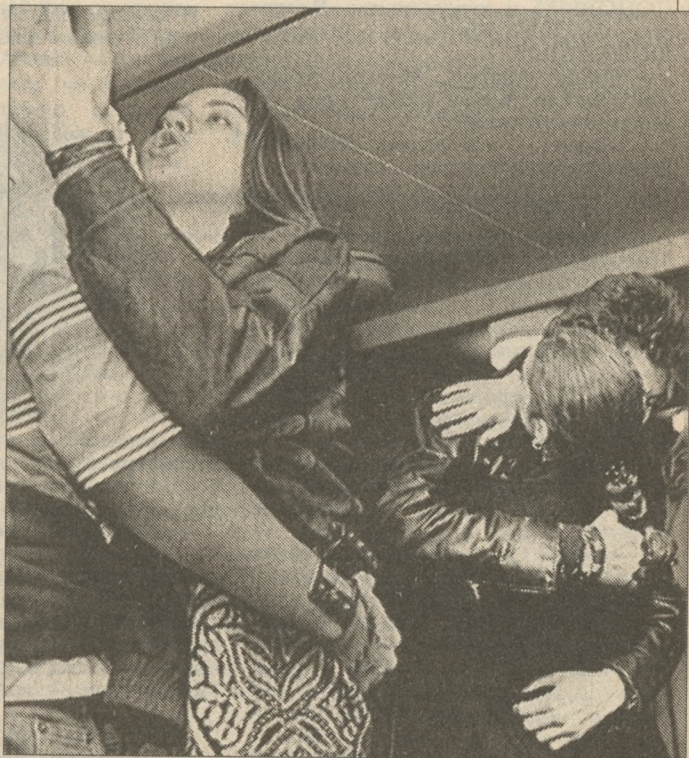
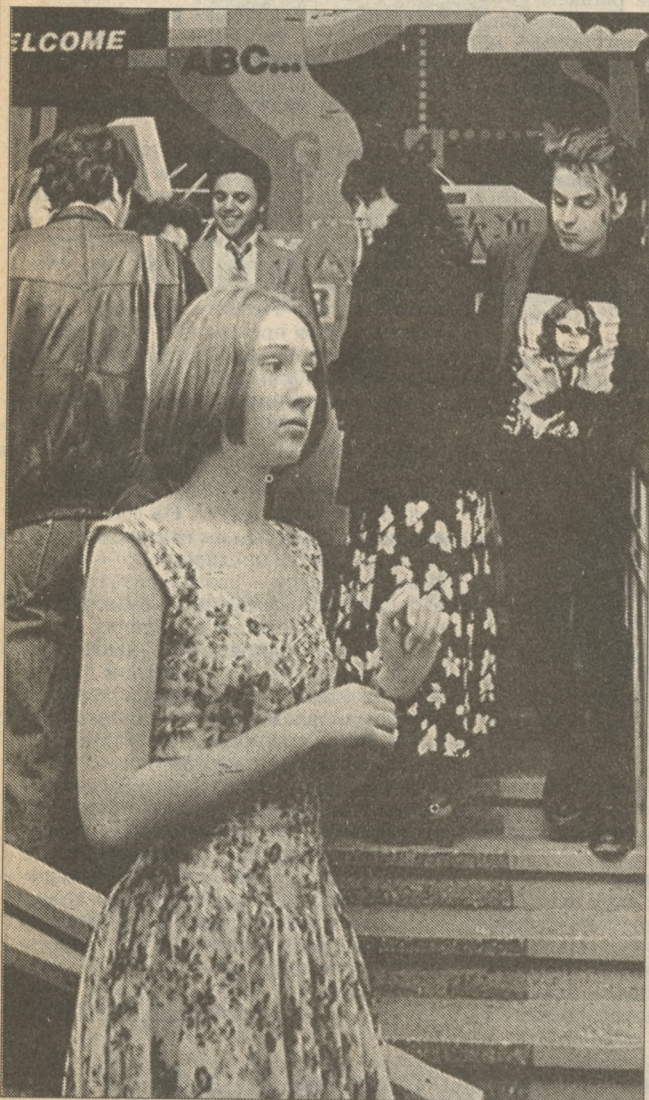
Пришлось отдать ему старое сочинение.

Сейчас эти ребята получили столь долгожданную свободу, ведь школа закончена. Они еще не успели окунуться в жизнь без надзора учителей. Но отчего так грустно у них на душе? Это они уже тоскуют по родной школьной «курилке». Прогуливая очередной урок, там было особенно приятно коротать время, между прочим, выводя всякие надписи сигаретным окурком на порядком изуродованной стене. И именно сейчас стало жалко ту

учительницу, которую «доводили» дружно, всем классом. «Что это на нас тогда нашло?» — удивляются выпускники. «Тогда» все было «просто так» — теперь этого не будет.

Школа... Неужели позади эти долгие годы? Где еще услышишь неповторимую тишину школьных контрольных на всеми любимом предмете, когда гораздо приятнее думать самому, а не списывать из учебников?.. Где, в конце концов, все создано для того, чтобы смеяться до слез, хамить и ругаться, протестовать и дарить подарки?..

Кстати сказать, последнее многие из сегодняшних выпускников на себе испытали — котировку знания, распространенную среди некоторых

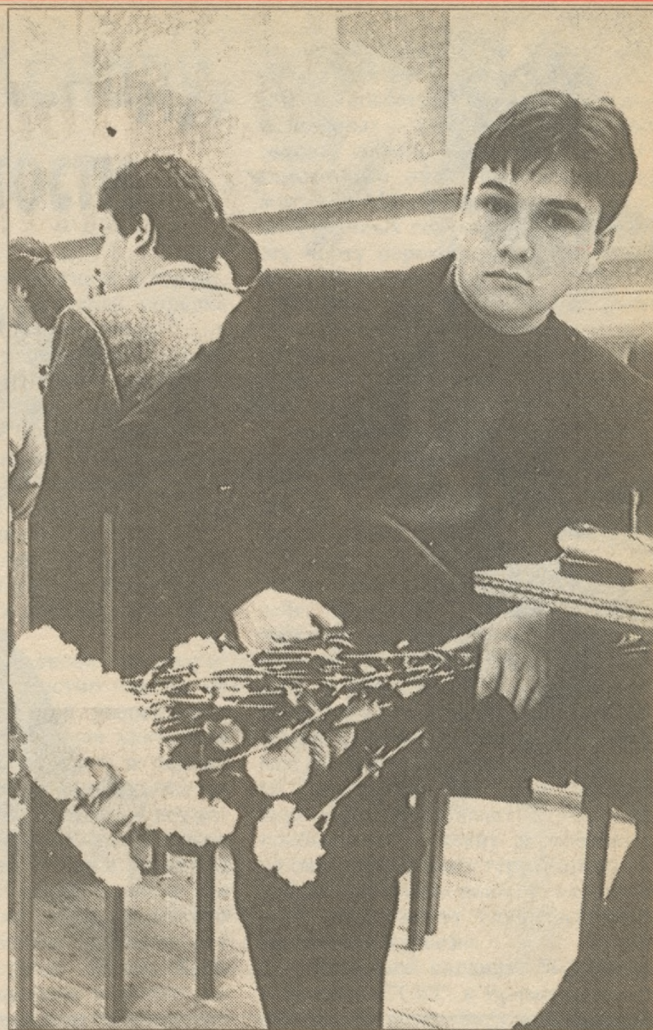
учителей. Например, по количеству звездочек на этикетке коньяка. Принес пятизвездочный и слышишь в ответ: «Да, я смотрю, ты знаешь предмет на пять!» А вот дамы-учительши подобного рода требуют обычно коробки конфет, шампанское и букеты роз. И, конечно, получают их: даже конченным двоечникам хочется иметь приличного вида аттестат.

Да мало ли всякого было в школе! Одни только «ботаники» и подхалимы чего стоят! Именно они, по утверждению многих знакомых выпускников, последнее время чувству-

ют себя в школе как рыба в воде.

Иногда учителя ведут себя совсем неподобающе даже на экзаменах. И многим это нравится. Так, мне было небезынтересно выслушать историю, говорят, сегодня почти банальную. На письменном экзамене по алгебре присутствовало целых три учителя, причем, что самое забавное, сидели они спиной к классу. Ребята, по своему обыкновению, шептались и перекидывались записками, как вдруг нервы одного из учителей не выдержали.

— Вы что, обалдели? — гро-

мыкнул его голос. — Мы специально дали вам возможность списывать, а вы тратите драгоценное время неизвестно на что!

Многие выпускники еще не выбрали: куда пойти учиться дальше и кем быть. А если и выбрали, то противоречия и сомнения неизбежно лезут в голову. Если школьный питомец не сын миллиардера и у него нет «мохнатой лапы», ему предстоит не очень легкая задача. «Все схвачено, за все заплачено!» — не секрет для любого из престижных вузов. Мой знакомый, поступавший в такой институт, с удивлением обнаружил, что теперь все делается с неприкрытым цинизмом.

— Ты «блатной»? — спросил его сын дипломата, чьи родители неподалеку в это время общались с деканом одного из факультетов.

— Нет, — простодушно ответил знакомый.

— А что ты в таком случае здесь делаешь? — сразу же последовал вопрос.

Не стоит напрягаться, чтобы угадать: сын дипломата оказался прав. Действительно, зачем «неблатным» учиться в «блатном» институте?..

Теперь недавние школяры, улыбаясь, вспоминают то время, когда спешили на экзамены с шоколадками в сумках и шпаргалками в рукавах, с пяточками под пяткой, с иконками в карманах, что ближе к сердцу... Они так верили в удачу! И сейчас верят, несмотря на достаточно потускневшие иллюзии, малые надежды и большие разочарования. Я уже вижу их, гурьбой возвращающихся с очередного вступительного экзамена. Не только в вуз, а и просто в жизнь. Дожливая погода. И для кого-то этот дождь — соленый.

Как я эмигрировал в Канаду, или Бег от нестабильности

Алексей ПОРТАНСКИЙ*

В тот памятный осенний день я шагал по милому сердцу каждого коренного москвича Староконошенному переулку с мыслями, весьма далекими от родного города. За дверями расположенного здесь канадского посольства меня ожидала новая жизнь.

Я решил вместе с семьей уехать жить за границу — сейчас так поступает немало россиян и жителей стран СНГ. Свобода покинуть родину — одно из немногих конкретных достижений последних лет, которыми реально могут воспользоваться люди. Конечно, для того чтобы навсегда отправиться за рубеж, нужны всякие причины. Но об этом чуть ниже.

Канадская Федерация — одна из немногих стран мира, которые приглашают к себе иностранцев на постоянное жительство. Забота о поддержании возможно более высоких темпов экономического развития страны при падающей во многих провинциях рождаемости побуждает канадские власти вести активную иммиграционную политику. Достаточно высокий по мировым меркам уровень жизни и социального обеспечения привлекает в Канаду желающих поселиться в ней со всего света. Однако далеко не каждому из них удастся осуществить свое желание.

Все начинается с анкеты

Пользуясь некоторыми личными знакомствами, я без труда раздобыл нужную анкету в двух экземплярах (для себя и супруги), обойдясь без назойливых посредников, приторговывающих возле некоторых западных посольств всякими необходимыми бланками.

С анкетами канадцы придумали, на мой взгляд, вполне разумную систему. Сначала потенциальный кандидат заполняет предварительный бесплатный формуляр, на основании которого сотрудники иммиграционной службы посольства производят оценку шансов каждого заявителя быть принятым в качестве офици-

ального кандидата на въезд в страну. На этом этапе отсеивается порядка 70 процентов всех желающих.

Если я пройду через предварительное сито, то получу более подробную анкету, являющуюся официальным запросом на право постоянного проживания в Канаде. За нее придется уплатить по 450 канадских долларов мне и супруге. Можно потребовать и сразу официальную анкету, минуя предварительную, но тогда в случае отказа деньги уже не вернут. Полагаю, что суета и спешка здесь ни к чему.

Ожидая оценки своей предварительной анкеты, я, честно говоря, не испытывал абсолютной уверенности в успехе. Из трех главных критериев — специальность, возраст и знание языка — я вполне могу «поплыть» по первым двум. В самом деле — неужели где-то может существовать нужда в журналистах, тем более в развитом государстве? Другое дело, если бы было предложение от конкретного работодателя в Канаде — тогда все выглядело бы гораздо проще. Консультации со сведущими в рынке рабочей силы за рубежом экспертами лишь усилили мои сомнения: я пожалел, что не имею специальности механика, сварщика, программиста, инженера или техника по холодильным установкам, строителя, повара, бактериолога и т.п.

В общем, опасения мои оправдались — квалификация и навыки в сфере производства, точных и естественных наук, а также в области финансов и сервиса ценятся заметно больше профессий историка или журналиста. Но, тем не менее, первое испытание я прошел, и моя супруга тоже. Через месяц после начала оформления мы получили официальные анкеты.

И подмажешь — не поедешь

«Всякий, кто помог вам заполнить данный формуляр, должен поставить свою подпись в соответствующей графе этого документа. Факт оплаты услуг другого лица по заполнению формуляра не означает, что ваше прошение будет одобрено».

Как можно догадаться, это поддержка из инструкции по заполнению официальной анкеты. Предупреждения вовсе не лишни. В нашей вы-

нешней жизни с едва различимыми нравственными ориентирами даже самые совестливые под давлением жизненных обстоятельств порой готовы добыть за деньги то, что на самом деле оплате вовсе не подлежит. Иммиграционные службы иностранных государств учитывают и эту черту переходного состояния нашего общества.

Вообще при заполнении анкеты надо постараться быть предельно точным и лаконичным, иметь все необходимые документы. Я не раз уже выезжал прежде за рубеж с семьей и один, поэтому паспорта, дипломы, трудовые книжки, свидетельства о рождении детей — все это в доме наготове, как патроны у солдата, нужна лишь обойма для зарядки.

Когда заполняешь анкету, бывает такое ощущение, что нравишься сам себе: здоровье нормальное, психическими заболеваниями не страдал, уголовных преступлений не совершал, в пытках, актах депортации и насилия в отношении мирного населения и военнопленных не участвовал. Признаюсь, несколько удивило то обстоятельство, что канадская анкета не спрашивает о возможном пребывании в плену и проживании на оккупированных территориях.

При изучении вашего криминального досье могут случиться неожиданные и курьезы.

— Если мой кандидат был осужден в бывшем СССР, к примеру, за антисоветскую пропаганду или за так называемые экономические преступления, — пояснил мне сотрудник иммиграционной службы посольства, — то мы, конечно, изучим, в чем состояло его «преступление», но вполне вероятно, что, с нашей точки зрения, этот человек окажется невиновным. Можно представить и несколько иную ситуацию: вы уверены в своем моральном облике на все 100 процентов, но, изучая вас и вашу семью, канадские власти вдруг обнаружат, что вы били жену, а теперь собираетесь с ней выезжать. Подобного «бытового компромата» может быть достаточно, чтобы вас завернули.

Не удаются и всякие «хитрости», например — оставить одного из оформлявшихся с вами членов семьи дома, а остальным уехать. Надежности семьи в Канаде придают весьма серьезное значение.

Большинство из нас, жителей бывшего Союза, никогда не соприкасалось с иностранным работодателем, и это может стать причиной незапланированных проблем и разочарований. Поэтому составители анкеты просят не просто указать, что

* Обозреватель «Известий».

вы работаете инженером, экономистом, программистом, техником или кем-либо еще. Необходимо точно описать свои повседневные обязанности, возложенные задачи и стаж работы по специальности, сопроводив все это соответствующими документами.

Что касается меня, то я намерен работать в Канаде журналистом и переводчиком, хотя сознаю, что могут быть трудности. Моя жена, надеюсь, осилит работу преподавателя, переводчика или секретаря. Если бы я был инженером, то моя квалификация подлежала признанию Канадским советом профессиональных инженеров. Для инженеров проблема признания дипломов существенно проще, чем для российских врачей. Еще сложнее подтвердить свою квалификацию архитектору и особенно адвокату.

В любой специальности при приеме на работу категория может быть понижена из-за слабого знания английского или французского. Потом, приложив усилия в освоении языка, можно наверстать упущенное.

Ду ю спик инглиш? Парле ву франсэ?

Получение из посольства приглашения на собеседование наконец прервало период обезличенного контакта и неопределенности. Следовательно, анкетные данные оказались подходящими и, что особенно важно, моя профессия на канадском рынке труда пользуется спросом, ибо в противном случае пришел бы отказ.

Как журналист, я привык интервьюировать других. На сей раз на интервью приглашали меня — так обозначается у канадцев то, что мы привыкли называть собеседованием. Это мероприятие с соискателем въездной визы проводит опытный сотрудник иммиграционной службы посольства в ранге советника.

В ходе интервью можно как повысить свои шансы — если свободно вести беседу на английском или французском, так и понизить — если сотруднику иммиграционной службы, несмотря на ваши старания, придется все-таки либо самому перейти на русский, либо позвать переводчика. Ибо эта личная встреча нужна не только для выяснения языковых навыков претендента. Интервьюер должен услышать непосредственно от вас, что же послужило главным мотивом для въезда, почему вдруг (или не вдруг) вы предпочли Канаду России. Если при этом вы будете настаивать на недостатке свободы на родине и политических притеснени-

ЮРИЙ ШТУКИН

ях, которым якобы подвергаетесь, то, возможно, рискнете лишь осложнить свою ситуацию.

«Где я намерен обосноваться по прибытии в Канаду? — В провинции Квебек, ибо предпочитаю франкоязычие».

«Имею ли представление о своей будущей работе с учетом отсутствия у меня конкретного предложения, встречался ли со своими канадскими коллегами-журналистами? — С коллегами встречался, беседовал. Более того, знаю бывшего советского журналиста, который успешно устроился в одной канадской газете».

«Несколько месяцев придется находиться в поиске работы, и все это время надо будет содержать себя и семью. Готов ли я до выезда представить доказательства наличия в иностранном банке требуемой минимальной суммы в валюте? — Да, готов».

«Понимают ли мои дети, что им предстоит? Готова ли жена прийти на аналогичную встречу?»

Вот такое примерно получилось интервью со мной. И еще мне напомнили то, что, в общем-то, я понимаю давно: не стоит рассчитывать в Канаде на тот же социальный статус, что был в России. Первое время, возможно годы, меня будут воспринимать лишь как иммигранта. Дальше все зависит от меня.

Интервью продолжалось минут двадцать. Я выяснил, что по анкете получил штрафные очки за возраст — мне перевалило за 44. Зато жене штрафных очков не выставили. Беседовал я понятно и складно, к услугам переводчика прибегать не пришлось. Похоже, интервью сыграло в мою пользу.

В итоге мне и жене объявили, что наша семья — официальные кандидаты на выезд в Канаду. Иммиграционная служба этой страны пришла к выводу, что мы в состоянии адаптироваться и устроиться на работу. Хотя профессии наши не самые ходовые, но, зная язык, сможем выжить.

Теперь остается пройти медкомиссию, взять справку из милиции и ждать визу.

Мотивы

Дело в том, что таковых нет, и поэтому на самом деле автор и его семья никуда не едут. Тем не менее все описанное действительно имело место, но было проделано лишь для достоверности рассказа. Мне, журналисту, любезно позволили пройти через систему отбора сотрудники иммиграционной службы посольства Канады.

Что же касается мотивов эмиграции, то достоверно изложить их могут только те, у кого они есть на самом деле.

В гостях у симпатичной московской пары Ирины и Алексея я побывал совсем недавно. Они примерно так же, как и автор, прошли иммиграционный отбор и плюс к нему медицинскую комиссию. Сейчас они уже в ожидании иммиграционной визы. До отъезда осталось около двух месяцев.

Ира и Алексей — из того поколения взрослых граждан страны, которое с выходом на государственную арену два года назад команды реформаторов Гайдара стали обозначать как поколение, родившееся после смерти Сталина.

С точки зрения социологов, они типичные представители молодой

ЮРИЙ ШТУККИН

российской интеллигенции. Зарабатывают, быть может, выше среднего для людей умственного труда, потому что и он, физик, кандидат наук, и она, преподаватель английского языка высшей квалификации, давно покинули государственный сектор. Работают, правда, по своим специальностям. На материальное положение особо не жалуются, но вот новую автомашину купить уже не в состоянии — эксплуатируют старую. Все, что есть дома, нажили сами. Никаких богатств за рубежом пока не имеют. Средства для обустройства в Канаде на первое время получают от продажи квартиры и мебели.

Их единственной дочери 16 лет.

— Трудно определить, когда именно мы приняли окончательное решение уехать, — говорит Алексей, — конечно, большую часть лет прожили, не думая, что можно жить иначе. Наверное, к сегодняшнему решению мы начали постепенно идти с середины 80-х годов.

Как и многие его коллеги-физики, Алексей немало времени проработал на отечественную оборонку. Потом началась конверсия. Ею он занялся сначала с энтузиазмом, уже будучи в коммерческой организации. Перестройка и демократизация открыли эту некогда закрытую область для участия иностранных специалистов. Вообще, замечает Владимир, эта сфера в стране вторая по привлекательности для иностранного бизнеса после нефтегазового комплекса.

То, что конверсия военной отрасли проходит у нас не просто и не самым удачным образом, — известно и описано не раз в прессе.

— Когда видишь, как на государственном уровне принимаются реше-

ния, невзирая на специально подготовленные расчеты и рекомендации, какие это приносит убытки и осложнения в экономике и это повторяется, то невольно начинаешь сомневаться в целесообразности своего труда, — говорит Алексей. — Одновременно через общение с зарубежными партнерами начинаешь чувствовать, что где-то твои усилия дадут гораздо большую отдачу в той же области. Причем дело тут не только в порой несопоставимых уровнях оплаты.

Такие настроения копились несколько лет. Однако, если бы не события, которые в одночасье превращают преходящие настроения и зыбкие намерения в реальные планы, возможно, в жизни моих знакомых и по сей день ничего бы кардинально не изменилось.

— Вы хотите знать, были ли моменты, которые можно считать поворотными? — Да, были, — как бы одновременно спрашивают и отвечают Алексей и Ира. — Это августовский путч 1991 года. Представьте себе — мимо наших окон по Ленинскому проспекту — танки: туда, потом обратно. Жутко было смотреть на них и жить эти несколько дней под грохот гусениц. А ведь тогда в Москве были не только стычки и погибшие. Начались аресты и задержания без объяснения причин, прежде всего в коммерческих структурах. Вспомните предпринимателя Тенякова — почему его продержали так долго без видимых оснований?

Что сохранилось сегодня в людях от тех августовских событий — празднование победы или ощущение внезапного страха? Я не могу не сог-

ласиться с моими собеседниками, что осталось, к сожалению, последнее. И прошлогодний октябрьский мятеж лишь подтвердил верность данного чувства.

Незадолго до нашей встречи были выпущены на волю «лефортовцы» и прекращен суд над гэкачепистами. Это «недоразумение века», как я понял, еще раз окончательно укрепило Алексея и Ирину в правильности выбранного пути. Им не хочется жить в нестабильной стране, не хочется сначала трястись от страха, потом радоваться «победе демократических сил», потом надеяться на что-то, потом все сначала.

— Вы уезжаете навсегда?

— Да, наш отъезд выглядит именно так. Но мы хотели бы приезжать в Москву, у нас здесь родители — обязательно будем помогать им. С российским гражданством расставаться не собираемся, благо канадские законы не препятствуют этому.

Кстати, Алексей, вполне вероятно, будет заниматься проектом, имеющим прямое отношение к России. Ни у него, ни у жены нет ни обиды, ни злости по отношению к кому-то или чему-то на родине. В силу обстоятельств они делают сегодня свой выбор.

Нынешнюю эмиграцию иногда называют экономической. Думаю, это не совсем точно. Во всяком случае, Алексея с Ириной я бы к этой категории не отнес. Не хочу сгущать краски, но из нашей долгой беседы я все-таки усвоил главный мотив их отъезда: непрогнозируемость будущего у себя дома, боязнь нестабильности в стране и новых потрясений.

Среди стремящихся нынче поменять «страну березового ситца» на страну «кленового листа» встречаются не только представители профессий умственного труда. Я знаю, что среди завершающих сегодня свое оформление есть и сварщик, и парикмахер, и телефонист, и кондитер. Быть может, эти люди говорят о своих мотивах отъезда на чужбину более приземленно: хочется получше пожить, рассчитывая при этом только на свой труд. Есть, однако, и такое, что сближает их с Алексеем и Ириной, — они тоже беспокоятся за свои семьи и за детей.

Наконец, практически всех отъезжающих объединяет одно общее качество: они отнюдь не бездельники и не искатели легкой жизни, одно из доказательств тому — успешное прохождение через конкурсный отбор. И поэтому у них есть шансы в новой жизни.

Грязь

Смерть — это лакмусовая бумажка...

Светлана СТОРОЖЕНКО

Человека, ставшего невольным виновником событий, о которых речь пойдет ниже, я видела всего однажды, но мне этого хватило, чтобы составить свое впечатление о нем. Мягкий, тонкий, очень остроумный и интеллигентный. Вся атмосфера вокруг него просто пронизана обаянием. У таких людей всегда много друзей, и тех, кто хотел бы стать их друзьями, и тех, кто выдает себя за друзей...

Сергей (имена участников этой истории изменены. — С.С.), судя по визитной карточке, был директором совместного предприятия. Чем он занимался — меня не интересует, да это и неважно, потому что речь пойдет не о нем, а о тех, кто окружал его.

Он снимал в Москве двухкомнатную квартиру, где жил довольно долго вместе со своей девушкой (назовем ее Катей). Катя была студенткой, и, когда Сергей решил с ней расстаться, он, как порядочный человек, обеспечил ее будущее — отправил учиться в Париж.

А потом Сергея убили, прямо у дверей собственной квартиры. Вернее — квартиры, которую он снимал. Убийца, как и положено в таких случаях, не взял ничего, не зашел в квартиру, хотя ключи лежали тут же. Он сделал свою работу и исчез.

И здесь в дело вступили правоохранительные органы.

В интересах следствия

Приехав по вызову соседей в 9 часов вечера, милиция вынула ключи из рук убитого и вошла в квартиру. Что она там делала с 9 вечера до 4 утра — известно только ей да Господу Богу, потому что в понятия никого из соседей не пригласили, а хозяйку квартиры известили о случившемся только утром. Сергей же все это время лежал на лестнице, сначала — в ожидании «скорой», потом — «труповозки». Продукты, которые он нес домой, были съедены в эту же ночь. Видимо, за упокой души.

С этого момента почти на каждом шагу милиция начала нарушать закон. (Я написала эту строчку и вспомнила, как сказал старший оперуполномоченный 114-го отделения милиции хозяйке квартиры: «То, что говорит вам юрист, нас не касается,

это ваше личное с юристом дело. А мы будем поступать так, как считаем нужным».) Милиция опечатала чужую квартиру и забрала ключи. Ее не смутило то обстоятельство, что не была составлена опись вещей, находившихся там, — по крайней мере ни родственникам убитого, ни хозяйке такой документ не известен. Надо полагать, ее не волновало, что в квартире были и вещи хозяйки и, согласно закону, она не только имела полное право, но и была обязана находиться при составлении подобного документа. Даже при беглом и весьма поверхностном анализе этих обстоятельств становятся очевидными грубые нарушения Уголовно-процессуального кодекса и той самой демократической Конституции, за которую мы с вами давеча голосовали. Хотя я вполне допускаю, что в атмосфере полного уголовного беспредела наши стражи правопорядка могли просто запечатать, что Конституция гарантирует неприкосновенность жилища даже в таких экстраординарных случаях.

Сколько раз после этого милиция была в квартире, что она там делала, кого и для чего туда приводила, какие изымала вещи — возможно, все это есть в следственных документах, но хозяйку даже не ставили в известность о таких визитах, хотя по закону они должны были происходить только с ее разрешения и в ее присутствии. Все то время, пока квартира стояла опечатанной, на кухне было открыто окно, и если бы рабочие, которые как раз красили фасад дома, захотели войти, попить чаю и послушать музыку, то чайник, а также музыкальный центр убитого, ценю в сотню тысяч долларов (профессиональный музыкальный центр ручной сборки, каких в стране считанные единицы), были в их полном распоряжении.

Вы скажете, что это частности, детали, ерунда. В интересах следствия было удобнее, чтобы ключи находились под рукой у милиции (а потом, ведь туда и убийца мог прийти, как сказала следователь межрайонной Гагаринской прокуратуры). Пусть так. Но никакие, даже самые чрезвычайные обстоятельства не дают права официальным властям унижать человека. А именно в такой ситуации оказались все участники этой

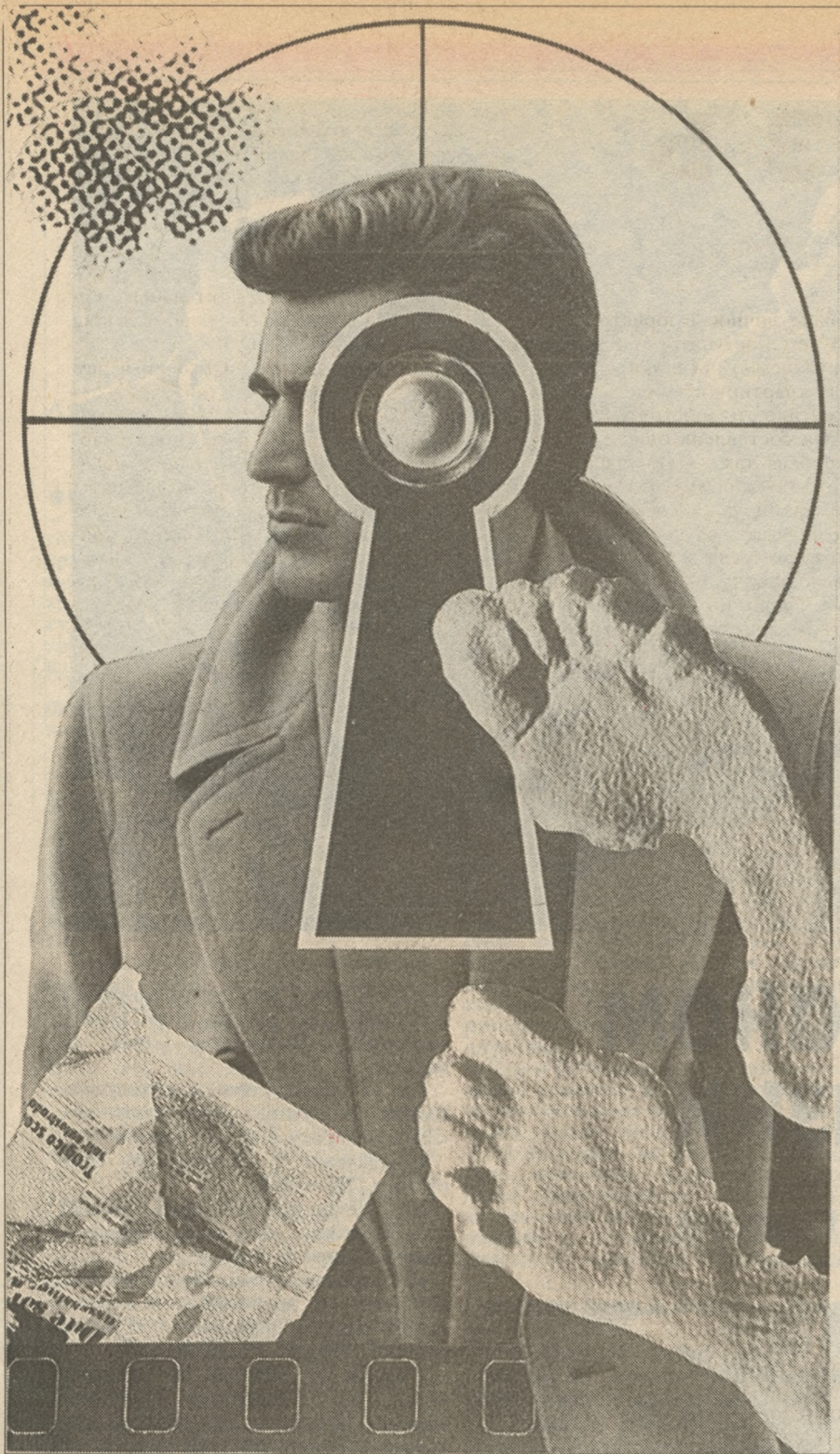
истории: родственники, оправдывающиеся и умоляющие дать им разрешение на захоронение, хозяйка, вымалывающая как милостыню ключи от собственной квартиры, — униженные и растоптанные, они вынесли из всего этого один урок — не дай Бог еще когда-нибудь попасть в поле зрения правоохранительных органов даже в качестве свидетеля или потерпевшего.

Я не имею права никого ни в чем обвинять, у меня нет для этого необходимых оснований, могу только сказать, что за то время, пока квартира была опечатана, а ключи находились в милиции, пропали две пары золотых часов «Картъе», очень дорогой фотоаппарат «Минольта», профессиональная видеокамера «Панасоник», диктофон, золотая зажигалка и всякие мелкие пустяки, которые легко умещаются в карман. Достаточно много мелких пустяков, которые стоят достаточно больших денег. Упаси меня Бог предьявлять какие-то претензии милиции, у нее и так было слишком много работы, чтобы еще следить и за этой ерундой. Так много людей побывало в квартире, что уличная грязь пластиками лежит на полу и уже влору задавать вопрос: а были ли вещи?

Одно только меня удивило. В карманах убитого, который при жизни даже за хлебом не выходил, не имея в портмоне хотя бы двухсот долларов, не нашли ни копейки. Не было и самого портмоне, и кредитной карточки. Не было денег и в квартире. А когда сын Сергея спросил у вышеупомянутого оперуполномоченного, где часы, которые были у отца на руке в день смерти, тот ответил: «Были на нем какие-то часы. Когда он упал, часы с руки свалились, в их надел обратно на руку. А ведь после нас и «скорая» приехала, и «труповозка». Оказывается, остались еще честные люди, которые надевают часы ценою в несколько тысяч долларов на руку трупа, отправляемого в морг. (Чтобы упредить закономерный вопрос, откуда я все это знаю, сообщу, что, будучи натурой крайне любопытной и предвидя интересное развитие сюжета при встрече всех участников событий с милицией, я заблаговременно включила диктофон. И, как видите, не пожалела об этом.)

Я была бы очень рада, если бы кому-нибудь из «правоохранительных» участников этой истории пришла в голову идея подать на меня в суд, скажем, за клевету. С любым начинающим юристом, и даже без него, мне бы удалось выиграть этот процесс. Но, к сожалению, мне не грозит создать такой прецедент,

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

потому что у милиции есть всего лишь один аргумент в этом споре — «в интересах следствия», а он, мягко говоря, не слишком убедителен. А может, даже не грозит — к счастью, потому что самое страшное для тех, кто хочет забыть, — заново заварить эту кашу.

Люби меня, как я тебя

Катя вернулась из Парижа через несколько дней после смерти Сергея.

Милая, симпатичная девушка, которая, видимо, очаровала милицию. А может быть, просто старший оперуполномоченный хотел насолить вредной и настырной хозяйке квартиры, когда на ее вопрос, кто теперь будет оплачивать телефонные счета (в том числе и за переговоры с Францией), ответил: «Вы будете оплачивать. Он, между прочим, каждый день с Парижем говорил, вот придет вам счет на миллион — и будете оп-

лачивать. А Катя — бедная студентка, у нее денег нет». А рядом на столе у следователя лежала расписка бедной студентки в том, что она, «вернувшись из Парижа в чужих обносках», забирает из квартиры свои личные носильные вещи, в том числе и шубу из чернобурки.

Милая, симпатичная девочка. Она была такой до того момента, пока милиция не открыла квартиру и не разрешила забрать вещи.

С этой минуты девочку как будто переключили на иной режим работы. Куда делись милая улыбка и обходительность? Катя, в отсутствие родственников Сергея, вывезла из квартиры все, что только могла вывезти, даже телефакс, который ей совершенно не нужен, даже продукты из холодильника, даже начатый рулон туалетной бумаги. Лишь в углу остались два мешка с мусором да старая обувь Сергея...

Наверное, Катя имела какое-то моральное право на определенную долю имущества, но все ее поведение говорило только о желании хапнуть кусок пожирнее, пока не вступили в свои права наследники.

Грязь! — скажете вы. Грязь! — отвечу я. Противно и гадко об этом писать. Так почему же я пишу и связываю воедино вещи, казалось бы, совершенно не связанные между собой, — поведение милиции и поведение бывшей любовницы, у которой, по ее словам, «произошло такое несчастье»? Да потому, что это дела одного корня, две стороны одной медали — беззаконие юридическое и беззаконие человеческое. Они взаимопроникающи. Нет, я не хочу сказать, что подлость и предательство существуют только там, где нет Закона. Просто там они как нельзя лучше оправдывают свое существование. Смерть — это лакмусовая бумажка, на которой проявляется духовное состояние общества. И хотя глупо требовать от милиции слез при виде покойника, а от любимой женщины — вечной верности могильному камню, но сострадание, боль от чужого горя были даны человеку от века именно потому, что он — человек.

Когда хозяйка квартиры спросила у следователя, похоронили ли Сергея, та ответила: «Это не в нашей компетенции». Сергея похоронили. На девятый день. Какое счастье, что он всего этого не видел.

P.S. Компьютер Сергея до сих пор стоит в милиции. Проникнуть в память им так и не удалось, зато на нем очень удобно играть в компьютерные игры.

ФАРИД ГУБАЕВ

Со стаканом по жизни

Памяти Венички Ерофеева

Поймал старик золотую рыбку. «Чего тебе надобно, старче? Выполни три твоих желания».

— Хочу, чтоб водка дома из крана текла.

Сделано. Подумал старик над вторым желанием.

— Хочу, чтобы моря и океаны были из водки.

Попробовал тут же, на берегу. Она самая. Спрашивает рыбка: «Какое третье желание?» Почесал старик в затылке.

— Ладно, давай еще пол-литра, и мы в расчете!

Я пью мало. Мне ста грамм вполне хватает, но как выпью их — становлюсь другим человеком. А вот этот

«другой» — просто пьяница ненасытный.

«О, фотка, фотка! Вкусный русский еда!» Так говорил, причмокивая, один знакомый иностранец. Что ж, начнем с «Русской». С необъятных, так сказать, просторов, шири и удали. Хлоп!.. Сузимся теперь до пределов «Золотого кольца». Хорошо!.. Еще конкретнее — столица. Всемирно известная «Столичная»...

— Какой город, товарищ?.. Сударь?.. Ах, Москва?..

Давай «Московскую!» Буль!..

М-да, не зря утверждала про водку мудрая деревенская старушка: «Нет еще человека, который бы ее победил».

...Перейдем от географии к исто-

рии. Это что у нас тут не по-русски написано? Так, «Ро-ма-но-в». Немец, наверное? Попробуем, что за шнапс!..

Где «Романов», там и «Распутин». Выпил. Распутина сразу стало два: «Один наверх, а другой вниз».

«Горбачева» с «Ельциным» пропускаю... По одной.

Нет, лучше простые люди. Иванова не обнаружил, зато есть «Петров»... Затем «Смирно!.. Ф-ф!..».

«Выборова». Т-с-с!.. Это политика. Ни слова — о, друг мой! — ни вздоха... А вот опять о выборах — «Русская рулетка». Фирма «Реал». Реально.

...Чтобы от «Зверя» не озвереть, запил ее «Приветом». Большой привет!.. Чувствую, как пояснял знакомый собутыльник: «Из всех видов мозгов остался только костный, который требует все новых порций алкоголя».

Хватанул напоследок «Абсолют». Уй, ля!.. Что? Где? Кто?.. Больше ничего не помню. Абсолют.

**В.Г.,
яросный
борец с алкоголем путем его
нещадного истребления**

Черно-белые «мультики»

Заметки из городской клинической больницы

Алексей БЕЛЯКОВ

Главврач оказался высоким мужчиной артистической внешности (типаж — бывший гангстер, занявшийся благотворительностью). Вид его дорогого яркого пиджака почему-то поселил во мне надежду на терапевтические успехи. Когда же мой взгляд упал на японскую видеоаппаратуру в дальнем углу кабинета, я понял, что с больницей нам действительно повезло.

Нам — это маме и мне. Маму нужно было срочно класть на обследование, и я впервые в жизни осмелился пойти по «блатному» пути. Собственно, вся степень «блатноты» в нашем случае описывается с помощью нагнетания родительского падежа (знакомый друзей знакомых приятелей сослуживца), но все же не так называемый самотек, как квалифицируют в городских больницах всех, доставленных «скорой» по вызову.

Поиграв кнопками на селекторе, главврач отдал краткие распоряжения, после чего сообщил мне: «Все. Вас ждут в приемном отделении». Я еще не знал в тот момент, что на этом весь мой хваленый вымученный «блат» закончился.

Намеренно не указываю номера больницы. Во-первых, потому, что теперь уже хорошо знаю: заведения этого типа различаются разве лишь количеством корпусов, этажей и кошек во дворах. Тараканы, тумбочки, запах табачного дыма из сестринской, суетливые и бестолковые диалоги с лечащими врачами в коридоре — везде одни и те же. Во-вторых, никак не могу быть уверенным, что какая-нибудь ироничная парка не сплетет для меня на небесах прихотливую фатальную петлю и я не окажусь — упаси Бог! — в том же отделении общей терапии той же больницы, о которой пишу. Тогда у меня, «неблагодарного», совсем не останется шансов уповать хотя бы на крохи гипократовского усердия докторов и сестер.

Первые дни маминного больничного существования протекали вполне обыденно. Шестиместная палата без холодильника, рассказы вновь прибывших бабулек о последних интригах в латиноамериканском сериале, ленивые пререкания с сестрой-хозяйкой, ужин в половине шестого.

Правда, как-то ночью обстановку сильно оживило появление в темной

палате неизвестного мужчины. На вопрос всполошившихся пациенток, чего, дескать, ищите, гость ответил, что ночлега. «Но это женская палата!» — «Да ничего. Вон у вас кровать пустая — я там просто посплю». Усталого путника все-таки прогнали. Быть может, он нашел приют в мужской палате, однако тогда мне было интересно, как пилигрим проник аж на шестой этаж закрытой на ночь больницы, в которой работают только служебные лифты и дежурят сестры.

Через несколько дней о таких пустяках я уже просто не задумывался. Маме внезапно стало очень плохо. Два веселых санитаря перевалили ее на каталку и отвезли в палату для «тяжелых».

Я практически перестал ходить на работу. Месяц провел в больнице.

Палата для тяжелобольных на медицинском сленге называется «мультики». Как ни пытался автор, он не смог выяснить этимологию этого «термина». Помимо мамы в «мультиках» лежала полупарализованная старушка Дарья Петровна, а также стояли четыре сломанных холодильника.

Дарья Петровна быстро привыкла к моему соседству и в конце концов даже не стеснялась садиться при мне на судно. Более того, я помогал ей в этом нехитром, но жизненно важном деле, неизменно выслушивая такие слова благодарности, которые казались никак не соизмеримыми с порядным — по меркам здорового человека — событием. Иногда Дарья

Петровна, устраиваясь ко сну, обращалась ко мне слабым голосом: «Леша... Ты сейчас не очень занят?» — «Да нет». — «Сделай милость, окажи услугу...» — «Какую?» — «Если не трудно — поправь мне одеяло в ногах».

Однажды она вдруг спросила, не узнавал ли я насчет дома инвалидов. «Да нет, — говорю. — А зачем?» — «Ну я вот думаю, как мне туда устроиться». — «Зачем же вам туда устраиваться — у вас трое детей и внуки взрослые...» — «Ой, Леш, да никому мы не нужны».

Вот это самое «не нужны» я слышал в больнице от разных бабулек слишком часто. Бабульки произносили эти слова с удивительным спокойствием, без слез, без вздохов — просто констатировали.

Одна из них время от времени, извиняясь и кашляя, выпрашивала у меня сигаретку. «Может, не стоит вам курить все-таки?» — тянул я. «Да бросьте вы. Я сама врач. Пора уже туда отправляться», — закатывала глаза.

Вскоре в «мультики» положили Александру Ивановну. Она была совершенно бледная, лежала почти всегда с закрытыми глазами и только изредка просила пить. Я подносил к ее рту кружку с соком, и та пила, выпятив нижнюю губу, но струйка сока все равно текла по щеке на подушку.

Как оказалась в больнице Александры Ивановны, я не смог выяснить. Она жила одна. У нее умер сын («Он был такой же, как ты, — молодой»), потом муж. По тем загадочным телефонам, что были записаны в медицинской карте, никто не отвечал. К Александре Ивановне, как легко догадаться, никто не приходил. Вернее, один раз, когда, как назло, не было меня, появилась женщина — вроде бы соседка, — оставила пару йогуртов и исчезла безвозвратно. Йогурты потом пришлось выбросить.

Врачи не знали, что делать с этой обессилевшей «бабкой». Как-то я услышал раздосадованный голос заведующей отделения: «Надо куда-то ее девать — не может же она все время у нас лежать».

Так что у меня теперь было трое подопечных. Первая половина дня протекала еще более-менее спокойно: приходила пожилая санитарка. После пяти «мультики» оставались почти полностью на мне. В течение месяца я начисто утратил свою природную брезгливость.

В конце концов персонал отделения начал воспринимать меня в качестве внештатного санитаря. Поэтому, куда я находился в «мультиках», сестры сюда даже не заглядывали, хотя все больные значились «под наблюдением».

Впрочем, сестры и так редко доходили до этой палаты в самом конце коридора. Пару раз случалось, что в мое отсутствие полупарализованная Дарья Петровна добиралась до кровати Александры Ивановны, что-

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

бы хоть как-то покормить ту больничной кашей.

Медицинские сестры почему-то были сплошь крашенные блондинки. Все знакомые наперебой советовали совать им деньги — и тогда, мол, действительно будет должный уход. Да не будет, компетентно заверяю вас. Я, правда, давал деньги — той самой пожилой санитарке, потому что знал наверняка, что она, в случае моего отсутствия, и покормит маму, и сменит постельное белье.

Конечно, если медсестра получает каких-нибудь шестьдесят тысяч, то, казалось бы, чего с нее особо спрашивать? Но чем тогда прельстила ее больница? Есть широкий ассортимент коммерческих палаток, где никакой особой суеты, никаких «мультиков», уколов, запаха мочи.

Однажды процедурная сестра, поставив маме капельницу, спросила улыбаясь: «Ну ты сам разберешься здесь? А я пойду домой». Я хмыкнул этой шутке. Когда пришло время извлекаться от капельницы, я заглянул в процедурную — никого нет. Сестра в самом деле ушла домой. Неумелыми руками я вытаскивал из вены иглу, в результате чего вокруг образовался здоровый синяк, а я в испуге стал названивать из автомата знакомому доктору, чтобы узнать, сколь опасно такое явление.

Судна обычно выносила санитарка, но в выходные дни ее, естественно, не бывало. Как-то я ждал полдня, пока кто-нибудь распорядится судом Дарьи Петровны. Потом нашел медсестру, предложил совершить этот акт гуманизма. «А мы не должны этого делать!» — «Но я же не могу идти в женский туалет» (мужской находился в другом конце длиннейшего коридора). Уж не помню с кем, но проблему решили.

Справедливости ради хочу упомянуть сестричку Лену. Собственно, она была всего лишь практикантка и за свою деятельность не получала даже пресловутых скромных тысяч. Лена, если дежурила в нашем отделении, кормила Александру Ивановну, выносила судна Дарьи Петровны, присматривала за мамой во время моих отлучек. Когда я вдруг протянул ей деньги — обиделась, глаза покраснели. Но Бог знает, сколь дол-

го еще Лена будет считать своей обязанностью кормить старушек.

Лена, между прочим, рассказывала мне, с каким глубоким удовлетворением врачи отделения встретили смерть одного тяжелого больного. «Просто радовались, что наконец-то избавились от него».

Я вовсе не расщипываю на то, что этими заметками ужасну читателя или раскрою глаза на нашу «чернушную» медицину. Все мы более или менее регулярно безо всякого удовольствия вступаем с ней в соприкосновение, и шутки типа «вскрытие показало, что больной умер от вскрытия» веселят разве что студентов-медиков. Тогда зачем об этом пишу? Ничего не могу сказать в свое оправдание. А, нет, сообразил. Умоляю: берегите свое здоровье.

Однажды вечером потребовалось срочно измерить маме давление. Я попросил об этом дежурную сестру, на что та с недоумением отвечала: «А у нас нет тонометра. Это надо вызывать дежурного врача». Дежурный врач, заметим, один обслуживает три отделения, три этажа. Вызвать его — задача нетривиального характера. Тут-то мне и припомнилась японская видеотехника в кабинете главврача. А медсестры порекомендовали принести свой тонометр.

Лекарства тоже желательно на всякий случай иметь свои: необходимых может просто не оказаться в больнице. Когда я раздобыл дорогой импортный препарат, врачи посоветовали мне каждый день привозить с собой по ампуле, чтобы давать сестре непосредственно перед уколом: так надежнее.

Кстати, с этим зарубежным лекарством связан еще один забавный сюжет, если, конечно, слово «забавный» в данном случае уместно. По своему действию препарат во многом аналогичен церебролизину, который маме уже кололи, только первый эффективнее и разноплановей, с позволения сказать. Поэтому, когда начали курс нового лекарства, я, извинившись, поинтересовался у лечащего врача, не имеет ли смысл теперь отменить церебролизин? «А, ну да, — согласилась та. — Разумеется, отменю». А если бы в мою некомпетентную голову не пришла эта идея?

Довелось мне столкнуться с другим случаем. Одна интеллигентная старушка продемонстрировала как-то свою распухшую руку и с тихим недоумением рассказала, как ей делали инъекции, которые совершенно противопоказаны при ее диабете. «Я же не знала что они мне колют, вы понимаете? А про диабет никто даже не спросил».

Самыми страшными днями для меня оказывались выходные. В отделении — никого из медиков, не считая неведомого и труднодоступного дежурного врача. Нет сестры-хозяйки, чтобы взять смену постельного белья, — я приносил из дома. Нет санитарок, чтобы вымыть пол, — я разыскал тряпку и мыл сам.

Как назло, получилось так, что стремительное ухудшение маминого состояния совпало с четырьмя выходными (майские праздники). Три дня она лежала без сознания и я не имел никакой возможности влить в нее хотя бы ложку сока. Дежурный врач пожимал плечами: «Не пьет, да? А что говорит лечащий?» Я в конце концов не выдержал: «Не знаю, что там у себя дома говорит лечащий, но сейчас вы должны что-то делать! Кладите в реанимацию, вливайте эту... глюкозу или что там?!»

Пришла флегматичная матрона из реанимационного отделения: «А чего класть в реанимацию — она же не в коме». — «То есть вы предлагаете дожидаться коматозного состояния?»

Капельницу с глюкозой все-таки поставили.

Тут у многих работников здравоохранения может, в конце концов, прорваться возмущение: «Ну если столько претензий к нашей бесплатной медицине, то и пользовался бы услугами платных клиник!»

Их сейчас действительно достаточно. Самая дешевая из мне известных (а я таки наводил справки) берет за лечение и уход пятьдесят тысяч рублей в день.

Если кто-то из посетителей приезжал в больницу на своей машине, он не мог запросто припарковаться у входа: ворота всегда закрывались. Однако автор неоднократно наблюдал такую картину: автомобиль подъезжает к воротам, водитель выходит и заглядывает в будочку к перманентно нетрезвому «привратнику», после чего последний делает «милости просим». Может, какие пропуска показывают, размышляя я. И из чисто профессионального интереса улучил момент для изучения положения дел.

Вот машина подъехала, вот посетитель вышел, вот достает из кармана... что это там? А-а, тысячная купюра.

В иной хороший день у «привратника» тысяч пятьдесят набегает, полагаю. Имеет счастливую возможность поставить в свою будку видео-двойку «Sony».

Автор этой публикации известен много лет как один из наших самых компетентных джазовых критиков. Известно также, что Алексей Баташев — кандидат технических наук, специалист по теории измерения. Сейчас он собирает материал и пишет книгу об истории своего рода. Эту историю ему удалось проследить за... пять с половиной тысяч лет!

Предлагаем вашему вниманию журнальный вариант первой главы его книги «Баташевы. Опыт художественно-исторического исследования рода за пятьдесят пять веков».

Мы не вчера родились

Опыт генеалогического исследования

Алексей БАТАШЕВ

У нас в семье долго жило наивное предание, что фамилия наша происходит от хана Батыя. Будто бы злобный внук Чингисхана, завоевывая Кавказ, оставил там свои форпосты, отчего людей, их населявших — помесь пришлых татаро-монголов и местных народов, — стали звать Баташами. Чуть собачья, конечно, но что-то в этом было.

Все-таки, наверное, какая-то связь с Батыем существует. Татаро-монгольские корни нет-нет да и проявятся в каком-нибудь представителе Баташевых: то выступающими скулами, то узковатым разрезом глаз, то смуглостью кожи... У меня, например, все это присутствует. Плюс еще скверный характер — это уж наверняка от хана Батыя.

Как-то раз меня поразила удивительно простая мысль. У каждого мальчика обязательно есть или был отец. У этого отца тоже обязательно был отец, а также дед и прадед... Эта цепочка от сыновей к отцам и от отцов к дедам уходит в бесконечное прошлое, нигде и никогда не прерываясь. Точно так же, как и линия от дочери к матери и от нее к бабушке, прабабушке, прапрабабушке и так дальше, дальше — до Евы и Адама...

Первый вывод из этого несколько сентиментален: похоже, что все мы — родственники, а если даже и не все, то родственников у каждого из нас

значительно больше, чем мы думаем. Зато другой вывод довольно горделив: каждый человек — представитель очень древнего рода.

Если провести генеалогическую линию в глубь веков от любого современника, то она пройдет из одной эпохи в другую, начертит причудливую траекторию на поверхности Земли, возможно, будет пересекать границы государств и племен, переходить из одной языковой среды в другую, от воина к ремесленнику, от торговца к землепашцу, от таланта к человеку скромных способностей, может быть, и от гения к бестолочи, от богатого к бедному, от мерзавца к святому... Или, наоборот, эта линия будет подниматься и опускаться по социальным ступеням, идти через сражения и тюрьмы, сквозь троны и галеры, вспышки потрясений и равнины будничной, скучной жизни, в которой — слава Тебе, Господи! — ничего не происходит...

Не совокупность ли подобных линий есть подлинная история человечества? Истинная книга судеб?.. Такой книги нет, да и может ли она когда-нибудь быть написанной? Однако я стал собирать материал для такой книги. Не для всей, нет! Только для одной миллиардной ее доли.

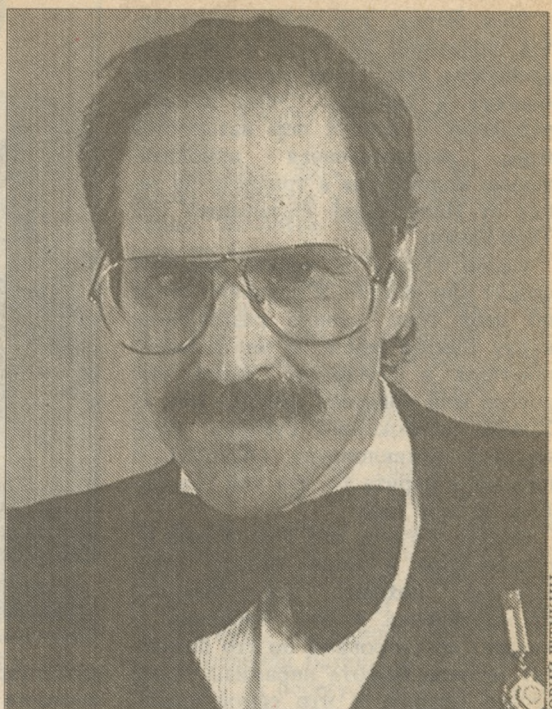
Однажды на Урале, куда я поехал, чтобы походить там по местам, где жили мой отец и дед, я встретил старую женщину. Она стала рассказывать о семье Баташевых, живших

чуть ли не столетие назад, так, как будто все это было вчера. Эта женщина, с которой мы не были знакомы еще минуту назад, оказалась свидетелем истории моего рода, то есть того, что кроме членов нашей семьи никто вроде бы не мог знать. На меня это произвело огромное впечатление, почти как доказательство объективности существования материи.

Я начал собирать сведения о моих корнях, когда подобные занятия были большой редкостью. Теперь я вижу много людей, вовлеченных в генеалогические исследования. Сотни и тысячи захотели узнать — кто они и откуда. Поэтому я надеюсь, что мой опыт и мои выводы заинтересуют многих.

* * *

...Я закрывал глаза и явственно видел туманные картины прошлого, каких-то людей. Иногда слышал голоса, но порой речь мне была не понятна, язык не знаком. Я видел, как внезапно остановился древний караван, шедший по безлюдной пустыне... Как люди хоронили своего вождя и насыпали над его гробницей колоссальную пирамиду... Я оказался зрителем каких-то переездов, каких-то свадеб и смертей, видел человека за столом, который что-то писал, но лицо его было скрыто от меня. Кое-что из увиденного мне было ясно, смысл другого я не мог разгадать...

Алексей Баташев — потомок...

ЮРИЙ ШТУКИН

Имя Баташ, как сейчас выясняется, появилось на земле в глубокой древности. Оно такое же старое, как «салям» и «шолом». Этим именем, например, с давних пор называется гора, расположенная приблизительно километрах в тридцати на запад от Иерусалима. Называется она Тель-Баташ.

Слово «Тель» на иврите означает «гора» или «холм». Я случайно узнал об этой горе, лениво разглядывая карту Святой земли на вилле моего приятеля в Голливуде. Затем уже другой мой приятель прислал мне из Хайфы ксерокопию страниц израильской энциклопедии «Ариэль» и перевел с иврита то, что там говорилось об этой горе.

Оттуда я узнал, что Тель-Баташ не совсем гора, а скорее именно холм. Притом, похоже, искусственного происхождения. В его основании — квадрат со сторонами по сто пятьдесят метров. Высота пирамиды более десяти метров. И что самое удивительное — стороны квадрата ориентированы вдоль сторон света.

Еще сто лет назад эту гору изучал в арабской Палестине французский археолог Клермон-Ганно. Он называет гору «холм Тель-эль-Баташе». И утверждает: «Хотя он расположен на некотором расстоянии от древнего Римского пути... я все же не могу отклонить мысль, что здесь мы имеем дело с остатками укреплений римского или византийского периода». Статья в энциклопедии «Ариэль» обращает внимание читателя, что на плато кургана сохранились следы былого поселения времен неолита. Очевидно, холм намного старше Рима и Византии.

Оба источника говорят еще и о руинах, расположенных в полутора километрах к югу от этого кургана. Клермон-Ганно называет их «Хурбе-эль-Баташе», энциклопедия — просто «Баташ». Руины разбросаны по небольшим холмам и похожи на развалины древних жилищ и загорождений. Считается, что это городище, как и холм, относится к среднему или позднему неолиту, самое крайнее — к началу бронзового века.

Надо сказать, что в центральной части современного Израиля много географических названий, начинающихся приставкой «Тель», то есть «холм», «гора», «курган». Долина курганов?.. Может быть, это какая-то древняя долина мертвых?..

Но вот, вгрызаясь в текст книги

... и предки Баташева: шумерский вельможа, XXXV век до н.э., Британский музей

французского археолога, я со смесью восторга и ужаса обнаружил, что существуют сведения и о другой Баташ-горе, причем еще более знаменитой! Известно, что еще в I веке нашей эры римские войска, осадив Иерусалим, поставили свой лагерь на некоей горе Скопос. Поисками этой горы и занялся Клермон-Ганно. Он пошел по древней римской дороге, ведущей из Иерусалима на север, и между реками Яуз и Шлейм увидел гору, которую тогда называли Эль Мешарэф, что означает: «место, с которого можно наблюдать». По смыслу это совпадало с именем Скопос. Ученый предположил, что словом «Скопос» могли назвать цепь возвышенностей, окружающих Иерусалим с севера и востока. И вот, если пойти вдоль гребня, то на пути окажется высокая гора, которая носит имя Батн Эль Батташ, то есть «пузо» или «бровь» Эль Батташ.

Дотошный Клермон-Ганно сделал замеры: оказалось, что Батн Эль Батташ достигает высоты 830 метров и главенствует над местностью. Французский археолог вспоминал, что какую-то часть этой горы местные феллахи называли «Шерефе», что аналогично «Мешарэф» и «Скопос». Эта вторая Баташ-гора — действительно гора. Именно на ней стояли римские легионы, осадившие Иерусалим. Здесь всюду полно глиняных цистерн, употреблявшихся в качестве резервуаров питьевой воды на военных стоянках. Как мы знаем, та война привела к печально известному, предсказанному Иисусом Христом,

разрушению города.

Гора Скопос была переименована в гору Баташ между первым и девятнадцатым веком нашей эры. Но при каких обстоятельствах? И в честь чего? Или кого?.. А может быть, само имя Баташ занесено в Палестину из каких-то дальних мест?..

* * *

Баташ, а точнее — Боташ, древнее имя и на Северном Кавказе. Так звали, согласно многочисленным легендам, историческую личность — одного из родоначальников карачаевского племени. Хотя Баташевы есть и среди ингушей, и среди чеченцев, кабардинцев, балкарцев, других кавказских племен. Да и среди русских Баташевых и Боташевых немало, причем от западных рубежей до восточных.

На Северном Кавказе еще сильны традиции родового строя. Раз в году каждый род собирается, как правило, на своей малой исторической родине. Боташевы — а в Карачае их называют Хан-Боташлары (Цари-Боташа) — собираются в небольшом ауле Карт-Джурте, в горных верховьях Кубани. Когда три года назад я побывал там на очередном собрании рода, то увидел потомков общих со мною пращуров — около тысячи своих однофамильцев, творивших мусульманские молитвы на могилах предков, слушавших ученые доклады о них, певших, плясавших, выпивавших и закусывавших. И при этом светившихся природной цельностью и чистотой. Каждый член рода считался сыном хана Боташа (Хан-Боташ-улу), и это создавало удивительное ощущение кровной общности, существующей отдельно от тебя, даже помимо твоей воли.

Есть немало доказательств родства тюркских народов с шумерами — представителями самой древней цивилизации, пришедшими в Двуречье, по-видимому, из Азии. Поразительно схожи шумерские и древнетюркские слова: «Шумер» значило первоначально, например, то же, что и «Сибирь». Корень «шум», «суб», «сув» означает «вода», а «ир», «эр», «ар» — «земля». Иными словами, «Шумер», как и «Сибирь» (замечу, как и прабулгарское северокавказское племя «сувар»), переводится: «Вода-Земля».

Вот что любопытно: какие бы книги по истории я ни читал — советские, дореволюционные, европейские, американские, — при всем различии содержания и оценок это

были изложения событий с точки зрения больших, но, в общем-то, довольно молодых наций. В Карачае же я увидел мировую историю глазами крохотного, но древнего народа, сжавшегося ныне до размеров одного ущелья, трех аулов, но память которого уходит в Великое Прошлое.

В Карачае многие убеждены, что происходят от аланов, сарматов, скифов, а изначально — от шумеров. «Да, скифы мы, да, азиаты мы!» — эти слова Блока скорее о карачаевцах, чем о русских. «Алан!» — так испокон веков карачаевцы обращаются друг к другу.

Переселение шумеров откуда-то с севера, с Кавказа или из Азии считается доказанным фактом и датируется приблизительно тридцатью пятью веком до нашей эры. Исследования археологов подтверждают, что на заре бронзового века, то есть примерно в ту же эпоху, Кавказ опустошили какие-то прошедшие через него племена.

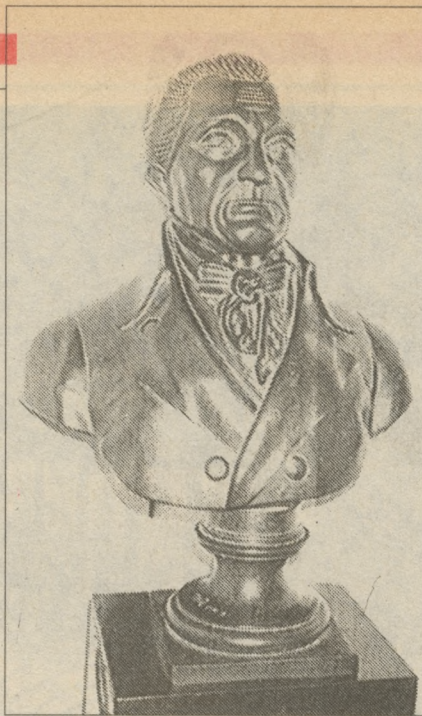
Что ж, пора подвести итог.

* * *

Тель-Баташ — гигантский холм в виде строго ориентированного по сторонам света ровного квадрата. Творение природы? Маловероятно. Нет геологических причин естественного возникновения на ровном месте квадрата со сторонами по полтора метра. Поэтому первый вывод — гору Тель-Баташ построили люди. Время постройки, судя по материальным остаткам, неолит или поздний неолит, то есть третье—пятое тысячелетие до новой эры.

Сразу вопрос — кем и с какой целью этот холм построен? Если бы это была чья-то столица, то место выбрано крайне неудачно. Кому могло прийти в голову задержаться в пустыне, чтобы насыпать громадных размеров холм — символ силы и власти, а самим поселиться в полутора километрах от крепостных стен?... Да и кому угрожать в голой пустыне? И от кого быть таким сверхнеприступным? Никто в ту пору и в тех местах строительством неприступных крепостей себя не обременял.

Итак, для земных нужд того времени холм велик. Зато с неба — с высоты — ровный квадрат должен сразу обратить на себя Всевышнее внимание. Такой формой в древности обладали святые места захоронения царей. Тель-Баташ значительно превосходит по параметрам многие древнейшие могильники Старого и

Иван Баташев - чугунный магнат России, XVIII век, Нижегородский музей
Алексей Баташев

Нового Света. Да и самая большая египетская пирамида, поставленная для фараона Хеопса в начале второго тысячелетия до новой эры, то есть пару тысяч лет спустя, имела в основании квадрат со сторонами лишь в полтора раза большими, чем у Тель-Баташа.

Кто же там похоронен? Несомненно, тот, кто царствовал над большим народом, сумевшим построить одно из самых крупных сооружений за всю древнюю историю. Такой надгробный курган мог создать лишь народ, уже обладающий прочной культурой, сильной традицией и верой. И такой трудовой подвиг народ мог совершить только во имя действительно великого человека — человека, которому приписывалась, возможно, божественная, сверхъестественная сила и власть.

Что же это был за народ? В начале четвертого тысячелетия по Ближнему Востоку бродили лишь разрозненные семитские кочевые племена, не оставившие больших следов материальной культуры. В ту эпоху мощным народом могли быть только шумеры, создатели и носители самой древней цивилизации. Они прошли здесь 55 веков назад. Шли они откуда-то из Азии, пришли, в конце концов, в Двуречье. Они шли не останавливаясь. Место остановки выбрал случай. Смерть. Смерть царя. Смерть царя, которая произошла в пути.

Вблизи не было никаких столиц,

еще не было Иерусалима. Шумеры остаются единственным народом, который мог сотворить этот холм. И однажды я вдруг ясно понял, как было дело.

...Тридцать пять веков до Рождества Христова в горах Кавказских около Эльбруса правил шумерами царь по имени Баташ, которому приписывалась божественная, сверхъестественная сила и власть. Он был стар и один из всех мог говорить с Богами на небе. И вот однажды Бог сказал ему, что нужно уходить из этих мест, ибо все будет залито водой.

И сказал Баташ своему народу, что нужно идти через горы и пустыни на юг, где ждет райская жизнь и благоденствие. И поверил народ Баташу, ибо он был мудр, а вера в него была безгранична. И отправились люди в путь... Уже много прошли они, силы оставили Баташа, и он окончил свои дни на берегу чужой реки, возле первобытного городища. Соплеменники соорудили царю неподалеку огромный усыпальный курган и назвали этот курган его именем.

Люди из рода Баташа решили не покидать вождя, заняли городище, дали ему новую жизнь и новое имя — Баташ. По долине прокатывались волны завоеваний, другие народы устраивали здесь и погребения, и фортификации, сохраняя, теряя и вновь обретая через века истории только имя древнего владыки, ставшее у наследовавших эти места арабов и евреев нарицательным синонимом верховной силы и власти. А в своем народе на Кавказе, ставшем потомком шумеров, еще не раз метившее великих сынов...

Тридцать пятый век! Если воспользоваться иудейским летосчислением, то всего каких-то двести—триста лет после сотворения мира! Мой предок — шумерский царь Баташ — был почти современником Адама и Евы, Каина и Авеля?..

Впрочем, почему только мой? Ваш предок тоже.

* * *

По мнению исследователей, имя Батыя (Бату-хан) происходит от бурят-монгольского слова «бата», практически означавшего то же, что и «баташ» у арабов и евреев: «крепкий», «прочный», «твердый». Мне это особенно приятно: не Баташевы в память о Батые, а Батый в честь Баташа.

ЛЕВ ЧЕРНЯЕВ

Навеянное тремя станциями

Алексей МИТРОФАНОВ

Все мы — немного дети подземелья. Что я сделал раньше — сказал свое первое «мама» или же побывал в метро? Увы, затрудняюсь ответить. И нас таких — почти что вся Москва.

В центре схемы метрополитена скрещиваются три линии. Красная, зеленая и синяя. В кучку собраны три станции — «Охотный ряд» (бывш. «Проспект Маркса»), «Театральная» (бывш. «Площадь Свердлова») и «Площадь Революции» (замужем не побывавшая, постриг не принявшая, а потому оставшаяся при своем).

А на старых схемах эта кучка выносилась в «легенду» особо и величалась «Центральным пересадочным узлом».

«Центральный пересадочный» — с изынцем. Чтобы попасть с «Охотного ряда» на «Площадь Революции»,

необходимо побывать на «Театральной». Прямого перехода нет.

Конечно, при желании можно воспользоваться пересадкой с «Библиотеки имени Ленина» на «Арбатскую» — они на тех же самых ветках. Но уважающий себя москвич не станет унижаться до этого. Он не любит «черные ходы». Он оставляет их кухаркам. Он войдет в подъезд парадный. И пересядет на «Центральном пересадочном узле».

Итак, «Охотный ряд».

Станция, пожалуй, самая удобная в Москве.

Метро, на самом деле, очень неприятная затея. Здесь, например, все время душно. В любую, разумеется, погоду. Даже в дождь. И особенно — в дождь. Когда вода, послушная законам физики, нахально испаряется с плащей и зонтиков. Если же народу много, эти мокрые предметы будут

всю дорогу увлажнять тебе бока.

А народу, как известно, всегда много.

Его становится чуть меньше разве что перед закрытием. Он может и вовсе исчезнуть. Тогда покажется, что ты один в этом ужасном подземелье и никогда не выберешься из него. Ведь поезда тоже могут исчезнуть.

Но на станции «Охотный ряд» — весьма удобные колонны. Они — с вертикальными выемками. Поэтому уставший, пьяный пассажир, где-нибудь в час ночи ждущий поезда, может залезть в эту выемку, облокотиться о нее одновременно спиной, плечами и боками, зафиксировать голову — и становится уже не страшно, а уютно.

Кроме того, колонны очень широки, и между несколькими парами колонн устроены особенные закут-

ки для ожидающих. Во-первых, со скамеечками, а во-вторых, огороженные традиционными барьерами. Поэтому противные мешочники там не спуют. Правда, когда торопишься на поезд, а у тебя на пути — баррикады, хочется их опрокинуть, чтобы все перепугались, заорали, чтобы паника, чтоб засвистел подземный милиционер... Одно лишь останавливает — вдруг поезд все равно уедет раньше? Тогда придется обрасти великим множеством печальных прилагательных — задержанный, доставленный, посаженный, подстриженный...

(Правда, последнее время скамейки стоят на пути у мешочников, а за заборами спасаются большие полойные машины — и эффект уже будет не столь потрясающ.)

«Охотный ряд» был праздником Москвы. Первую линию метро вели как пресловутую колбасу, уничтожаемую едоками с двух сторон одновременно. От «Сокольников» и от «Парка культуры». В самом центре — встреча. «Сбойка». Крики «ура», рукопожатия грязных проходчиков.

«То метро, что ты готовишь, силой сталинского горя, пустит Лазарь Каганович в день седьмого ноября».

Ликовали газеты: «Станция «Охотный ряд». Серо-голубой мрамор. Алебастровые светильники, похожие на древнегреческие чаши. Они еще не просохли, и над светильниками витает пар. Похоже, будто в чашах жгут благовония, как в античном храме».

На станции открыли специальную контору, блюдущую имущество, забытое в вагонах рассеянными пассажирами.

А писатель Юрий Трифонов был очарован вестибюлем этой важной станции, «залитым рассеянным электрическим светом, от которого мраморные стены, одежда и лица людей приобретают матово-оранжевый оттенок».

Здесь даже эскалаторы особенные сделали — более нежные, что ли. С высокими поручнями, чтобы облокачиваться не одной ладонью, а всей почти рукой — от локтя. С плавными-плавными изгибами в начале и в конце пути. И с особенно ровным движением.

За нерентабельность их сразу сняли с производства.

Но пришедшему сюда лишь ради пересадки нет смысла долго рассуждать о прелестях «Охотного». Ему — по шахматному полу — и в длиннющий, уходящий вниз туннель-трубу.

Туннель — дитя войны. Он открыт в январе сорок пятого. Он освещен

потайными светильниками — желтыми и голубыми вперемешку, и от этого немножечко таинственен, хотя, пожалуй, слишком светел. Ему бы чуть побольше подземелья. Тогда б и девочка с лицом отличницы играла бы на скрипке романтичнее. И нищий сделался бы колоритным, а не мерзким. Ему бы стали больше подавать.

А так — проходят мимо девочки и мимо нищего. Задерживаются лишь у продавцов газет и книжек, безразлично покупая разную убогую литературу.

Ярким надо б сделать лишь финал туннеля — гранитный постамент с надписью «Свердлов» — в отличие от головы председателя ВЦИК ту надпись почему-то не убрали.

Туннель заканчивается рассекателем — из него нельзя попасть в так называемый «центральный зал» станции «Театральная». Только — «к поездам». А уж от них — в срединные покои, довольно странно декорированные.

Создатель станции Иван Фомин (более известный гастрономом номер сорок на Лубянке) выбрал для нее весьма претенциозное убранство. Исходя из соседства с театрами (Большим, Малым и Детским), он напичкал зал двойными бра, хрустальными светильниками в бронзовой оправе, полуколоннами дорического ордера, фарфором. И, видимо, для связи с массами на потолке возникли барельефы всяких балабачников — «танцы народов СССР».

Пол этой станции — опять же «шахматный», изготовленный из мрамора «давалу» — черного, с золотистыми жилками, всегда затоптанными и потому незаметными. По армянской легенде, злой дух Давалу сошел с неба на землю, первым делом взял тяжелый камень и убил добрую лань. Бог же шельму подметил и превратил Давалу в черный минерал, а стекающие капли крови сделались прожилками.

Полагаю, неспроста этот недобрый материал так полюбился метрополитену. Сколько раз случалось пробираясь сквозь медлительные толпы, попирая стоптанными башмаками кровь Давалу, я видел вдруг перед собой пустое место, радостно рвался туда и...

Грохот, боль в ногах, гневные крики. Оказывается, это место было пустым лишь сверху, внизу же ехала тележка на колесиках. Я выбивал ее коленками из рук какой-нибудь старухи, тележка отлетала в сторону, в кого-нибудь врезалась, гадкая старуха верещала, паниковали толпы.

С ужасом осознаю: когда-нибудь вместо тележки я прибуду чьего-нибудь несчастного ребенка.

И в этом ужасе сквозь новый рассекатель я прихожу на «Площадь Революции». На самую ужасную из всех платформ метро, отделанную тем же «давалу», с почти что сотней злых скульптур Манизера. И хотя создатель станции Алексей Душкин заказывал ваятелю всего лишь плоские рельефные пластины, Генрих Манизер расстарался — истуканов налепил. Когда же началась война, их, как особенную ценность, эвакуировали.

А подобострастные поэты воспевали их в посредственных стихах: «Круглые сияют абажуры. Бронзовые высятся фигуры. В бескозырке с Балтики братишка, С Красной Пресни токарь-ветеран, Девушка с винтовкою и книжкой, Хлебороб — сибирский партизан...» (С. Орлов.)

Или же такие строки: «На «Площади Революции» матрос с наганом всамделишным... И мальчик, наш современник, к его подойдя ногам, верит, что с ним рассказом матрос и судьбой поделится, и даст потрогать руками увесистый свой наган...» (В. Семернин.)

* * *

Но вот пересадка закончилась. Осталось сесть в вагон, где еще более тесно, более душно, чем на станции — и привычно въехать в очередную черную трубу, где что произойди — бежать-то некуда. А происходит все чаще и чаще.

Но мы — стремимся в черную трубу. Потому что метрополитен — это прогресс. Он сокращает наше время.

Время на проезд. Время на жизнь. Вместо часа здесь нужно всего лишь пятнадцать минут. А год идет за десять лет.

Иной раз встретишь своего знакомого на эскалаторе (не виделись полгода). Он едет в одну сторону, а ты — в другую. И растеряешься, он — тоже. И несколько секунд, на встречу отведенных, заполните дурацким диалогом:

— Привет!
— Привет!
— Ты куда?
— Вниз!
— А я вверх!

И расстанетесь не попрощавшись — опять же на полгода.

Что может быть глупее и печальнее?

Человек в папахе

Ужин с Махмудом Эсамбаевым

Вот уж кто действительно «живая легенда» советской эстрады. Причем именно советской, а не российской (хотя теперь принято подменять одно понятие другим, отнюдь не адекватным). Он получил звание народного артиста в восьми республиках Советского Союза. Более тридцати лет являлся депутатом Верховного Совета СССР. И в то же время был любимцем публики, кумиром, объектом восхищения людей всех возрастов и национальностей.

Представитель маленького, но грозного народа — чеченцев, он объездил весь мир, покоров его мастерством, безукоризненной точностью пластики, красотой каждого жеста.

О Махмуде Эсамбаеве написаны

сотни статей. Его имя вошло во все энциклопедии по сценическому искусству...

Решив взять у него интервью, я приготовилась к длительной «осаде»: такие «звездные» люди обычно бывают труднодоступны.

Набираю номер телефона:

— **Махмуд Алисултанович, как вы смотрите на то, чтобы дать интервью для журнала «Столица»?**

— Если бы я был знаменитым, может быть, возражал бы... Но меня никто не знает — почему я должен отказываться?

— **И когда с вами можно встретиться?**

— Да когда хотите приезжайте.

— **Даже прямо сейчас?**

— Приезжайте сейчас, пожалуйста.

Великое и простое

— *Как с вами просто, оказывается. Я не ожидала...*

— А почему должно быть сложно? Я же не великий. Вот эти, с немьгыми волосами — они великие. Поэтому с ними сложно. К ним подобрать трудно... А вот с Шалапиным, например, всегда было просто.

— **Откуда вы это знаете?**

— Изучаю тех, кто были великими. Когда я поехал в Париж первый раз (это был 56-й год), дочка Шалапина, Ирина, с которой я часто танцевал, попросила: «Махмудик, я живу в Москве, куда не выезжаю, не имею возможности ничего узнать о своем папе. Узнай в Париже, каким он был...»

И я пошел в русский ресторан «Максим». Там приняли меня черес-

чур высоко — в то время советские люди не ездили за границу, так что я для них был как манна небесная. Хозяин пришел... Здоровый, с золотой цепочкой... Вышел к почетному гостю — обычно не выходил... Говорю — хотел бы узнать о Шляпине, его дочка просила об этом. И вот что услышал.

Рассказ хозяина ресторана «Максим» о Федоре Шляпине

— Мы парижане, но живем душой своей Родины. И пока пел Феденька наш, мы жили в России... Это был русский богатырь! Человек — добрейший... Но, бывало, и сердился... Однажды принес мне два билета на свою премьеру. Давали «Фауста». Он пел Мефистофеля. Я знал, что он будет лучше всех. Но я так любил его, так волновался, что не пошел — отдал билеты достойным людям... Он перестал со мной здороваться. Проходил, кланялся кивком и не здоровался. Обиделся.

Весь Париж говорил о мощи его голоса — стены дрожат, люстры качаются, свечи гаснут! На восьмой спектакль я купил билеты, пришел, засунул в уши беруши — чтобы не оглохнуть... На сцене в кресле сидит Сатана — Феденька мой. Рот раскрывает так широко! А звука нет! Вот, думаю, сукин сын! Сижу, смотрю... Нет, это он перебарщивает — пора бы запеть... Вытащил беруши — поет. Поет нормальным голосом. Никакой опасности оглохнуть! А говорили — голосом свечи тушит! Нет, пел он нормально. На этой сцене пели и громче. Но хуже. А он только на какую-то секунду давал полную мощь! Однако у людей оставалось впечатление, что эта секунда длится весь вечер.

...А человек был добрейший. Мог заплакать из-за любого. В нем не было чванства — он не знал, что это такое. Это был простой русский парень, который тащил баржу.

О тех, кто пишет

— **И вы захотели быть таким, как Шляпин?**

— Я, конечно, подражать ему не могу, это ясно. Но люди, которые встречались со мной, никогда не были ни в чем огорчены. Вы спросили — когда встретиться? Я сказал — идите сейчас. Мне все равно, где обо мне напишут... Суть останется. Обо мне плохо никогда не писали — просто нечего было... Всегда хорошо писали. Сначала я радовался, а потом мне стало безразлично. К этому тоже привыкаешь...

— **У вас, наверное, накопилось несколько чемоданов с вырезками из газет и журналов?**

— Нет, я ничего не собираю. Сегодня вышло — прочитал. Завтра мне это уже не интересно. Конечно, имеет значение, кто пишет. Пишут знатоки и пишут те, кому просто нравится писать. Вы пишете, высказываете свое мнение. Все прочитали — ваше мнение узнали. А у меня есть свое личное мнение — о вас. Но его никто не знает. Кроме меня.

Не родись красивым

— **Вы везучий человек?**

— Нет, мне никогда не везло. Это потому, что я некрасивый.

— **Что ж, за вами и девушки в свое время не бегали?**

— Они и сейчас бегают. Им делать нечего, вот они и бегают...

Почему?

Потому что я — Эсамбаев

— Я нигде не учился. Какая учеба... Из шестого класса меня выгнали, потому что я был двоечником. Меня бы и раньше выгнали, но тогда проводились олимпиады искусств, я танцевал и получал грамоты первой степени. Эти грамоты школе нужны были... Зато сегодня я «дважды академик» — действительный член двух академий. Избрали. Им кажется, что я могу быть академиком...

— **Почему им так кажется?**

— А почему я — президент Союза эстрадных деятелей (хотя есть умней меня люди)?

— **Почему?**

— А почему сейчас правительство утвердило Фонд имени Эсамбаева?

— **Почему?**

— А потому, что я — Махмуд Эсамбаев. Что посеешь, то и пожнешь.

Школа

— **Фонд имени Эсамбаева — это звучит! Я вас искренне поздравляю. А**

что вы будете делать в этом фонде? Какова программа?

— Я хочу создать школу танцев народов мира. И сделаю ее такой, какой вижу во сне... То, что я делал на эстраде, все мои танцы — они мне сначала приснились... Все эти сказки... И я воплощал наяву то, что мне грезилось по ночам... А теперь я во сне вижу школу Махмуда Эсамбаева. Преподавать позову своих друзей. Испанский танец будет преподавать испанец, индийский — индеец... Тридцать детей — больше я не буду брать. Пятнадцать мальчиков, пятнадцать девочек...

Среди детей врагов нет... Они могут стать родными, как собственные... Брать я буду 13–14-летних. В этом возрасте ребенок уже сам знает, чего он хочет. Он идет учиться не потому, что его родители привели, а потому, что он сам горит... Маленькие тоже иногда горят. Но это часто пропадает... Когда к станку станет на пять-шесть часов, все горение ухнет... А в тринадцать лет у человека уже есть мозги. И он уже танцует...

— **Где же вы возьмете 13-летних? Из хореографических училищ переманивать будете?**

— Ни в коем случае. Просто дам объявление: «Школа Махмуда Эсамбаева». Придут сотни тысяч! Выбирай! Очень много талантливых танцующих детей, которые опоздали в училища. Или просто не прошли по конкурсу — я знаю, как там принимают: палец должен быть такой, щиколотка — такая... Пока они выбирают, дети в обморок падают... Потом девять лет их учат, и мало еще что получается... А у меня за четыре года они смогут стать блистательными танцовщиками. И будут иметь кусок хлеба по всему миру...

Мне уже выделили здание — 2000 квадратных метров. Только его надо реставрировать.

Деньги

— **А где вы возьмете деньги? Реставрация такого помещения обойдется... даже не рискну назвать цифру...**

— Деньги будут делать те люди, которые умеют их делать. Сегодня это те, кто знает, что такое торговля. У меня такие люди есть. Мои друзья — крупные бизнесмены, миллиардеры уже... Они отреставрируют здание — мне нужен зал, а им комнаты для офисов. Я в коммерции совсем не разбираюсь. Позавчера четыре часа слушал, что они говорили, — ничего не понял... Но мне и не нужно понимать. Мне важно, чтобы они помогли мне создать то, что я хочу, — школу.

Ученик

— Так, тебя как зовут? Наташа? А меня Махмуд. Сейчас я тебя кормить буду. Как там дедушка Крылов говорил — соловья баснями... Ты когда позвонила, я сразу знаешь что сделал? Поставил на плиту куринные окорочка. А мой ученик стал готовить чесночный соус... Ах, какой парень замечательный! Редко так бывает, чтобы и танцовщик отличный, и парень хороший! Он акробат — окончил цирковое училище. И в русских танцах, которые я ему поставил, применяет акробатику — получается прекрасный сплав! И потому он лауреат трех конкурсов. Он звания получал независимо от того, сию я

в жюри или нет. Просто он мой самый любимый ученик. Зовут его Олег Шпаков. Он русский, но я бы не отдал его и за двадцать пять чеченских танцоров.

Национальный вопрос

— Махмуд, вы столько лет живете в Москве, но чувствуете себя чеченцем?

— Конечно.

— А в чем это выражается?

— Не знаю... Во всем... Я живу в Москве, но я же не могу сказать, что я русский — это видно по моему «паяльнику». Я терпеть не могу, когда людей делят по национальному признаку. Но все-таки я — чеченец.

И это не только гены. Это и биография. Нас выслали, когда я совсем маленьким был. Мои родители умерли с голоду. Я жил в Киргизии, танцевал в Киргизском театре оперы и балета. Какая прекрасная Киргизия тогда была! Народ добрый, великодушный... Меня никогда никто не попрекнул, не сказал, что я «чеченец высланный». Я очень люблю Киргизию и жалею, что там сейчас плохо... Нет, не должны эти маленькие республики отделяться — что за идея безумная? Вот что получается, когда не слушаются старших... Люди, которые прожили девяносто лет, — они все знают!

— Это только на Кавказе такое правило — безоговорочно стариков слушаться.

— Это должно быть международное правило на все времена.

Только я хотела сказать, что мы в СССР такой эксперимент уже провели и он, мягко говоря, не увенчался, но кажется, Махмуд в этот момент подумал о том же. И, не имея аргументов для обоснования своей позиции, объявил, что окорочка готовы. Мы переместились в кухню. Забыла спросить, как называлось изготоленное из них блюдо, но было чертовски вкусно. А вино и чесночный соус убедительно подтверждали, что хозяин дома действительно чеченец.

Папаха

— Махмуд, вы всегда в папахе ходите. Это для экзотики?

— Нет, таков обычай.

— А разве дома тоже полагается ходить в папахе?

— Конечно. Если уважаешь дом. Не уважаешь — сними папаху.

— И едят в папахе?

— Конечно.

— И спят в папахе?

— Когда спят — снимают. Про меня в одном испанском журнале сделали фоторепортаж с подписями: «Танцует — в папахе, кушает — в папахе». А на последней фотографии — они монтаж сделали — роскошная спальня, атласное одеяло, я лежу без всего — в одной папахе: «И спит — в папахе. Наверное, в папахе его сила».

Отойди от стола!

— Какой вопрос вам чаще всего задавали корреспонденты?

— Почти все спрашивали — что надо кушать, чтобы была такая фигура?

Ну что тут скажешь? Я всегда очень много получал. Мне платили больше, чем кому-либо в стране. (Это не я придумал такую оплату — это Совмин придумал.) А ел на сорок

копеек. Танцевать, иметь такую фигуру и есть — это же невозможно. Так что стой далеко от стола — будет фигура. Все спрашивают — что кушать? Покупают этот модный гербалайф за сумасшедшие деньги, чтобы быть худым... Да жуй меньше, вот и будешь худой!

Как быть богатым

— С кем вы дружите?

— Со всеми, кто со мной дружит. Для меня все близкие. Я с человеком встретился, пять минут постоял — он мне уже близкий... Кто со мной хочет дружить, с тем и дружу...

— Ну а с кем — особенно? К кому в гости ходите?

— Я в гости редко хожу. Ко мне все ходят. Все, кто есть знаменитые люди, они бывают у меня здесь. Бывают и воры, и проходимцы, и жулики... Я знаю, что они воруют, но они пришли — их же не выгонишь... И так всегда было. И я всегда всех кормил. Когда в гастроли ездил — повара с собой возил.

— Зачем же повар, если вам есть нельзя было?

— А как же? Люди ведь приходят все равно. Если к вам придут — вы что, отпустите их ненакормленными? Или скажете: «Чай вам дать?»

Жаль, что бумага не может передать великолепно-презрительную, даже брезгливую интонацию, с какой была произнесена эта фраза: «Чай вам дать?»

— А сейчас вам хватает денег на та-

кие приемы?

— Хватает. Всегда хватает, если не прятать. Что есть — отдавай. Обрат-но так же получишь. Есть такие люди: ему дай сто миллионов — он их складывает. И они пропадают. А кто не складывает, у тех всегда остается.

Артисты и поклонники

— Кто вам из артистов сегодняшних нравится?

— Знаешь что, про всех, кто тебе нравится, пиши, что они и мне нравятся. Хорошего можешь от моего имени писать сколько хочешь. Лишь бы плохого не писала, даже если я что сказал...

Правда, трудно найти хороших среди новых... Мы не так давно с Ольгой Васильевной Лепешинской смотрели французский балет в помещении пушкинского театра. Это такой ужас! Мы ушли оскорбленные. Теперь уже любой мусор можно в Москву привезти! Да и про нашу эстраду говорить не хочется... Грязные, лохматые, голосов нет, вкуса нет... Дергаются...

Искусство эстрады ушло давно. Ты-то ничего не помнишь... А мне семьдесят — я помню. Были Утесов, Смирнов-Сокольский, Шульженко, Тарская, Гиоли, Русланова, Капа Лазаренко, Изабелла Юрьева, Тамара Церетелли, Анна Редель и Михаил Хрусталева... Десятки были! И каких! Выходили на сцену — люди любовались! И конюшной не пахло! И публика была такая же, как те, кто выхо-

дил на сцену.

Я когда прихожу на концерт, смотрю — кто в зале. Если там толпа, которая может бить окна, которая орет и скачет, — для меня это не зритель. И для меня это не артист, если на него такая толпа пришла. Вот так. Не обязательно на сцену смотреть, чтобы определить, какой артист.

Что нужно для счастья?

— Махмуд, вы счастливый человек?

— Да. Потому что у меня есть семья. Жена, дочка, двое внуков прекрасных. Внучка на четвертом курсе в медицинском. Внук — вот он как раз пришел, можете познакомиться. Танцевал блистательно. Сейчас поет. Хорошо поет. Репертуар Фредди Меркьюри. Но кем он станет — потом увидим. Сейчас он девятый класс закончил. Придет время — займет свое место. Но, думаю, полуфабрикатом он не будет. Мы не позволим.

...А искусство — это не всегда цветы и аплодисменты. Я когда на эстраде стал работать, танцевал часто босиком. Порой за кулисы уходил со стертymi в кровь ногами — такие сцены у нас. Но ничего — кровь стирал и снова выходил на сцену, и снова танцевал...

Конечно, я счастливый человек — всю жизнь делал то, что хотел: танцевал. И семья у меня хорошая. Что еще человеку надо для счастья?

Наталья ЛОГИНОВА

фото из архива автора

Быть стройным и здоровым
поможет Вам

ГЕРБАЛАЙФ

— трава жизни.

Используя американский экологически чистый продукт питания на основе трав всех континентов, Вы сможете избавиться от лишнего веса, нормализовать давление, прекрасно выглядеть, быть энергичным и бодрым. Не за горами — купальный сезон! Подумайте о том, как Вы будете выглядеть на пляже.

Для желающих доставить удовольствие
прекрасному полу — НОВИНКА!
СЕКС-КРЕМЫ!

У нас Вы также можете приобрести
замечательные ФИЛЬТРЫ-КУВШИНЫ для
очистки водопроводной воды дома и на даче.

Маленькое чудо в Вашем доме —
вибрационно-вакуумный ГИДРОМАССАЖЕР.
15 секунд — и он подключен к Вашему душу!
БЛАГОДАРЯ ПРЯМЫМ ПОСТАВКАМ У НАС САМЫЕ
НИЗКИЕ ЦЕНЫ!

Фирма «Neway's» (США)
КОСМЕТИКА XXI ВЕКА

Приглашает к сотрудничеству распространителей

Тел./факс: 245-40-72, 245-59-56,
с 10.00 до 18.00.

ФИРМА

«LAUREL»

ПРОДАЖА
КВАРТИР В МОСКВЕ

НЕДВИЖИМОСТЬ
В АНГЛИИ
И ГОЛЛАНДИИ

с 10 до 18 час.

449-3933 449-3943

449-3764 445-4263

445-1462 445-3988

1 —
КОМНАТНЫЕ
2 —
КОМНАТНЫЕ
3-6 —
КОМНАТНЫЕ

114-1893 407-9813 ПОСЛЕ 18 ЧАС.

Вперед и выше

Новые диски Б.Гребенщикова

Кажется, кто-то сказал, что Гребенщиков выдохся, что он от альбома к альбому сдает былые позиции? Так вот, плюньте в глаза тому, кто так сказал. Ничего подобного! Всем бы такую творческую форму, как у Гребенщикова, — целых три

«Библиотека Вавилона» хоть и собрана из композиций разных лет, но тоже вполне концептуальна, здесь превалирует стихия города, ритм песен строг, определен, «гитарен» (подчас они даже отдают скованностью и монотонностью), а если и «разряжается», то в сторону почти «полсовоной» шлягерности (так, законченный хит представляет собой «Голубой дворник» из

актеров более или менее твердого «амплуа» с теми, кто по своим данным имеет шанс сделаться на сцене кем угодно: не просто Шейлоком или статистом, а, быть может, обоими сразу — чисто современный случай. Вспоминаая прошлогодний дебют некоторых теперешних выпускников в спектакле С.Женовача «Шум и ярость», я подумал, что разнохарактерность, даже разношерстность курса программа: так, собственно, бывает лишь в «настоящем» театре, с которым курс сближает еще и явственное отсутствие какой бы то ни было «студийности». Большинство спектаклей — крепкие, трезвые, «не по возрасту» мастеровитые. Особенно разъединенными и погруженными в собственную работу выглядят дипломники в концертной постановке «Дорогая моя эстрада», в первой части которой они весело и любовно высмеивают «дорогую», открывая рты то под Мэрилин Монро, то под Демиса Русоса, а то под актеров индийского кино, во второй же — сами поют из опер и оперетт, и очень недурно. Да и остальные спектакли куда меньше выглядят борьбой студенческого «легкого дыхания» с корсетом учебного плана, чем репликами в споре о нынешней театральной ситуации. Вот «Царская охота» по Л.Зорину, где все исполнители обнаруживают вкус к хорошо сделанной мелодраме, а необыкновенно своеобразное гротесковое дарование М.Ароновой — Екатерины II — могло бы заставить призадуматься иных «взрослых» любителей поиграть в императрицу. Вот «Пигмалион» с ярким Хиггинсом — А.Назаровым, актером из редкой породы «умных», и с его партнерами, почти безупречно чувствующими стиль, силуэт, очерк «английскости». Вот и «Фальшивая монета», неизящимо мрачная драма Максима Горького из жизни мещан и дачников этого мира, — и как точно читают молодые актеры психологическую партитуру, с каким деловитым пониманием нагнетают удушливую атмосферу

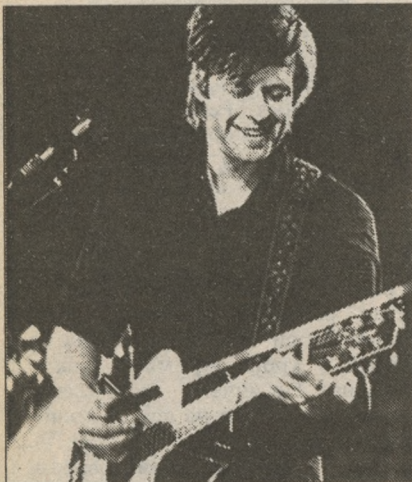
спертых страстей, подавленных желаний, укупоренного безумия: чем не вклад в наметившуюся потребность перечесть старых авторов? Хочу ли я сказать, что перед нами и впрямь готовый театр? Нет уж, скорее, наоборот. Не театр — а матрица театра, набор его элементов. Профессионализм, с которым выпускники объявляют о своей готовности войти в самые перспективные (главным образом — коммерчески) театральные начинания, обнадеживает, ибо сулит освежение «большого» театра новым, более цепким и работоспособным поколением актеров.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Привидений не существует. А жаль

«Наваждение»
«Мосфильм»,
реж. И.Талпа

Привидений не существует. Я это точно знаю, поскольку, если бы усопшие имели возможность хоть как-то воздействовать на наш мир, по нестройным рядам отечественной кинорежиссуры прошла бы закономерная волна самоубийств. Открою страшный секрет: на ладан дышит «Мосфильм», в предынфарктном состоянии студия Горького, в коме «Ленфильм». Отечественное кино умирает. Не пышно. И даже не достойно, как герои Джека Лондона. А как хилая пенсионерка, провонявшая собой жилплощадь, оттого что по традиции отключили горячую воду. Режиссеры, по преимуществу, живы. Но это своего рода «жизнь после смерти» — так у покойника растут ногти и волосы. Тем более очевидно, что режиссеры ищут «жизненных соков» на стороне. Например, в отечественной классике. Чем плох Бунин? Да ничем. А чем хорош? Тем, что давно и безвозвратно мертв. Берите вожаделенное из его текстов и делайте с ним что хотите. Перенесите действие в современность, озадачьте героев похожими мотивировками, при сем имейте в виду, что ваша цель

ИТАР-ТАСС

диска выпустил в этом году, на подходе четвертый, да еще пластинку с исполнением песен Вертинского записал. Завидная плодовитость. Но и результаты замечательны. Вообще, надо заметить, что многие известные рок-музыканты сегодня или застревают в некоем творческом постоянстве, или медленно деградируют. Во всяком случае, ни у Гаспаряна из «Крематория», ни у Летова, ни даже у Кинчева, Бутусова или Сукачева нет такого фантастического развития музыкальной формы и мелодики, как у Гребенщикова, — вышеназванные авторы варьируют (пусть и блистательно) раз и навсегда найденное. А Гребенщиков стремительно движется вперед. Даже по трем последним его дискам видно, сколь разнятся по духу и состоянию представленные на них песни. Альбом «Письма капитана Воронины» растворен в стихии русского фольклора, распевной медитативности, отголосков языческих плясок.

фильма «Дом под звездным небом», открывающая альбом). Третий же, заветный — «Любимые песни Рамзеса IV», — уводит в запредельность, соединяя психоделику и симфо-рок, с его обязательными выходами из состояния нарастающей тревоги в гармонию (по такому принципу строятся песни «Как нам вернуться домой?», «Иерофант» и «Отец яблок»). И в конце концов рождается какое-то странное, захватывающее ощущение, что теперь можно заново открывать мир, начинать с нуля. Снова. В который раз.

Александр ШПАГИН

Без шума и ярости

Дипломные спектакли Щукинского училища

Незаурядный выпускной курс Владимира Иванова подготовил восемь дипломных спектаклей — не шутка. Курс многочислен, не говоря уже о разнообразии выпускников. Не часто увидишь такое сочетание

не разрушение — упаси Боже! — а связующая нить веков и поколений. Брюнетка должна таращить глаза, словно больна щитовидкой, а блондинка в порыве страсти поводит полными грудями. Герою следует переживать чудовищно, стремясь совершить выбор между этими Сциллой и Харибдой, а в конце остаться ни с чем. Самое главное — забыть о том, что примитивная экранизация — род плагиата, причем, вполне узаконенного. Или помнить об «узаконенности» — все легче, чем брать ответственность на себя. Этот фильм классически бездарен. С одной стороны, он прячется за Бунина, с другой — демонстрирует с забавной наглядностью разницу между пошлостью и искренностью. Как ни странно, отдавая предпочтение именно пошлости и банальности. И даже, что особенно заметно, не жизненной, а, скорее, культурологической. Желчный Бунин, если бы мог, явился бы к режиссеру, а вовсе не стал бы ворочаться в гробу по примеру Пушкина или Шекспира — людей, в сущности, с иронией относившихся к собственному творчеству. Бунин же, довел бы неразумца до финального вервья. Но, увы, привидений не существует. И следующий фильм г-на Игоря Талпы будет тому лучшим подтверждением.

Саша КИСЕЛЕВ

Томбе ля неже

«Евгений Онегин»
«Санкт-Петербург
Опера»,
реж. Ю.Александров

Трудно понять, почему люди, профессионально занимающиеся оперным театром, часто его стесняются. Ничем другим не объяснить то, как старательно они задвигают в угол монументально-пышный антураж, пытаясь оперу выставить мишурной опереткой. Упоминание в программке того, что первое исполнение «Евгения Онегина» состоялось силами учащихся Московской консерватории, вроде бы намекает на что-то, но в итоге просто подогрело

Сцена из спектакля «Евгений Онегин»

мысль, что был показан студенческий капустник, нашпигованный цитатами откуда угодно, кроме первоисточника — он просто стал задником. Ничем не плох этот прием, если бы только он был выдержан на том уровне бесконечной суеТЫ домашнего спектакля, который задавал первый акт. Итак: Ольга — травестирующая Шурочка из «Гусарской баллады»; ее сестра (звалась Татьяной) — Тадзио в матроске из «Смерти в Венеции»; Ленский, зарифмованный с Ленноном, — вечный студент-диссидент и распорядитель всяческих «суареев»; Онегин — скупающий михалковско-чеховский персонаж, некстати являющийся ряженым медведем в осенней красной рубашке (все правильно — сон Татьяны, 8-й класс средней школы). Если вспомнить, одно представление «Евгения Онегина» в ДК автомобилистов закончилось на том, что Ленский не спел «Куда, куда...». Это была настоящая «Музыкальная история». А эта — ненастоящая, и она пытается досказать историю до финального титра. Но во втором акте все рассыпается: под знаменитый полонез Татьяна в комбинашке изображает Аллу Сигалову, а Онегин сочным голосом независимо от собравшихся участвует только в собственном сольном концерте. И почему-то время от времени на зеленый плющ беседки падает бумажный снег, врываясь в Чайковского немзыкальной цитатой из грустной песенки Адамо. Как можно не чувствовать, что не годится эта опера для «новых прочтений». Да и никакая, кроме «современных», не годится.

Стилистическая доминанта спектакля Юрия Александрова — это Чехов, переложенный классиком доморожденного постмодерна С.Соловьевым и помноженный на замечание Айрис Мэрдок: театр — это все то, что думала о нем моя мама, плюс многое, чего бедняжка и вообразить не могла. Театр, возможно, да, но опера — слишком формализованный жанр, поскольку окраску зрелища в ней диктует не либретто, прихрамывая излагающее Пушкина, а музыка. И добиться «попсовости» в сцене дуэли можно только с помощью постановочных трюков, а вот даже «разойдись» с оркестром на полтакта — не получится. Авангардистские *déjà vu* требуют исполнения «под фанеру». А это уже совсем другой жанр.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Спонсорское и президентское пение

Международный центр совершенствования музыкального и хореографического мастерства
Концерт-презентация в Большом зале консерватории

Большой зал за последние годы выдержал многие новые веяния — «спонсорский пианизм» и даже «спонсорскую оперу». Но «спонсорское пение», кажется, в его стенах было представлено впервые. Пожилый и благообразный японец Такуйя Дзин, якобы бравший в Италии уроки бельканто, продемонстрировал практически все технические приемы такового, за исключением двух

немаловажных качеств — музыкальности и собственно вокальных данных. Однако героическая попытка обойтись без них произвела сильное, если не сказать благоприятное впечатление: дурной «дядюшкин сон» на сцене консерватории выглядел все же не просто зримым, но и акустическим аргументом в пользу «японского чуда». Правда, хорошо все-таки, что аргумент был предъявлен только один. Вторая часть концерта имела совершенно традиционную драматургию. Две примы Большого театра — Елена Образцова (президент Центра) и Маквала Касрашвили (вице-президент) — со всей мощью своего техницизма, а также тех двух немаловажных качеств, которые отсутствовали у японца, поочередно покорила зал оперными «коронками». Третьим — необъявленным — актом презентации стали две картины Рустама Хамдамова, которые скромно, никак не атрибутированные, висели в фойе. К счастью, консерваторская публика и тут не оплошала, взволнованно спрашивая: ведь это Хамдамов, правда? Вообще эта публика заслуживает отдельной, сугубо положительной рецензии, поскольку кроме музыки (что не так сложно) она умеет терпеливо выслушать и спонсора, и вялую вступительную речь, и

РУСТАМ ХАМДАМОВ

автора картины угадать, и не сорить фантиками в зале. Последнее стало почти невероятным в последнее время.

И.Л.

Дневник И.

Имея все, ходим с протянутой рукой

Исповедь кинопродюсера

В 1989 году на премьере в Доме кино (это был фильм «Мордашка») по экрану после титров впервые в советском кино проплыла гордая надпись: ПРОДЮСЕРЫ. Пионерами независимого производства фильмов в СССР стали Андрей Разумовский и Игорь Романенко, незадолго до этого возглавившие компанию «Фора-фильм». С тех пор они выпустили 26 картин, в том числе «Сукины дети», «Дамский портной», «Десять лет без права переписки». С Андреем РАЗУМОВСКИМ беседует кинокритик Виктор МАТИЗЕН.

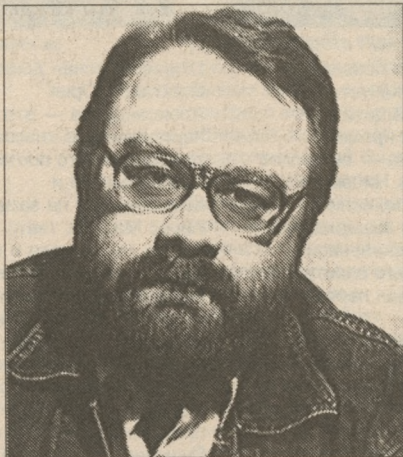
— В 1993 году регистрационные удостоверения получили больше сотни российских картин, и среди них было — сам видел — не менее двадцати приличных и очень приличных. Тем не менее большая группа отечественных режиссеров на своих сборищах продолжает посылать головы пеплом, кричать о гибели культуры и требовать государственных дотаций. Возник новый род деятельности: профессиональный плакальщик, нечто вроде профессионального нищего, который клянит не в подземных переходах, а в коридорах власти.

— Верно. У правительства, я думаю, уже идиосинкразия на кинематографистов. И ничем ее не прошибешь. Не будет же Гусман каждый раз грозить пальцем и говорить: «А вот мы вас, господин президент, больше в наш Дом не пустим!»

— Хорошая гусмановская шутка от повторения не портится. А как оценивают ситуацию в кинопроизводстве продюсеры?

— Сейчас действительно сложный период, пожалуй, самый сложный с 1986 года, когда все началось. Когда мы только пробивались, было страшно, но очень заманчиво. И даже те, кто нас не поддерживал, почувствовали или, по крайней мере, с интересом наблюдали. Но никто не вредил. И все вдруг стало получаться. Началась эйфория. Независимые студии появлялись чуть ли не каждую неделю. Фильмы пошли один за другим. Производство приносило ощутимый доход, и казалось, будто наступают благоденствие. И вдруг все резко покатило вниз.

— Где же и когда, по-вашему, про-

легла грань между подъемом и упадком?

— Это четко прослеживается по общему объему производства: в 1991 году — 350 картин, в 1992-м — 190, в 1993-м — 137. Причем я не уверен, что все эти фильмы существуют реально...

— Извините, но если картина получила удостоверение в Роскино, она физически существует. Не регистрируют же там мертвые души?! А вот среди называвшихся три года назад трехсот пятидесяти фильмов по крайней мере сто пятьдесят почти наверняка существовали исключительно на бумаге...

— Тем не менее падение производства является фактом. Но дело даже не в этом. Сколько мы говорили о том, что производство и прокат — звенья одной цепи? А на деле они оказались совершенно разорваны: одни кино делают, другие — прокатывают. Производители не думали о прокатчиках, прокатчики — о производителе.

— И уж совсем никто не думает о бедных зрителях...

— Тоже верно. Словом, все было отдельно. В нынешней же ситуации стало ясно: не будет проката — не будет и производства.

Чтобы продюсер мог получить деньги на фильм, он должен дать гарантию, что прокат фильма эти деньги вернет, и не просто, а с учетом инфляции и с процентами. Кто сейчас может дать такую гарантию? Никто. Потому что сегодня нет системы, которая бы прокатывала россий-

ские картины. С другой стороны, на сумму, требующуюся для производства одного нашего фильма, можно купить двадцать пять американских, которые с гарантией и с лихвой окупят затраты. Поэтому никто не хочет вкладывать в кино деньги. Выход один: производителям нужно объединиться и создать свою прокатную систему. Я думаю, что в течение четырех-пяти лет все прокатное пространство России будет распределено между пятью-шестью большими прокатными конторами...

— И нарушителей конвенции будут убивать на месте...

— Надеюсь, до этого не дойдет. Может быть, нужно организовать одну федеральную сеть кинотеатров, которая половину времени показывала бы отечественные фильмы. Но для этого требуется помощь государства, то есть соответствующее законодательство.

— Короче говоря, вы предлагаете восстановить государственный прокат, но, как я понимаю, не монопольный?

— Почему государственный? Вот Роскино выделяет деньги для продвижения российских фильмов на экраны. Если распределить их по картинам — толку не будет. А можно взять в каждом городе по залу, связать их в сеть и снабжать эту систему. А собранные деньги направлять в фонд развития кинематографии.

— И что же, обязать кинотеатры войти в эту систему?

— Нет. Но если им предоставить льготы за показ отечественных фильмов и гарантировать повышенную зарплату, они сами будут заинтересованы в демонстрации нашего кино. А дальше — простой подсчет. Чтобы окупить производство фильма и расходы на прокат, нужно набрать два миллиона зрителей. А для этого достаточно, чтобы в двухстах городах картину посмотрело по десять тысяч человек. Не так давно фильм, собравший два миллиона зрителей, вообще считался провальным: чемпионы проката тогда собирали десятки миллионов!

— Это было до нашей эры. До эры видеофильмов и коммерческого ТВ. Чтобы сегодня люди пошли в кино, нужно привлечь их такими эффектами, каких малый экран дать не в состоянии. «Парк юрского периода» на большом экране может ошеломить, а на малом не производит почти никакого впечатления.

— Конечно. Но большие эффекты стоят больших денег. И кроме проката, никто их не даст. Чтобы окупить картину, ее нужно одновременно выпустить в 250–300 кинотеатрах. Провести широкую рекламную кампанию в газетах, по радио и на ТВ. Взять, к примеру, фильм

Д.Астрахана «Ты у меня одна», имевший столь большой успех на сочинском фестивале в прошлом году. В него стоило бы вложить еще миллионов шестьсот и с шумом запустить по всей стране. Уверен, что он в несколько раз перекрыл бы все издержки.

— Дайте мне точку опоры, и я переверну мир...

— Верно, проблема в том, где взять деньги. В принципе, ее как бы нет: можешь взять в любом крупном банке. Но под такие проценты, под которые и в обычное производство не пустишься, не то что в кинопроизводство.

— Какие проценты вас бы сегодня устроили?

— Пока не налажен прокат — никакие. Взять полмиллиарда и не вернуть, когда кругом убивают за десять миллионов?

— Мы плавно описали круг. Можно переходить к следующей проблеме.

— Следующая проблема — телевидение. В бывших соцстранах, например в Польше, две трети фильмов делаются совместно с ТВ. А у нас телевидение упорно не желает выступать в качестве сопроизводителя. Сейчас мы ведем переговоры с объединением «Экран». Оно готово участвовать в кинопроизводстве, но и здесь вопрос упирается в деньги.

— Вас послушать, так кинопроизводство попросту невозможно. Однако «Фора» делает картины?

— Как ни странно, да. Помогает Роскино.

— Как складываются ваши отношения с режиссерами? Они ведь о зрителе обычно не думают, да и не должны думать. А вы смотрите материал и видите: если здесь не вырезать кусок, вы не досчитаетесь сотни тысяч билетов. Высказываете это свое скромное соображение режиссеру и слышите: «Как?! Вы хотите отрезать лучшее, что у меня есть? Да что вы понимаете в искусстве, вы, денежный мешок?!»

— Так и складываются, что каждый отстаивает свое. Но есть, между прочим, договор, в котором указаны права сторон и по которому мы не бесправны.

— Это если деньги ваши. А если деньги давало Роскино под определенного режиссера?

— Все равно. Другое дело, что продюсеры часто сами не знают, чего хотят. Не понимают, что такое кино и как разговаривать с кинематографистами. А попробуй на равных поговорить, например, с Андреем Смирновым или с Сергеем Соловьевым...

— Да уж. У обоих такой, я бы сказал, пассионарный напор, что только держись.

— Так что деньги и даже права тут не помогут, аргументы нужны. Поэтому тот, кто только достал деньги, — еще не продюсер.

— Что вы испытываете, увидев, что на деньги, которые вы привлекли, снята какая-нибудь дрянь?

— Мучительный стыд. То же самое, когда приходишь просить деньги в банк или финансовую компанию,

где побывал кто-то другой. Люди с удовольствием помогли, вложили деньги, а на них с экрана вылились такое, что теперь, едва заикнешься о кино, они дергаются и говорят: «Только не это!» Что поделаешь, болезнь роста. Если бы банк знал, куда обратиться за экспертизой проекта или мог где-то справиться о репутации людей, с которыми собирается сотрудничать, все могло бы быть иначе. Но такие пройдохи, кстати, встречаются не только у нас, за рубежом тоже...

— Что, накалывали вас?

— Было дело. Снимали совместную с итальянцами и французами картину. Жуткие типы попались. Потом я министру ихнему говорю: «Подействовали бы вы на них, что ли...» Он и отвечает: «А вы ко мне обращались перед тем, как с ними кооперироваться? Я бы вам не посоветовал...»

— Помнится мне, с вами недавно судились сценаристы...

— Сценаристки. И правильно: ни одно доброе дело не должно оставаться безнаказанным. Дали мы двум девушкам написать сценарий. Они привели режиссера Александра Михайлова, который снял мелодраму «Только не уходи». Потом они с ним разругались и потребовали компенсацию за то, что фильм якобы не соответствует сценарию. Хотя, на мой взгляд, он даже слишком соответствует. И отсудили у нас миллион.

— Что же ваши адвокаты?!

— У них были не хуже. Законы дают такие возможности для крючкотворства, что мастера могут спорить

Кадр из фильма «Дамский портной»

Кадр из фильма «Сукины дети»

до бесконечности. Мы предпочли плюнуть и заплатить...

— Вы вкладываете в проекты собственные деньги или ищете на стороне?

— Нам бы не хотелось повторять своих ошибок и пускать все заработанные нами деньги в производство картин, как было до недавнего времени. Сейчас мы опомнились и часть денег вложили в издательство, которое приносит доход... во многом за счет книг по телесериалам. Вот, взгляните: «Просто Мария».

— Видел я вашу Марию. Мне, как и Крузу, нравится Иден.

— А недавно Валентин Черных принес нам пятисотстраничный киноман...

— «Москва слезам не верит»?

— Угадали. А Владимир Валущий...

— ... принес пять томов «Зимней вишни»...

— Поменьше.

— «Просто Марию» вы просто перевели или отдали литературному «негру» монтажные листы для перевода в романную форму?

— Отдали на переработку. Между прочим, получилось очень прилично. И этот «негр», я думаю, заработал побольше иного белого...

— Тираж?

— Миллион.

— И сколько вы с нее имеете?

— Это коммерческая тайна.

— Подумаешь, биним Ньютона. Вам она стоит тысячу, от вас уходит за две, на лотках лежит по четыре. Значит, с одной только «Марии» вы, если разойдется весь тираж, будете иметь миллиард прибыли, которую можете инвестировать в кино... а можете вовсе забыть про него и напечатать собрание санта-барбаровских сочинений мистера и миссис Добсон.

— Кино мы не бросим, потому что оно нам интересно. Кстати, недавно по ТВ прошел фильм «Никита Сергеевич Хрущев», в который мы включили эту прибыль. И оказались единственными кинематографистами, кто вспомнил о столетнем юбилее человека, которому все мы стольким обязаны. Но нужна схема для стабильной работы. Я хотел бы работать с молодыми режиссерами: с Хваном, Охлобыстиным, Ибрагимбековым-младшим. И считаю, что государство должно поддерживать в первую очередь молодых, которым никто больше денег не даст.

— Сколько сейчас в России независимых продюсеров?

— Работающих — не так много. Полсотни, наверно, наберется, из них в Москве человек двадцать пять. Люди уходят в другие области. Студий, по крайней мере на бумаге, гораздо больше, но чем они занимаются, определить невозможно. Хотя в кинематографе крутятся огромные деньги — от того же видеопроката, но никто их не видит.

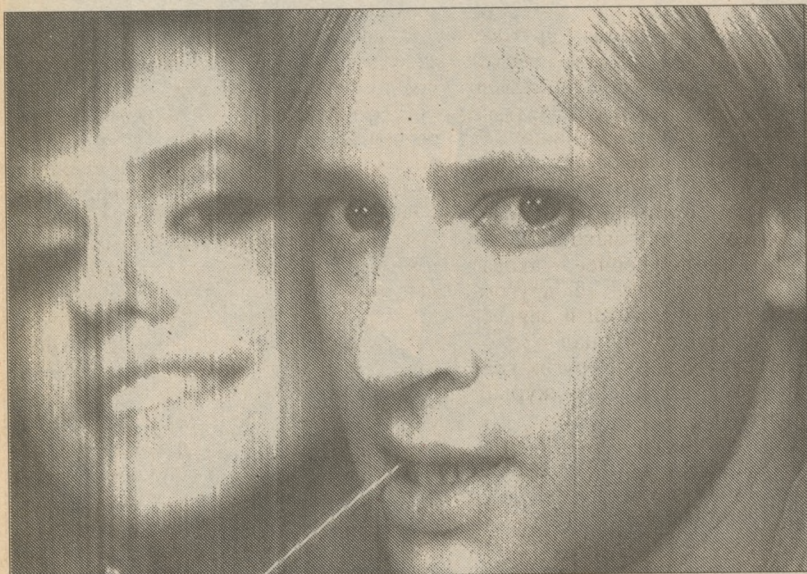
— А как насчет своего маленького лобби, например в Думе?

— Мы надеемся на содействие наших коллег-депутатов, которые представлены почти во всех фракциях: Говорухин, Гусман, Гундарева... В области культуры, я надеюсь, они не откажутся сотрудничать. Создать бы с их помощью внебюджетный общественный фонд, которым руководили бы кинематографисты! Но непосредственным руководством должны, конечно, заниматься профессионалы-чиновники.

— Это вы повяли по собственному печальному опыту руководства в конфедерации Союзов кинематографистов?

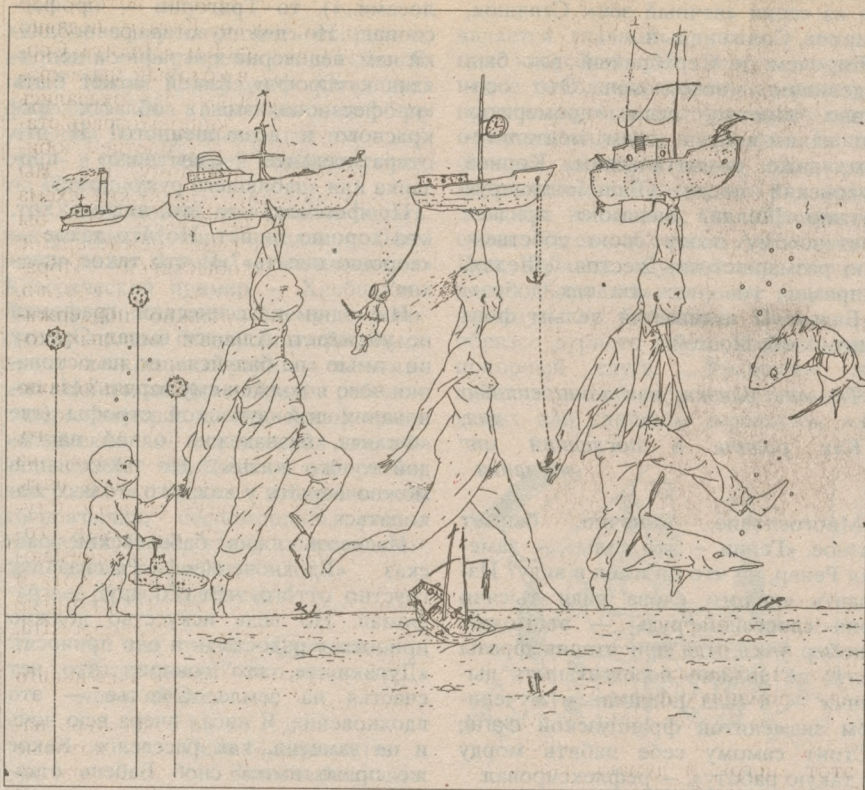
— Увы, да. Отказавшись от услуг чиновников и сами не будучи ими, мы обнаружили, что чиновники на всех уровнях нас элементарно обштыпывают. Кинематографисты должны определять политику, а исполнять ее должны специалисты: администраторы, юристы, экономисты. Если бы у нас был такой коллектив, Союз кинематографистов не сосал бы лапу, а купался в деньгах. Это же фантастика: иметь Киноцентр, Дом кино, дома творчества в Болшеве, Пахре, Матвеевском, журналы «Экран», «Искусство кино» — и ходить с протянутой рукой!

— У меня больше нет вопросов. Есть напрашивающийся комментарий: что-то подгнило в кинематографическом царстве. Если собственность не приносит дохода — это общественная собственность. Ларчик, из которого летят на ветер деньги, просто открывается. Боюсь только, что закрыть его будет некому...

Кадр из фильма «Мордашка»

Писали, и будем писать!

В защиту графомании

Николай МАЛИНИН

Подите вы все к чертовой матери! Есть же, например, пьяницы, есть развратники, садисты, морфинисты... А я, я — графоман! Как Пушкин, как Лев Толстой!

Абрам Терц. Графоманы

Нет более верного признака, обнаруживающего графомана, чем обличение графомании.

Гению графоман не помеха.

Гений может быть озабочен сломанным лифтом, скверной погодой, протекающей ванной. Но что ему графоман?

Гений обычно снисходителен — он же гений. (Как ты да я.)

А графоман ревнив и суров. Ему совсем не смешно, когда маляр негодный корябает мадонну Рафаэля. Или когда фигляр дешевый пародией

бесчестит Алигьери.

Графоман опасен лишь другому графоману. «Как попасть в необходимую точку, — мучается писатель Страустин у Терца, — как пробиться сквозь преграды, возведенные на твоём пути проходимцами-графоманами, которые вошли в литературу темным путем и замуровали за собой все входы и выходы?»

В поисках выхода (а вернее — входа) графоманы воюют друг с другом, образуют союзы писателей и всяческие «апрели», издают журнал «Золотой век» и обижаются на других графоманов, также издающих журнал «Золотой век».

Гений хвалу и клевету приемлет, как водится, равнодушно. Он, конечно, не без рефлексии, но внимает лишь себе да тому, кем назначено.

А графоман живет в вечном страхе: что как разоблачат? Вдруг тщательное подоткнутое одеяло на рассвете

сползет и все увидят вместо крылышек обычные графоманы лопатки?

*Я не знаю, где граница
Между пламенем и дымом,
Я не знаю, где граница
Меж подругой и любимой.*

Михаил Светлов. Граница

С роландовым неистовством бросился в бой с графоманией Сергей Чупринин («Столица» № 21, «Чернильное семя», видимо, памфлет).

Замучили человека «чайники», всю жизнь отравили: «жописы», «дописы», «мудописы»; Андропов — поэт, Рашидов — прозаик; литконсультантам продыху нет; сами литконсультанты, между нами говоря, тоже «чайники»...

«Россия перестала быть страной поэтов, — пишет Чупринин, — но не перестала, к несчастью, быть самой пишущей, самой словоохотливой страной в мире». Презрев свои полезные профессии, подались в публицисты Станкевич и Кургинян, Собчак и Боровой, Калугин и Старовойтова...

Маститому критику остается только позавидовать: как это он их ловко различает! Прямо навскидку бьет: «графоман», «графоман»... Вот только критерий уж больно расплывчатый. А материя-то тонкая!

Истории известны и более изящные дефиниции; вот, например, Владимир Вишневский:

*...Я поэт божьей милостью, что
говорить, —
Графоман разве может так кофе
сварить?..*

А вот критерий Георга Карла Лихтенберга: «Самая жалкая бездарность всегда богата побочными приготовлениями — во всех делах и во всех профессиях, вплоть до неглубоких, плохих писателей, постоянно блистающих своими предисловиями». (Тут, впрочем, бывают и проколы: если верить Довлатову, том статей знатного графомана Льва Наврозова открывался «пердислобием»...)

Но вот Чезаре Ломброзо решил классифицировать графоманов научно. И что получилось? Нет среди родовых черт графомании такой, каковую нельзя было бы отыскать в любом писателе: преувеличенное мнение о себе, многословие, постоянные противоречия, нелепые выводы, мелочность, тщеславие... «Бывает, однако, что среди хаотического бреда в произведениях маттоидов-графоманов попадаются и

совершенно новые, здравые суждения» — так ведь и это случается с нашими писателями, видит бог!

Графоман, как известно, трепетно относится к бумаге. Один мой знакомый чуть не оду сочинил заправленному в машинку чистому листу, который парусом, блин, белеет над кормою каретки. Другой — тщательно сортирует: первый сорт идет на стихи, второй — в прозу, третий годится лишь для статей; бесится, когда не может достать нужный, чтобы закончить очередную поэму.

Но вот Паустовский вспоминает,

что и «третий» Толстой не мог начать творить, ежели перед ним не лежала стопа чистой бумаги; глядел на нее и ждал, когда «накатит». («Тупо смотрел в чистый лист» — фраза эта кочует из романа в роман, иллюстрируя творческий запор, непременно разрешающийся вдохновенным поносом.) Руссо стряпал «Новую Элоизу», смакуя «наикрасивейшую золоченую бумагу». А Гете переплел в красный сафьян и прошил шелковым шнуром рукопись «Мариенбадской элегии»...

Где же граница? Где кончается полиция и начинается Бенья?

Между духовным ростом и многословием — обратная пропорциональность. Легка и соблазнительна замена духовного напряжения болтливостью. В этом — соблазн всякого «учительства».

Александр Ельчанинов
Из дневника

Единственный распознаваемый вектор графомании — многословие. Борис Хазанов считает, что «вечный, неумирающий соблазн многописания» породил Толстой, «создатель самой длинной книги в русской литературе». Советское время упорчило соблазн матерьяльно: «Допишу-ка я еще главу — жене шуба нужна». Так и пошли косяком рома-

ны из серии «вечный зёв»: Стаднюк, Марков, Солженицын...

Впрочем, и Серебряный век был чудовищно многословен. Это особенно заметно, если «промерить» его каким-нибудь иным менталитетом, даже романтическим. Корней Чуковский писал: «Бальмонтизируя поэзию Шелли, Бальмонт придает британскому поэту свою собственную размашистость жестов. ...Шелли, например, говорит: «ты так добра», а Бальмонт изливается целым фонтаном любезностей:

*Ты мне близка, как ночь сияяно
дня,
Как родина в последний миг
изгнанья.*

Многословие, конечно, бывает разное. «Гении — это вольты», — замечал Ренар, но что он имел в виду? Изводить единого слова ради тысячи тонн словесной руды — это одно. Флобер учил, что при чтении фразы вслух не должно перехватывать дыхания — и был подлинным мучеником знаменитой французской *clarté*; «Стоит самому себе набить морду за такую работу», — рефлексировал.

Совсем иное дело — многословие как прием; изысканно многословен, например, Саша Соколов; доказательство, что у таланта могут быть и другие сестры. Сформулировал, правда, это еще Марциал: Те лишь стихи коротки, где не сыщется лишнего слова// А у тебя, мой дружок, даже двустушища длины.

И совсем третье — строкогонство; когда ПСС зашкаливает за полсотни томов (рекорд, кажется, за Гете — 133). Знают ведь, знают, губители леса, что «в бессмертье отправляются с небольшим багажом» (Вольтер) — а все равно гонят. Муся, Дуся, Пуся, куда несетесь вы? Зачем? Нет ответа. Даже Тригорин толком не сформулировал: «День и ночь одолевает меня одна неотвязчивая мысль: я должен писать, я должен писать, я должен... Едва кончил повесть, как уже почему-то должен писать другую, потом третью, после третьей четвертую... Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу.»

Владимир Леви считает, что графомания — от страха смерти; но разве все искусство — не из него же?

Каждый пишет, как он слышит.

Булат Окуджава

Если Треплев — графоман («Афиша на заборе гласила... Бледное лицо, обрамленное темными во-

лосами...»), то Тригорин — профессионал. Но два чувства равноблизки нам: недоверие к «графи» и неприязнь к «профи». Какой может быть «профессионализм» в области прекрасного и возвышенного? И что отвратительнее «опытного» прозаика или «набившего руку» поэта?

Профессионал — это, видимо, тот, кто хорошо пишет. Но что такое — «хорошо писать»? И что такое «плохо»?

Ни один классический графоман не убеждает. Альцест выдал Оронту по самые «не балуйся», но на основании чего я должен ему верить? На основании той дурацкой строфы (где «Филида, безнадежно одной надеждой только жить!»)? Но таких ляпов можно нарыть у каждого, только покопаться.

Насквозь лжив бабелевский рассказ «Вдохновение». Рассказчику грустно оттого, что его друг — графоман. Но ведь искусство должно приносить радость — и оно приносит: «Дураки те, кто говорит, что нет счастья на земле. Счастье — это вдохновение. Я писал вчера всю ночь и не заметил, как рассвело». Какое же право имеет сноб Бабель отказывать человеку в этом удовольствии?

Андре Моруа вывел изысканнейшего «графомана» Шалона («жалкий, смешной лепет... совсем-совсем безнадежный») и подкрепил эфемерное «фактом»: книжка Шалона нераспродана. Так ведь лежмя лежали в магазинах книжки Фолкнера (до «Святылища»), Жюль Верна (до «Тесных врат»), Грина (до «Стамбульского экспресса»). Всего два экземпляра

своей первой книги продал Сэвидж Лендор (один купил Кольридж, другой — Квинси), а первое издание «Западно-восточного дивана» Гете можно было встретить в книжных накануне первой мировой войны!

Или, наконец, Никифор Ляпис-Трубецкой: чем его Гаврила хуже приговского «милицианера»? Ничем. Только Ляпис своего графоманства стеснялся, а Пригов им гордится. В

XX веке о вкусах спорить неприлично, главное — уверенность в себе. «Я гений Игорь Северянин». Отвяньте, филологи. Все ваши высоколобые усмешки останутся там, где им и место — в пожелтевшей подшивке газеты «Сегодня».

...XX век понял, что можно писать как угодно. Можно — «плохо». Появился даже термин — «плохопись». Классический пример — Хлебников. Литературоведение к нему сурово: стихи «полны безвкусицы, бессмыслицы, нескладных шуток, скомканных концовок (как будто ребенок потерял интерес к сочинению); грамматических и лексических неправомерностей, неуклюжих оборотов, ляпсусов и других небрежностей; косноязычия, беспомощной указательности («то», «та»), описательности, бедных рифм...»

А все равно: Хлебников!

А что такое Тургенев и Достоевский? Это приложение к «Ниве».

Осип Манделштам
Книжный шкаф

Характерно, что среди классиков процент плохо владевших пером необычайно велик.

Плохо писали классики.

Граф-графоман лепил свои «галлицизмы», совал повсюду «что» и «который»; чудовищен первый абзац «Воскресения»; а чего стоит такой перл: «Соображая покупку седого бычка, мысль о Китти и о предстоящей помолвке с нею не покидала Левина!»

Гоголь был неряшлив; хохляцкие провинциализмы лезли из него, как творог из разварившихся вареников; Пушкин не раз пенял ему на «неровность и неправильность слога», а по поводу «Мертвых душ» Полевой фыркнул: «Редкая запятая на месте!»

Тютчев «духов» с «духами» путал, вообще с ударениями был не в ладах; Фет обожал тавтологические рифмы; ужасно коряво писал Достоевский; небрежностью стиля отличался Стендаль (признавался, что не способен править свои рукописи); вычурностью и напыщенностью — Бальзак...

В общем, все писали из рук вон; «высокий канон предстает скорее кратким эпизодом, сводящимся чуть ли не к одному Пушкину», — замечал Александр Жолковский; да и тут нашелся Терц, который увидел Пушкина и ипостась Хлестакова!

Но XX веку нет дела до канона. В конце концов канон — это скучно. «Скука, — пишет Борис Хазанов, —

является главной пружиной эволюции искусства... На вопрос, почему новое поколение зевает над книгами прославленного мастера, приходится ответить: надоело, и все тут». Канон сменяет мазня, и мазня становится каноном. «Нет ничего, что так походило бы на мазню, как шедевр», — сказал Гоген о Сезанне. А Сальвадор Дали добавил: «Дурной вкус плодотворен. Хороший же — им наделены французы — бесплоден. Пикассо — образец дурного вкуса. И Дали, ваш покорный слуга. ...Французов же губит хороший вкус — все выходит у них или слишком сереньким, или

*В этот час
гений,
зачеркнув написанное,
отправляется в гости.*

Давид Самойлов

слишком розовеньким. ...Банальность — это просто боязнь безвкусицы».

XIX век любил в классиках красоту, XX — полюбил убожество. Гоголевские проколы канонизированы, а сам он объявлен провозвестником русского модернизма. Та же участь постигла Достоевского: выяснилось, что писал он «плохо» не потому, что «торопился», а потому, что «писал о надвигающейся социальной революции и начинал художественную, ломающую современный ему канон» (Жолковский).

Классиков не раз бросали с парохода современности. Но они выплыли. Или, как говорится, «прошли проверку временем». Но фраза эта только то и означает, что первой ценностью предмета стало время. Время живет в предмете, предмет обретается в толще времени; старенький сервантик мил нам потому, что хранит тепло бабушкиных рук, рядовая мельхиоровая ложечка умиляет тем, что пережила две мировые войны; на аукционе такое барахло не пойдет, но в доме без него холодно и пусто.

Впрочем, уместнее будет уподобить литературные произведения историческим событиям. «Евгений Онегин» — это, пожалуй, Куликовская битва, «Что делать» — отмена крепостного права, «Горе от ума» — натурально Октябрьская революция. Как бы мы к ним ни относились — они были. Они были такие, какими

были, и они повлияли. Можно долго спорить, вредна или полезна была революция — но она была, и так или иначе определила собой все последующие семьдесят лет. Был Чехов пошляком (как считает Галковский) или праведником (как полагает Пьецух) — все это уже неважно. Сто лет его читают, ставят, «проходят»; Чехов всегда с тобой, Чехов всегда живой, в горе, надежде и в радости. Короче, Чехов это наше все минус Пушкин.

«Не блестящий мэтр академик Мериме, но «скверные стилисты» Стендаль и Бальзак остаются вершинами французской литературы, — резюмирует Михаил Веллер. — Толстой, не говоря о Достоевском, «плохо писали», — но в результате неплохо вышло».

Ревизия, которую навел XX век, — не просто усмешка горькая обманутого сына. Это вполне практический вопрос: как быть, как все успеть, как прочесть все написанное?

Если Россия до сих пор сохранила искренний интерес к классикам, янки — лишь пиетет. Онный не помешал им додуматься до «abridgment'a»: любого классика утратят в сто страниц. Вмянаясь в карманный формат, книга теряет ритм, масштаб, температуру, вообще — соответствие духу своего времени. Но «Zeitgeist» — работа археологов, нормальному человеку важен результат: уестствил ли Пьер Наташу. Уестствил, порядок.

Ладно б только классики, так ведь продолжают писать! Пишут быстрее, пишут больше — компьютерами обзавелись, мерзавцы. Налицо кризис перепроизводства. «Мы вступили, — грустит Александр Кушнер, — в эпоху больших чисел, слишком больших для искусства, для правильной ориентации в нем».

Искусства стало слишком много — и оно приобрело новое качество: искусство превратилось в спорт. (Оно и раньше терлось поблизости: соседствовало в программе новостей, делило последние страницы газет, профану казалось таким же развлечением...)

Еще в 1925 году Ортега-и-Гассет писал: «Если и можно сказать, что искусство спасает человека, то только в том смысле, что оно спасает его от серьезной жизни и пробуждает в

нем мальчишество. ...Новый стиль... рассчитывает на то, чтобы его сближали с праздничностью спортивных игр и развлечений. Это родственные явления, близкие по существу».

Может быть, различие только одно и было — «гамбургский счет». Выяснение отношений в отсутствие зрителя. Но искусство XX века без зрителя себя уже не мыслит. Все стало вокруг голубым и зеленым, превратилось в один большой перформанс. Художники состязаются не с Шекспиром, а исключительно между собой: кто выше, кто дальше, кто быстрее. «Citius, altius, fortius» — вместо «Vita brevis, ars longa». Вместо литературы — шорт-лист, вместо музыки — хит-парад, вместо кино — рейтинг. Высшим достижением является попадание в Книгу рекордов Гиннеса.

Это скверное «эгалите» проповедуется с детства. Родители долго спорят, куда отдать чадо — в художественную школу или в спортивную. Вроде и понятия какие-то привить надо, но и здоровье дороже. В конце концов записывают в обе и бедный ребенок таскается туда-сюда, воспринимая аккордеон как пыточный станок, а скакалку как шпидрутены.

Есть у меня во дворе такой приятель, чей папаша-литератор чрезвычайно умиляется проявлению у ребенка отцовских наклонностей. Не меньший восторг вызывают у него способные приятели сына. Тем забавнее бурный гнев нашего критика, распространяющийся на осточертевших «чайников». Откуда же они берутся, как не из этих самых школ?

«Всякий двухлетний ребенок — гений, — замечал Викентий Вересаев, — всякий пятнадцатилетний мальчик — негодяй».

Ребенок не бывает графоманом.

Графоманом он становится вырастая — когда утрачивает в себе ребенка.

Когда забывает, что искусство — это такая игра, где можно отличиться, выиграть, победить... А можно услышать:

— Чемпион, чемпион! По хоккею с кирпичом...

*Нужно иметь мужество,
чтобы не писать...*

Александр Терехов

«...Он назвал графоманию основной основой и началом начал и назвал ее болотистой почвой, откуда берут истоки чистейшие родники поэзии. Эта почва, говорил Галкин, перепол-

нена влагой. У нее нет выхода, говорил Галкин. Придет время, говорил Галкин, и она хлынет из недр и затопит мир. Кто был ничем, говорил Галкин, тот станет всем и пусть не хватит на всех бумаги, мы покроем стены домов и голые панели улиц текстами в стихах и прозе, говорил Галкин».

Влага затопила мир. Все стали всем. Воду отжимают ри-райтеры. И когда с классиком редактора «abridgment'a» поступает так же, как с рядовым внештатником, в этой унижительной процедуре трепещет сладкая мысль: конечно, по-другому классики злы, подлы и мстительны. Конечно-

но, иначе, но... Но как мы все-таки похожи!

Все мы графоманы.

И Толстой с Гоголем, и Брюсов с Хлебниковым, и Розанов с Пастернаком, и Солженицын с Бондаревым, и Минкин с Радзиховским, и Могутин с Чуприниным, и прочая, прочая (о коих не сужу, затем, что к ним принадлежу).

Все мы обожаем скрипеть пером, переводить бумагу.

Есть среди нас графоманы бескорыстные, вроде А.С. Анучкина-Тимофеева, чьи письма о политике, искусстве и экономике исправно печатают центральные газеты. «Атас», как он сам себя называет, не обивает порогов редакций, не требует гонораров; коллеги даже сомневаются в его существовании. Про таких «атасов» мой друг, сам отчаянный графоман, напечатал как-то статью с трогательной притчей: один чудак покупал на рынке орехи и перепродавал их по той же цене. Ему просто нравился шорох орехов.

Есть графоманы настырные, но против них имеется классический «метод Мандельштама»: спускать с лестницы и вдогонку орать: «А Христа печатали? А Будду печатали?»

Есть, наконец, графоманы, вырвавшиеся в «профессионалы». Их, видимо, просто забудут.

Но есть еще класс, самый, между прочим, многочисленный. И когда Сергей Чупринин обличает страну Графомань, он как бы забывает одну тонкость: дело не только в том, что нам хочется писать. Дело-то в

том, что вам хочется читать! Кабы не вы, чесатели корост, жеватели мастики, — мы б вымерли, как мамонты!

Читатели — те же графоманы. Та же любовь к обстоятельным текстам, к хорошей белой бумажке, к вступлениям и предисловиям, к узнаваемым цитатам, политическим намекам. И — та же неприязнь ко всякого рода «денис-гореловщине».

Нам, конечно, без вас не прокорчиться, но и вам без нас — никуда.

Что вы будете делать без нас за завтраком? В метро? А в туалете? Во что бутерброды заворачивать?

Мы пишем — вы подписываетесь.

Это что-то вроде взятки. И давать неловко, и брать как-то неудобно. И писать уж не о чем, и читать-то надоело, ан: повязаны!

Выхода нет, есть только вход. Пишите, Шура, пишите. Как завещал великий Бендер.

Наложить запрет на многоглаголанья, о чем мечтает Чупринин, — все равно что повернуть вспять северные реки.

Наоборот: всех нас надо печатать.

Ведь вот за границей, судачат терцевские графоманы, «проще, беспощаднее. Опубликует какой-нибудь лорд книжку верлибра, и сразу видно — дерьмо. Никто не читает, никто не покупает, и займется лорд полезным трудом — энергетикой, стоматологией...»

Печатайте нас, Сергей Иванович, печатайте! Мы напечатаетесь и пойдем заниматься стоматологией.

Треп, он и есть треп. Вся великая русская литература — треп. Весь вопрос в том, как к нему относиться.

А дело это сугубо личное. Сэлинджер молчит, Солженицын вещает. А главный редактор «Знамени» — «призывает». Этим вот самым «дискредитированным» словом.

Не надо, Сергей Иванович, предавать свой цех, наше графоманское братство. Ведь вы ж, призвав к «делу», пойдете строчить очередную статью в свой журнал, разве нет?

«Дело», «дело», заладили Вы, Вам бы матушкой Аполлинера быть, которая на похоронах сына заявила: «Мой сын — поэт? Бездельник, вы хотите сказать».

...Шагобриан как-то заметил, что Ахилл, конечно, победил троянцев, но ему ахейцы помогли. А вот Гомер «Илиаду» в одиночку налал. И не будь его — мы бы об Ахилле ничего и не узнали.

Великое дело слово.

«Самое важное в жизни — слова, — догадался Михаил Зощенко, — из-за них люди идут на костры».

Рисунки Херлуфа Бидструпа

КАРЛ МАРКС

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Однажды плотва Клава плотно пообедала с семейством и прилегла отдохнуть после ночи, взявши с собой газету.

Тем временем дети, как всегда в ответственный момент, скучковались и начали играть в расшибалочку буквально у Клавы на голове.

Не помогли слова утешения, не помог и карп дядя Сережа, который высунулся в майке и орденах на босу ногу.

Дети резались в расшибалочку как нанятые, срывая таким образом послеполуденный отдых Клавы.

Башка причем трещала.

Но все-таки решение нашлось, когда карп дядя Сережа сбегал и вылил с балкона баночку канцелярского клея.

Дети, все так же крича, хотели разбежаться, но не удалось, и плотва Клава вынуждена была встать как мать с головной болью и мыть детей, причем канцелярский клей не боится воды, вот что выяснилось.

Что же было делать, если дети все как один склеились в плотный брусок и так и легли спать!

Вообразите себе состояние плотвы Клавы, когда ни накормить, ни умыть.

По счастью, дети вскоре передрались и плотным слоем упали с кровати.

Клей разлетелся как стекло на мелкие осколки, а дети опять пошли играть в расшибалочку, но теперь плотва Клава, наученная горьким опытом, выгнала их всех поганой метлой во двор.

Вот когда плотва Клава оценила известный лозунг Карла Маркса: счастье — это когда дети сыты, обуты, одеты, здоровы и их нет дома.

Карл Маркс сформулировал это дело не так точно, он сказал, что счастье — это борьба, но то же на то и выходит.

Это кто?

Считалочка для одного

Это кто такой красивый вдоль по улице идет?
 Это я такой красивый вдоль по улице иду.
 Это кто такой везучий кошелек сейчас найдет?
 Это я такой везучий кошелек сейчас найду.

Это кто его откроет, от волнения чуть дыша?
 Это я его открою, от волнения чуть дыша.
 Это кто такой наивный не найдет там ни гроша?
 Это я такой наивный не найду там ни гроша.

Это кто такой проворный кошелечек подберет?
 Это я такой проворный кошелечек подберу.
 Это кто его, чистюля, аккуратно оботрет?
 Это я его, чистюля, аккуратно оботру.

Это кто такой поникший вдоль по улице идет?
 Это я такой поникший вдоль по улице иду.
 Это кто свою находку тихо за угол кладет?
 Это я свою находку тихо за угол кладу.

Короткая история

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Один писатель — назовем его П. — написал короткий рассказ и отнес его в газету: назовем ее Г. Рассказ был о том, как писатель, то есть его лирический герой, рассматривал эротические журналы и влюбился в одну модель, которая там часто появлялась. Влюбившись, герой терял сон, аппетит, все как положено, думал о своей любви дни напролет, поворачивал ее в мечтах так и этак. Потом, когда ему уже было совсем худо, хоть накладывай на себя руки, в придорожную мастерскую по ремонту автомобилей, где он работал автослесарем, вдруг вошла эта фотозвезда. Оказывается, ее лимузин заглох всего в полусотне метров, а дело уже к ночи, она одна, и необходим срочный ремонт. Тут в рассказе сначала описывалось, как механик, то есть герой, идет к лимузину, долго водит руками по его новенькому лимонному кузову, а звезда в это время сидит в мастерской и пьет его, героя, кофе из термоса. Потом описывалось, как герой, то есть механик, открывает капот и видит, что это всего лишь с «жучка» слетел маленький винтик, поэтому «жучок» болтается, и надо только принести винтик и закрепить. Он все это делает, попутно глядит во все глаза на звезду, а та пьет кофе, болтает ногами, вечер, в мастерской никого нет, кроме дежурного, то есть механика, зато стоит запах машинного масла, и герою стыдно, что у него в руках ветошь и отвертка. Наконец, ремонт закончен, кофе выпит, и звезда, перед тем, как уйти, вдруг дает механику свою визитную карточку и настоятельно просит, даже требует, позвонить, а уж только тогда уходит, тряхнув своими волосами, крашеными пестро, под расцветку ее лисьего труакара. Иными словами, мечта героя сбылась, и вскоре он уже овладевает моделью в ее большой, роскошной квартире, на широкой, роскошной кровати. И, странное дело, не получает от этого почти никакого удовольствия, потому что вблизи и без специального макияжа у звезды оказывается: «маленькое личико, сморщенное, не то детское, не то старческое, с маленьким красноватым носиком, кривящейся щелочкой рта и множеством мелких прыщиков, которые вместе с веснушками и оспинками усеивали всю кожу, как будто вблизи выстрелили дробью» (цитата). Еще эта самая кожа пахнет нашатырем, изо рта разит грецкими орехами, грудь какая-то «твердокаменная» — в общем, все не так. Герой разочарован, и автор, хотя и не прямо, дает понять, что в его, героя, жизни с этого момента многое изменилось, чуть ли он не под машину пошел бросаться.

Вот такой рассказ. Г. его напечатала безо всяких комментариев, потому что П. был хотя и молодой еще, лет, может быть, двадцать пять-двадцать шесть, но уже известный в этих кругах человек — в литературных, то есть, в журналистских и так далее. Потом один литературовед-филолог для той же самой Г., по ее просьбе, написал статью о коротких рассказах, появляющихся в печати в последнее время. И там разругал рассказ П. Написал, что прием, на котором построен рассказ, очень банален. Да и сама коллизия тоже. Подобный мотив, изложенный с использованием подобного приема, можно встретить у самых разных авторов. Взять хотя бы Льва Толстого: у него Элен издали сверкает плечами, а вблизи щурится и косит. Или Достоевский: у него Грушенька и Настасья Филипповна издали — роковые красавицы, а вблизи — бабы бабами, каковыми, впрочем, и являются. В статье были и другие примеры, но хватило первых двух, потому что, с одной стороны, и вправду, куда больше, а с другой стороны, всех прочих писателей и их произведения никто не знал из тех, кого это коснулось. Запомнили только, что банальный прием называется «остранение», придумал его такой литературовед-филолог Виктор Шкловский, он же первым и обнаружил его как раз у Толстого. А раньше его то ли не было, то ли просто никто не заме-

чал — то есть остранения, а не Толстого. И Ф. — так мы назовем филолога — писал дальше, что, мол, обнаруженные «остранения» есть само по себе «остранение», ибо старый Толстой предстает в новом свете, а это и является «остранением». Что же касается П., писал Ф., то у него «остранение» настолько «распр-остраненное», что это уже не «остранение», а «прострация». Последнее слово было вынесено в заголовок, так что рассказ П., хотя о нем и была всего одна фраза, пусть и очень длинная, оказался как бы самым плохим.

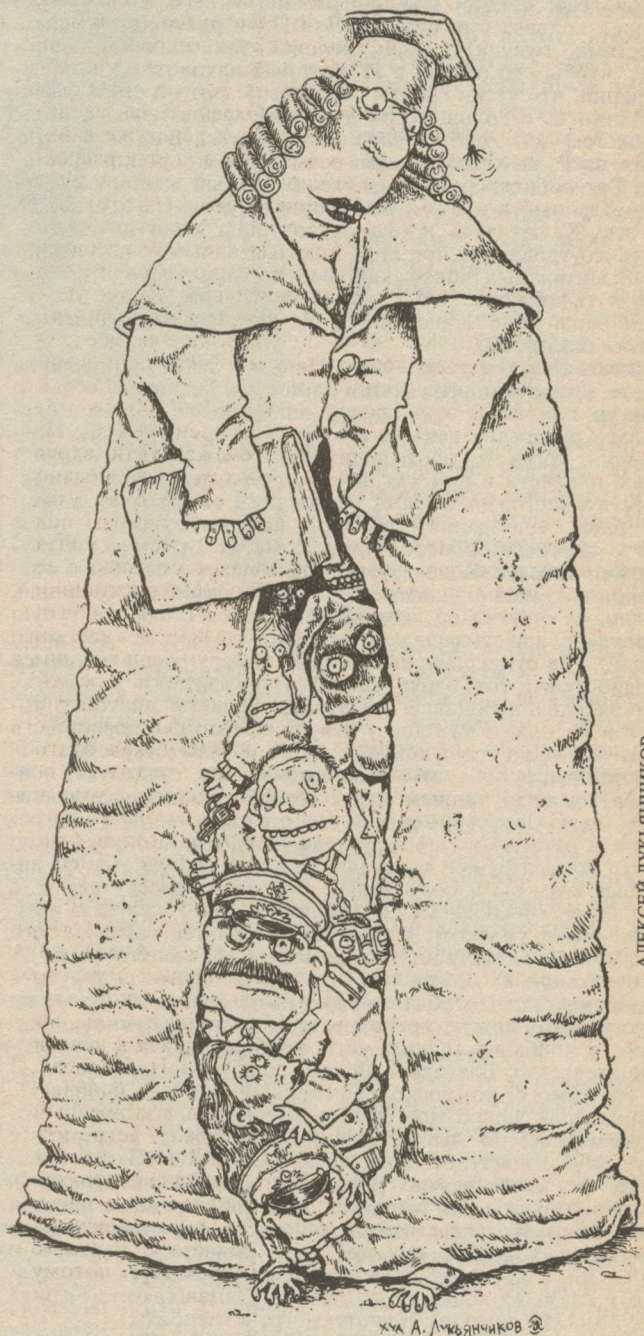
Никто особенно не читал, что там понаписал Ф., но П. очень обиделся и решил его убить. Тем более, говорил он друзьям, что это все пскудство, инсинуации — мол, Р., главный редактор Г., любит устраивать себе развлечения, когда в его газете ругают то, что в ней же печатали, любит сталкивать людей лбами и наблюдать за этим, как за петушиным боем, так вот пусть он, когда Ф. будет мертв, призадумается. Сказано — сделано. То есть, к счастью, не совсем. Дело в том, что известная эротическая модель (М1) и ее менеджер (М2) усмотрели в рассказе П. намек, или даже больше чем намек, на какую-то историю, имевшую место в биографии М1. И, поскольку скандалы полезны эротической модели, а М1 была далеко не юной и подписчики могли потерять к ней интерес, то было решено подать в суд и на Г., и на П., и даже на Ф. А П. как раз нашел топор, пришел к пальто петлю, вставил туда топор, открыл дверь, чтобы идти убивать Ф., и тут ему протягивают повестку: явиться завтра в суд. И вот он в сомнениях: идти убивать Ф. или же не идти. Известно, что Ф. должен завтра улететь куда-то на Камчатку читать лекции, но если такое дело — может быть, он останется и его можно будет убить прямо после заседания, что гораздо эффективнее? Тут у П. звонит телефон. Некто угрожающим тоном предлагает П. уплатить отступного, а то его завтра при выходе из зала суда пристукнут. Называется сумма, какая-то большая, но поменьше суммы иска, и предлагает иметь деньги при себе завтра в суде, в конверте. П. начинает дрожать, тем более что суммы такой у него нет. И здесь телефон звонит снова. Оказывается, это Ф., до которого дошли слухи, что П. хочет с ним расправиться, просит помилосердствовать и предлагает отступного. П., конечно, в восторге, но от волнения называет ровно такую сумму, которую должен в качестве отступного сам. В следующее мгновение он понимает, что не покроет ни суммы иска, ни даже морального ущерба, но в трубке раздаются гудки, и на другой день П. является в суд с твердым намерением все-таки убить Ф.: замысел созрел и упрочился.

В суде скопилось много дел, и пришлось ждать. У П. под пальто был топор, и он решил, что сперва возьмет у Ф. деньги, а после суда, расплатившись, незаметно пойдет за ним до дому и там зарубит. Но выяснилось, что неизвестный вымогатель требует денег до начала заседания: к П. подошел охранник и вручил ему незапечатанный конверт. В записке П. предлагалось немедленно положить деньги в тот же конверт и подсунуть его под дверь залы заседаний. Как говорится, час от часу не легче. А Ф., между тем, нет как нет, и П. начал подозревать, что литературовед его просто надул и улетел на свою Камчатку. Что делать? П. решил, что нужно держаться поближе к Р., и до начала заседания не отходил от него ни на шаг, даже курить во двор не ходил, хотя очень хотелось, а все только обсуждал непорядочность М1 и М2. Наконец, О. раскрыл дубовые двери, и все, включая обоих М. и журналистов, но исключая Ф., вошли.

С. стала выслушивать стороны, кивать головой, делать разные пометки в блокноте. Это была немолодая женщина, и она впервые видела такой интерес к своему маленькому суду, а также и знаменитостей, которых, правда, она не знала, потому что не читала ни эротических журналов, ни Г., лишь смотрела Т., а там никого из при-

существующих, сколько ей помнилось, не показывали. М2 стал выступать и выступил в том смысле, что все это безобразия — порочить женщину, пользуясь слухами, сплетнями, это гнусность, в конце концов, какое кому дело, какое там у нее тело, что она, виновата, что ли. Работает она много, трудно работает, на износ, работа творческая, своеобразная, но необходимая многим людям, и вот так с бухты-баракты, ничего не понимая в профессии, хорошенько не разобравшись, не поговорив со специалистами, мараить бумагу недопустимо. Естественно, когда нет прочных знаний по теме, автора тянет в сторону разных там частностей, может быть, и имеющих место, но не играющих, конечно же, главной, решающей роли. О чем говорить, если автор настолько плохо владеет жизненным материалом, что изобретает какой-то мифический «жучок», которого отродясь не бывало ни в одной машине ни одной марки, хотя очевидно, что речь идет о «крабике». Тогда-то и получают «остранение» с «прострацией», сказал М2 и только успел сесть, как распахнулась дверь и вбежал Ф., запыхавшийся и в разорванной рубашке. П. как раз начал произносить ответное слово, а все Ж. сфотографировали Ф., один же снял его телекамерой. П. отрицал, что вымышленная им история имеет отношение к М1 и М2, с которыми он не знаком. Более того: она не имеет отношения и к самой профессии, это же не очерк, надо понимать разницу, это художественное произведение, где конкретные подробности взяты как пример, а главенствует — психологическая схема. На месте модели могла оказаться, например, киноактриса, да и попросту красивая женщина, а слесаря вполне можно заменить на токаря, не в этом суть. В конце концов все это разбирательство смехотворно, неужели вернулись старые времена, когда, как написано у одного классика, все курьеры требовали, чтобы писатели писали о них, и возмущались, когда им казалось, будто писатели плохо знают жизнь курьеров. Это элементарные вещи, даже скучно объяснять; почему, например, С. не требует, чтобы писали о ней? М2, перебивая С., которая хотела сказать, что она, в принципе, не против, чтобы о ней написали, закричал, что писатели только пудрят всем мозги, в Америке за такое давно бы оштрафовали на сто тысяч долларов. А что касается статьи Ф., то к ней даже больше претензий, потому что там написано черным по белому такое вот, например: «при чтении рассказа не возникает никакого другого желания, кроме как не упасть в обморок, чтобы тебе, не дай бог, не дали понюхать нашатырю». Витиевато выражено, как и все прочее, но оскорбительный намек понятен. Или, может быть, это «остранение», а? Ф. вмешался вне очереди и стал разъяснять, что его неверно поняли, что он толкует о гораздо более тонких вещах, чем «сюжет» и «фабула», «форма» и «содержание». Что именно по этой, более тонкой линии он и предъявил претензии к рассказу, посчитав его слишком примитивным. Что его, Ф., уровень размышлений можно назвать инфралитературоведческим, а на инфралингвистическом уровне рассказ еще менее оригинален, ибо целиком заимствован, что, между прочим, является знаменем времени, но это уже тема для отдельной статьи. Позвольте, позвольте, закричал П., как это — заимствован? Вы что же, обвиняете меня в плагиате? Отнюдь, ответил Ф., я лишь хочу сказать, что, не говоря о вашем приеме, заимствованном я уже писал, откуда, и о сюжете, представляющем собой как бы обратный отголосок «Великого Гэтсби»... Какой, какой отголосок? — закричали все. Я хочу сказать: сюжет несколько трансформирован в сравнении с оригиналом, имеет место — э-э-э — паравраза и одновременно как бы, что ли, трагестия, поправился Ф. Так вот, сами персонажи вашего рассказа — эти фотомодели, сотрудники придорожных мастерских (где вы у нас видели такие?), эти лимонный лимузин и роскошная кровать — все это не присуще нашей реальности и нашей культуре, а заимствовано из западных образцов. Мало того: сам жанр короткого рассказа, short story, как говорят англичане и американцы, нашей литературе не свойственен, никто из сколько-нибудь заметных отечественных писателей не работал в нем, назовите хоть одно имя... Вы, конечно, можете сказать: а

АЛЕКСЕЙ ЛУКЬЯНИЧКОВ

худ. А. Лукьяничков ©

как же Добычин? и Зоценко? (Никто этого не говорил и, судя по всему не собирався.) Но что Добычин? И Зоценко? Добычин и Зоценко — совсем другое, Зоценко — это не рассказ, а сказ, ну а Добычин — это... это... Не удалось узнать, что же именно, потому что С., которой надоело слушать Ф., затрясла колокольчиком, а в следующий миг два О. ввели в залу заседаний понурого человека. Человек был мал ростом и subtilen, на его лицо был натянут чулок, как у Фантомаса. Ф. поморщился и сказал, что времена «владыки ужасов» прошли так же, как и времена «остранения», несмотря на попытки реанимировать то и другое. Все зашикали на него, и один из О. рассказал, что этот человек был схвачен при попытке устроиться на козырьке подъезда, куда он взбирался по кариатиде, причем при задержании у него из-за пазухи выпал конверт с надписью «Для П.» и рисунком черепа с костями. Будучи пойман, человек так жалобно запросил, чтобы его отвели к Р., который находится в зале заседаний, что О. не смогли отказать. И вот он здесь, однако стянуть с головы свой дурацкий чулок отказывается. Кажется, это вообще баба. Что делать? Взоры обратились на Р., который до сего времени не проронил ни слова. Тот побледнел, встал и сделал слабый жест рукой, но приведенный в этот момент сорвал чулок. С., М1, все О. и все Ж. остались почти равнодушны, если не считать легкого удивления при виде юного девичьего лица и копны каштановых волос, каковые тут же запечатлела фото- и телеплёнка. Что касается Ф., П. и особенно М2, то они были явно поражены, а Р., казалось, находился на грани обморока.

Здесь-то все и раскрылось. Начать с того, что рубашка Ф., на которую никто, кроме одного О., посчитавшего, что так уж принято у этих господ, внимания не обратил, оказалась разорвана именно в схватке с приведенным. Последний, когда Ф., опоздавший из-за того, что ему пришлось провести в поисках денег не только половину предшествующего, но и часть настоящего дня, входил в просторные сени здания суда, вдруг выступил в своем чулке из-за внутренних дверей и, прикрыв их, приставил к груди Ф. пистолет. К несчастью «фантомаса», это было сделано достаточно плотно для того, чтобы обмерший, было, Ф. ощутил не ледяной холодок стали, но тупую прохладу пластмассы. Ф. оттолкнул нахала, которого счел то ли сумасшедшим, то ли не в меру расшалившимся подростком; тот вдруг вцепился противнику в волосы. Произошла небольшая потасовка, водяной пистолет полетел на пол, а на лице у девушки возникла царапина, в чем все присутствующие в зале и удостоверились. Ф. прорвался, а К. — это была именно она, студентка, подрабатывавшая личным курьером Р., — осталась оплакивать свою девичью немощ. Дело в том, что девушка работала недавно и еще не успела твердо запомнить в лицо даже всех штатных сотрудников Г., не говоря уже об авторах, хотя бы и постоянных. Вот она и перепутала Ф. с П.: именно последнему она, по поручению Р., звонила и измененным голосом требовала расплаты, именно его должна была застрелять пистолетом. С какой целью? А вот с какой. Р. прознал о том, что П. грозился заручить Ф., и решил, что убить — не убьет, только болтает, но отступного может потребовать, и решил принять участие в прибылях. Кроме того, он был убежден, что разбирательство, благодаря Ф. же, решится в пользу Ф., П. и его самого, но, поскольку главный иск был вчинен П., моральный ущерб мог быть возмещен только ему, и это возмещение, по мысли Р., также следовало прибрать к рукам. К., понятное дело, связывало с Р. гораздо большее, чем одни только служебные отношения. Когда Ф. (а она думала — П.) вырвался от нее, она решила настичь его таким экстравагантным способом: сидя на козырьке подъезда, сбросить ему под ноги конверт с черепом и костями, а когда он подымет голову, брызнуть ему прямо в глаза из водяного пистолета. Замешкается, решила К., и мыз его скрутит. Девчонка, что и говорить.

Получается, каждый из участников истории чего-то не знал. Пожалуй, больше всех знала К., но и ей не было известно, что Р., видя П. пропущенным беспрепятственно, в видах исправления оплошности К., украдкой попросил О. передать П. конверт с требованием денег. Почти

столько же, сколько К., знал Р. Но зато он оставался в полном неведении насчет того, что перед поступлением на службу в редакцию К. некоторое время была любовницей М2, причем даже шел разговор о замене ею М1. Более того, именно М2 пустил в ход слух о повышенной конопатости М1 и прочих ее недостатках и позаботился, чтобы слух дошел до Р., а тот порекомендовал бы перспективному автору хорошую тему. М2 рассчитывал, что тот, кому надо, поймет и сделает выводы. Он почти уже достиг цели — избавиться от М1 (которую видеть не мог, так она ему осточертела, но которой и побаивался, ибо у нее было много друзей) без скандала в узких кругах, клонившихся к убежденности в профессиональном увядании некогда славной фотозвезды, но тут К. вдруг ушла от него к Р., и пришлось устраивать скандал в широких кругах, чтобы хоть материально возместить себе моральный ущерб по всем, так сказать, статьям. М2, однако, считал выходку К. капризом, не предполагал, что она влюблена в Р. по уши и всецело ему предана; потому, разумеется, М2 даже и в страшном сне не могло привидеться, что затеяла эта парочка. Что же касается всех остальных, то и П., и М1 не знали почти ничего, за вычетом, разве, своих оскорбленных чувств, а Ф., приближаясь к ним по степени осведомленности, имел сверх того еще один секрет: договоренность с Р. на тот счет, что если защитительная речь удастся, он, Ф., получит кругленький процент от барыша. С., все О. и все Ж. попросту недоумевали.

И тут грянул гром. Р., вместо того чтобы расторопно замазать дело, выказал малодушие и объявил, что не знает К., первый раз видит — говоря чисто по-русски, он, конечно, убоился больше оконфузиться, чем оскандальиться. К., взбешенная его предательством, немедленно забилась в истерику и закричала, что любит М2 до сих пор, да, да, любит, а ты не знал, дурачок. М2, глупо улыбаясь, раскрыл ей навстречу объятья, но тут разъяренная М1 вскопчила и закричала М2, что с ним, импотентом, она никогда больше не станет иметь никакого дела, пусть только попробует еще запихивать ей в... объектив, да чихала она на его порнографию, господин, вот, правильно говорит, что все это не наше, несвойственное нашей культуре. И вообще она теперь начнет совсем другую жизнь, ей всегда нравилась литература и писатели тоже нравились, а этот М2 держал ее, как какую-то рабыню, никуда не пускал, все запрещал. И она стала усиленно строить глазки П., а тот недолго стоял ошеломленный, понял, что тут уж ничего не выгорит, следует довольствоваться имеющимся, тем более что М1 была в специальном макиаже. Все Ж. были ужасно довольны скандалом и конфузом, снимали наперебой, сняли первый поцелуй М1 и П., сняли и Р., позеленевшего от злости и с плевком К. на лице. О. сперва остолбенели, потом начали глядеть во все глаза, С. сперва глядела во все глаза, потом махнула рукой: знаменитости все такovy. М2 кричал, что да, о, да, господин прав, какая она, понимаешь ли, «модель», как была потасуха подзаборная, так и осталась, вспомни, где я тебя нашел, и бил, и бил себя в грудь. Один Ф. ничего не кричал, а, отойдя в сторонку, тихо плакал и размазывал трясущимся кулачком слезы, потому что, наконец, понял, что ему больше ничего не угрожает.

Перед судом оказалась кучка З., которых всегда привлекает шум в таких местах. Стояла ранняя В. Несколько Д. живописно росло поодаль. На мокром А. блестели Л.: Н. лишь недавно прояснилось. Вроде бы прояснилось и все остальное, но кое-что осталось-таки между М1 и П. А именно: когда первая, сразу за порогом большой, роскошной квартиры, прижалась ко второму и он смог как следует разглядеть рябое даже под слоем румян лицо, ее грудь уткнулась в нечто гораздо более твердокаменное. Это был топор.

От себя лично хочу добавить, что не только «жучка», но и никакого «крабика» в автомобиле нет: уж мне-то как опытному автослесарю это известно. Наверно, имелся в виду «беунок». Я так и сказал М1, когда она мне все это рассказала. Мы с нею давно знакомы, еще в школе учились вместе. Тогда, в школе, я любил ее, да и теперь, если разобратся, люблю.

Сцены из домашней Библии

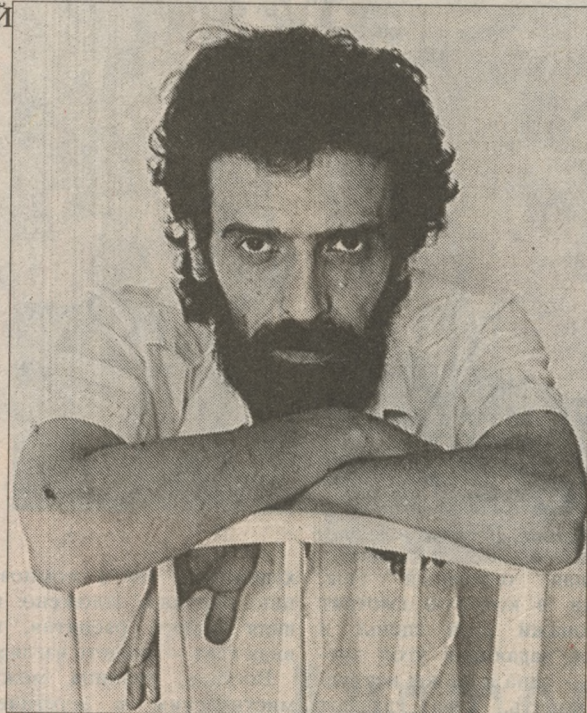
Александр СОКОЛЯНСКИЙ

Весь мир — театр; весь мир — дом; весь мир — книга. Три эти ходячие метафоры стоптаны и разношены до последней степени — хоть копыто в них обувай, — однако пусть кто-нибудь попробует приписать к ним четвертую, столь же внятную и емкую, столь же лишенную парадоксальности.

«Театр», «дом», «книгу» растолковывать не надо. Они понятны насквозь и сразу, и вовсе не потому, что избиты. Обживать в мире, понимать и наслаждаться понятным, играть свою роль — естественное содержание человеческой жизни. Здесь не обнаруживается противоречия и не предлагается выбора. Хорошо тому, для кого театр, дом и книга суть одно и то же — хорошо людям, умеющим жить в ненарушенной целокупности бытия — знания — действия.

Людям верующим и жизнелюбивым, в особенности художникам по призванию, это, как правило, удается. Для человека, «который любит мир и верит в Бога» (строчка из гумилевского «Фра Беато Анжелико», тоже напророчу расцитированная), мир есть храм. То есть — дом Божий. Триада упрочняется, пролившись в иное, высшее измерение: место театра заступает обряд; место книги — Писание.

Я постеснялся узнавать, насколько и как именно религиозен художник Анатолий Чечик. Это не мое дело. Картины Чечика с полным правом могут быть названы «религиозной живописью»: не столько по сюжетам, сколько по отношению к миру — хотя и по сюжетам тоже. Центральное место в его творчестве — место Солнца в планетарной системе — принад-

Анатолий ЧЕЧИК

ЮРИЙ МЕХИТОВ

лежит священной Истории: самым хрестоматийным, самым общеизвестным главам Ветхого Завета.

«Изгнание из Рая»: сияющее марево (в кипении желтого, оранжевого и лазури различаешь архангела с пылающим мечом: пространство сгущается в фигуру) — оно словно выталкивает Адама и Еву на первый план, чуть ли вообще не за раму. Человеческие фигуры взяты сразу в двух ракурсах: прием, известный со времен молодого Пикассо, использован не ради динамики только — он работает на эмблематику смысла. Мы присутствуем при кульминации изгнания, происходящего здесь и сейчас. В верхнем ракурсе люди — еще жители Рая: чистые цвета, легкие контуры, пронизанные светом (хотя уже — искаженные стыдом и мукой) лица. В нижнем — фигуры уплотняются, наливаются тяжестью и темнотой. В преобладающих

землистых тонах лишь оттенки напоминают о блаженных красках Эдема.

Библейские картины Чечика рассказываются подчас не хуже, чем живопись передвижников. Вплоть до 90-х годов такая прописанность сюжета считалась у радикальных богемных интеллектуалов смертным моветоном (исключение делалось разве для соц-арта). Сейчас вкусы меняются, и, видимо, надо раскрыть страшную тайну арт-бизнеса: принципиальное отвержение «школы» и «мастерства», «сюжетности» и «живописности», отказ от критериев художественного качества как таковых — все это было не только помрачением, но и жульничеством. Элитарный арт-бизнес 80-х был парадоксально схож с поп-индустрией, где ни отсутствие голоса, ни серая внешность, ни вообще бездарность не мешают новой звезде «раскрутиться», а ее

менеджеру — нажить новые деньги. В перестроечной России появилось слишком много хороших менеджеров и дилеров — оттого расплодилось бесцветных звезды и надувные гении. Впрочем, все это так, к слову.

Чечик мастерски владеет цветом. Знает технику лесировок. В его картинах сюжет разворачивается, становится сценой: не обязательно, но часто. Можно предположить, что так проявляет себя опыт театральной работы: с середины 70-х годов Анатолий Чечик был сценографом в киевской муздраме, в театре имени Франко, оформлял спектакли в других городах. В конце 80-х театром он заниматься перестал (осуществив заветную мечту большинства профессиональных сценографов), ушел в станковисты, но, как видно, сохранил специфически театральное видение мира. «Персонаж» для него интереснее, чем модель, жест выразительнее, чем поза, переживание содержательней, чем любованье.

Кажется, в его жизни не было Мастера — учителя и наставника, передающего по наследству секреты профессии, направляющего движение к индивидуальному стилю. Были и сохранились влияния, точнее сказать — пристрастия. Ручаюсь за Пикассо и Шагал (Шагал совершенно очевиден — в еврейских лицах, в летящих фигурах, в певучей наивности), сильно подозреваю Ван Гога, угадывая его звучные, кимвальные столкновения цветов в «Вот вам бог»: зачарованном поклонении золотому тельцу, улыбающемуся загадочно и похотливо. И еще — в яростном, воющем «Сумгаите» с косматой бестией, ворвавшейся в центр и словно раздирающей пространство (кстати, по композиции работа отчасти напоминает «Гернику»).

Это не подражательность и не эклектизм. Это именно театральность мышления: у приема, у цвета, у взятого

напрокат мотива есть роль в общей игре. Театр, как никакое другое искусство, учит открывать новизну известного, находить личное, сегодняшнее, свое — в том, что сказано задолго до тебя и не для тебя специально. Художественный мир Чечика открыт и разнообразен, но на удивление целен: его скрепляет не верность однажды найденной манере, а принципы, по которым выбирается и соединяется нужное — для взятой темы, для новой работы.

Еще одно, чисто формальное свидетельство театрального происхождения — угол зрения. Плоскость изображения в работах Чечика довольно редко остается не сдвинутой. Как правило, происходящее в картине рассматривается чуть снизу или, напротив, почти «из-под потолка» («Рыбафиш», «Грузинское застолье»). Ракурсы, привычные именно театральному художнику, смотрящему на сцену из партера и из осветительной ложи.

«Тень Голгофы»: ни кусочка неба. Глина и рыжий сухой дерн, прописанный густыми, резкими мазками: злая, жаркая немота мира. Дуга плотно стоящих маленьких людей, поднявших головы кверху: взгляды сходятся в одну точку за пределами холста. Лица выражают — да почти ничего не выражают лица, разве что жестокое детское любопытство (Чечик любит приплющивать человеческие фигуры, добрая половина его полотен заселена коренастыми, коротконогими детишками, загримированными под библейских евреев, или унылыми музыкантами в московском метро).

Из левого нижнего угла растет наискось, навстречу взглядам, темная прямая: тень рассекает толпу и чуть ли не самую землю. У верхнего края рамы намечается перекрестье.

Эта земля, эта толпа наваливаются на смотрящего, тень креста врезается в них, словно веревка, удержи-

А. Чечик. Бегство в Египет

вающая огромный тук. Точка, в которую смотрят персонажи этой сцены, и точка, задающая угол зрения, — одна и та же: нетрудно понять, куда глазают маленькие люди и кто смотрит на них с состраданием и жалостью. «Прости им, Боже, ибо не ведают, что творят».

В записках владыки Антония (Блума), митрополита Суражского есть удивительное описание первого религиозного опыта, собственного. Однажды в ранней юности он, маленький затравленный эмигрант, решил «разобраться» с христианством и прочесть хоть одно Евангелие (выбрал, конечно, самое короткое — от Марка). И, читая, не отрывая от книги глаз, вдруг почувствовал, что кто-то сидит рядом и на него смотрит, и этот кто-то — Христос. Это было именно физическое ощущение взгляда, живого присутствия — оно перевернуло судьбу и определило жизненный путь одного из самых замечательных подвижников и проповедников православия 2-й половины XX века. Я не к тому, чтобы гадать, было ли что-то подобное в жизни

художника, но в композицию картины заложено: не видя самого распятия, не видя глаз — увидеть взгляд.

Вообще, граница между мистическим и эстетическим опытом иногда бывает невероятно тонка (конечно, это не значит, что ее вовсе не существует). Мне трудно отделить «светскую» живопись Анатолия Чечика от «религиозной»: любая сцена, любая «натура» пронизана эманациями священной истории — и старик с кривым ножом («Не вари козленка в молоке матери его») выглядит как Авраам, приносящий в жертву Исаака, и радостно скачущие амазонки, слившиеся почти в одно тело, по рисунку решены точь-в-точь так, как Каин, убивающий Авеля, — в работе, сделанной двумя годами раньше.

В многометровой графической композиции «Песнь песней» эротическое соединено с сакральным одновременно и так и не так, как в священной любовной песне царя Соломона. Художником она пережита не как песня, а как книга — развернутый свиток, читающийся, как положено, справа налево.

Вязь древнееврейского письма подсказывает контуры, переливается в смуглую плоть, в любовную схватку. Жизнь текста становится жизнью тела, динамичной и экстатической.

Самый же знаменитый период Книги Екклесиаста, начинающийся: «время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное», использован вроде бы вовсе не по назначению. Проповедник говорит о бренности и временности всего сущего, о том, что каждое дело будет переделано: разорванное сошьют, собранные камни разбросают — когда придет время. Глаголы Екклесиаста не сталкиваются друг с другом, но шествуют царственными парами: династия Антонимов.

Художник эти пары разлучает. Он занят другим: здесь и сейчас — время для чего? «Время любить» с телами, словно истгаивающими в сонно мерцающей комнате, тоскливое «Время прощаться», даже «Время варить вишневое варенье» и вовсе шутовское «Время бриться...» — и такое есть, отдельное время. Монолог о смертности мира разят на жанровые картины — живые, притягательные.

Ну что ж, хорошо и вовремя сварить варенье — тоже дело святое...

Шутки шутками, а открыв домашнюю Библию, я тут же уверился, что Анатолий Чечик глубоко прав. Действительно: «Все идет в одно место: все произошло из праха, и все возвратится в прах», — говорит Екклесиаст, но не так уж скорбит об этом — и людям не советует.

«Познал я, что нет для них ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей».

И если какой человек ест и пьет и видит доброе во всяком труде своем, то это — дар Божий».

Дай Бог художнику Чечичу так же хорошо есть и пить, как делать доброе.

Тень Голгофы

Анатолий Чечик

Прощание славянки

Рыба – фиш

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК